Д6
60
С-50

ТРУДЫ
Средне-Азиатского Государственного Университета
Серия III-а. История
Выпуск 2

ACTA
Universitatis Asiæ Mediæ
Series III-a. Historia
Fasc. 2

П. Смирнов

ПРАВИТЕЛЬСТВО Б. И. МОРОЗОВА И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ 1648 г.

P. Smirnoff

LE GOUVERNEMENT DE BORIS MOROSOFF ET LA RÉVOLTE A MOSCOU 1648

ИЗДАТЕЛЬСТВО СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Ташкент — 1929 — Taschkent

ТРУДЫ
Средне-Азиатского Государственного Университета
Серия III-а. История
Выпуск 2

ACTA
Universitatis Asiæ Mediæ
Series III-a. Historia
Fasc. 2

DЪ
60
C50

П. Смирнов

ПРАВИТЕЛЬСТВО Б. И. МОРОЗОВА И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ 1648 г.

P. Smirnoff

LE GOUVERNEMENT DE BORIS MOROSOFF ET LA RÉVOLTE EN MOSCOU 1648

ИЗДАТЕЛЬСТВО СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Ташкент—1929—Taschkent

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
496837

Печатать разрешается.

16. IV. 1929 Ректор *Б. Городецкий*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1740
29

Ответственный редактор **П. А. Баранов**

Секретарь редакции **И. А. Райкова**

Ташкрлит 786. Тираж 1053 экз.

Ташкент. Типо-литография № 2 Узполиграфтреста—29—2927

Начавшееся в Москве летом 1648 года и затем распространившееся по другим городам (Соль Вычегодская, Устюг Великий, Козлов, Талецкий острог, Челнавский острог, Томск, Новгород и Псков) движение имеет значение не случайного только эпизода мятежной вспышки, но и одного из важных этапов русского общественного развития после Смуты. Оно является наиболее ярким моментом городских движений в Московском государстве XVII столетия, включая сюда и участие городов в движении С. Т. Разина, и вместе с ним морфологически соответствует восстанию Парижа и других «добрых городов» Франции в 1358 году и участию английских горожан в восстании Уота Тейлора 1381 года.

Движение в Москве зарождалось среди сложных дворцовых интриг и борьбы за власть в Кремле; непосредственным поводом его были те новые методы наполнения казенного сундука, которые пускала в ход сословная монархия XVII века. Но вместе с тем главной осью разгоревшейся борьбы с неизбежностью стала коллизия между живыми еще по московским городам устоями старинного полуфеодального хозяйства крупных вотчинников, какими были слободы бояр Романовых, Шереметевых, Черкасских и др., монастырей и иных церковных учреждений, с одной стороны, и носителями торгового капитала—посадскими людьми, идейным сторонником развития которых был крупнейший землевладелец и экспортер, покровитель городов и сторонник иноземных начал, боярин Борис Иванович Морозов, окруженный своими худородными сподвижниками и дьяками из московских гостей. Эта коллизия осложняется борьбой дворянской поместной армии за крестьянскую крепость, которая одна только могла спасти среднее и мелкое землевладение в борьбе с крупным за рабочие руки, а также за земли для новых поместных раздач, которые нужно было вырвать из рук церкви. Победа Морозова и его партии означала торжество городов, которые отбили у бояр и церкви их слободки, но не победу городского класса. Уступкой части своих городских владений посадам церковь отсрочила секуляризацию своих имуществ до конца XVIII столетия; но дворянство все же не потерпело поражения и успело добиться закрепощения крестьян. Таковы нецельные и сложные, компромиссного характера, итоги московского движения 1648 года, в котором родилось Соборное Уложение.

1. Обстоятельства воцарения Алексея Михайловича и образование правительства боярина Б. И. Морозова.

12 июля 1645 г. скончался царь Михаил Федорович. Он умер в трудную минуту: его внешняя политика, которую вели за него, дважды оказалась неудачной; внутреннее положение было напряженным; государственные средства истощены, а вопрос о престолонаследии был тягостно запутан.

Кончина первого Романова, избранного на Земском Соборе 1613 года, открывала вопрос о порядке замещения престола, так как ни избирательная грамота, ни утвержденная царя Михаила ничего не говорят о нем[1]. Что касается обычая, то он теперь был отнюдь не за наследование, а за избрание царя Земским Собором, что практиковалось уже со времени смерти Грозного в 1584 году. Такой порядок подсказывался и примером Польши, которая имела для Руси XVII столетия то же значение, какое в XVIII имела Франция, а в XIX—Англия. В ожидании смерти царя и предстоявших выборов в возбужденной общественной атмосфере уже давно велась избирательная кампания и намечались возможные кандидаты, памятником чего являются как долетевшие до нас утверждения о незаконном происхождении царевича Алексея, которому поэтому «не довелось» сидеть на троне, так и наличие в Кремле готового претендента, датского королевича Вальдемара, который приехал в Москву 24 января 1644 г., вызванный желанием царя Михаила породниться с царствующим домом Европы, и жил теперь в Москве в качестве жениха старшей царевны Ирины.

Слухи о том, что царица Евдокия Лукьяновна (Стрешнева) рождала только девочек, и что мальчика Алексея подложили вместо одной из них, распространялись даже из авторитетных кругов высшего духовенства. Еще в 1635 году, напр., архимандрит Хутынского монастыря Феодорит высказывал такое мнение: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметной ли?» Великой инокине Марфе, матери царя Михаила, приписывали рассуждение: «Глупые де мужики, которые быков припущают к коровам об молоду, и те де коровы рожают быки; а как де бы припущали об исходе, ино б рожали все телицы. Государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рожает царевны; а как бы де государь царь женился об молоду, и государыня де бы царица рожала все царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы, а что де государь царевич Алексей Михайлович, и тот де царевич подменный».[2]

Сам царь Михаил Федорович, повидимому, дал основания думать о кандидатуре королевича Вальдемара, обещавши ему в приданое уступку «на вечные времена» Суздаля и Ярославля, а затем Новгорода и Пскова. Принадлежащая перу неизвестного автора современная событиям «Повесть

---

[1] С. Г. Г. и Д. III № 1; Чт. в О. И. и Д.Р. 1906, III.

[2] Новомбергский. Слово и дело государевы, т. I № 135, 57.

и писаніе извѣстно о еже случися быти въ нашей рустѣй земли въ нынешнихъ настоящихъ лѣтѣхъ... есть убо и слезамъ достойно» (ок. 1645 г.), посвященная неудачному сватовству королевича Вальдемара и имевшая задачей оправдать приписываемое боярину Б. И. Морозову возведение на престол царя Алексея Михайловича, с подозрительной настойчивостью доказывает законность наследственных прав последнего, воздает хвалу Богу за то, «яко не облада нами невѣрный (т. е. королевич, П. С.), и не вниде нечестіе во благочестіе; облада нами и владѣетъ нынѣ по своему царскому достоянію и по прирожденному своему отечеству сей природный государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, во отца своего мѣсто» и т. д.—«Богъ его государя избралъ, продолжает свою апологию автор,—и отъ всего христіянского народа и возлюбленъ бысть и возведенъ на царскій престолъ... всѣмъ намъ православнымъ христіяномъ любъ и пріятенъ, понеже царская отрасль, истинный царевъ сынъ... Той же нечестивы королевичъ гинулъ паки ко отцемъ своимъ». [1]

При этом публицист Морозовской партии приходит к заключению, что внезапная кончина царя Михаила (в ночь на 13 июля 1645 г.) и последовавшая через пять недель смерть царицы Евдокии, которые он ставит в непосредственную зависимость от неудачи переговоров о браке старшей царевны, последовали хотя и «нелѣпо», но весьма своевременно. Только благодаря этой смерти Российская держава избегла власти иноверного королевича.—«Аще бы государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи ко Господу не отшелъ, паче же бы нынѣ послѣ его государя не восхотѣлъ бы той нечестивый (т. е. Вальдемар, П. С.) благая мыслити, аще бы и зять былъ нынѣшнему государю ц. и в. к. Алексію Михайловичю всеа Русіи, но обаче вяще бы себѣ добра восхотѣлъ (съ) своими державцы съ погаными нѣмцы, восхотѣлъ бы большей властецъ быти и царствомъ владѣти и смуту бы и крамолу учинилъ велику зѣло».—«Безъ ихъ же убо государей не ихъ воля стала, но новая благодать восіяла, сія отрасль ихъ царская востала, благовѣрный царевичъ князь Алексій Михайловичь уже и царь нареченъ бысть». [2]

Таким образом, не умри во время царь Михаил, не бывать бы царем Алексею,—такова нить рассуждения этого публициста. После смерти Михаила объявленный государем Алексей, по описанию того же автора, «благоумнѣ умысли», «что тому нечестивому королевичу Вальдемару отказать, яко нѣсть ему у насъ въ нашей рустѣй земли части, ни жребія, да идетъ во свою невѣрную землю со всѣми своими сослужащими ему съ погаными же нѣмцы». [3]

Князь Семен Иванович Шаховский, через три года после событий привлеченный сторонниками Б. И. Морозова к ответственности за письменный совет царю Михаилу оставить в России королевича Вальдемара, даже без перекрещивания его, и приговоренный боярами к сожжению за то, что «присталъ къ королевичу и съ своими совѣтники во всемъ ему добра хотѣлъ и безпрестанно мыслилъ и дѣлалъ еретическое и богомерзкое дѣло», на первом допросе 1 января 1649 года отвечал боярам, «будто онъ то все дѣлалъ, исполняя повелѣнье блаженные памяти г. ц. и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Русіи». [4]

---

[1] Голубцев. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, стр. 15—16,—Чт. в О. И. и Д. Р. 1892, II.

[2] Памятники прений о вере, стр. 13, 15.

[3] Там же, стр. 12.

[4] Там же, стр. 156. По окончательному приговору 3 янв. 1649 г. «Сенька Шеховской» был сослан в Соль Вычегодскую.

И хотя в дальнейшем он отказался от этого показания, но по всей обстановке оно не лишено вероятности. Откровенные толки о том, что не царевичу Алексею, а королевичу Вальдемару следовало занять русский трон после Михаила шли и между служилых людей. Так, Федот мурза Бердышов, из Шацких мурз, в 1646 году высказывался на эту тему в таких выражениях: «Посадить де было на государство Московское королевича Датцкого, которой былъ на Москвѣ, а государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русиі напрасно де на государьство посадилі», или: «А тому де было государю на царстве і не быть: посадилъ де его на царство Морозовъ». [1] Процесс и обвинение кн. С. И. Шаховского объяснялись также будто бы высказанным последним сомнением относительно законности прав на престол царя Алексея. [2]

Насколько всерьез принимали в Кремле возможность оспаривания престола со стороны заезжего королевича, показывает и та поспешность, с какой его постарались выпроводить из Москвы через месяц после объявления царем Алексея (17 августа 1645 г.), и та боязнь, какую проявляло правительство Морозова по отношению к королевичу спустя год после его отъезда домой. В июне месяце следующего 1646 года, «для опасенія Архангельского города от датскихъ нѣмецъ», на Двину прислан был из Москвы боярин князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский с отрядом в 1800 стрельцов, которых собрали для этого похода из Москвы, Нижнего Новгорода и из различных пунктов Поморья. Только осенью ратные люди были распущены,—«потому что воинскихъ людей къ Архангельскому городу приходу тогда не было и впредь не чаемо». [3]

Такова была дворцово-династическая обстановка появления на троне 16-летнего царя Алексея и образования нового правительства боярина Б. И. Морозова.

Общественно-политическая обстановка была также весьма сложной. Начавшееся еще перед Смоленской войной движение дворян и детей боярских не прекращалось и принимало все более широкие и опасные формы. Боевая тревога или ординарная служба, вызывавшие поместную армию на южную границу, неизбежно приводили к скоплению десятков тысяч вооруженных людей в Москве, где формировались отдельные полки, получали жалование, производился суд и т. д., и почти регулярно через 3—4 года такие съезды сопровождались выразительными демонстрациями поместного класса, когда «вся земля», «все горсды», «дворяне и дети боярские всех городов» подавали на царское имя петиции от своего имени или даже от имени «всего народа», если к полуприкрытому мятежу присоединялись черные слободы и сотни, а также стрелецкий гарнизон столицы. Дворяне и дети боярские добивались закрепощения крестьян или, точнее, отмены урочных лет для сыска беглых, реформы и децентрализации суда, обороны от сильных людей; гости и торговые люди думали об изгнании иноземцев; черные люди жаловались на захваты их городских земель беломестцами, на уход тяглецов в закладчики за сильных людей, словом—

[1] Павел Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов пер. пол. XVII в. стр. 67—70—Чт. в О. И. и Д. Р. 1915, IV.

[2] Поммеренинг доносил из Москвы королеве Христине 13 января 1649 г.: «4 января князь Шаговской-Петоргой (knäs Sckogoffsgoj—Petargoi) чуть было не потерял свою голову за то, что он, как говорят, сказал, что граф Вальдемар мог бы взять за себя сестру их великого князя; некоторые другие достойные веры люди говорят, будто он говорил, что его царск. в-ство—незаконнорожденный (oächta), но он был помилован и опять послан в Сибирь».—Якубов, Россия и Швеция в первой пол. XVII в., стр. 437, М. 1897.

[3] Летопись Двинская, стр. 22, М. 1889.

каждый думал о своем, и часто интересы участников движения были противоречивы и несогласимы. Но от этого не легче было правительству, от которого добивались с угрозами всего этого сразу, давая почву для непрекращавшейся борьбы за власть различных групп и фамилий, окружавших трон первых Романовых.

Первые указания на это движение мы встречаем еще в то время, когда патриарх Филарет Никитич, оффициально носивший титул великого государя и управлявший за царя Михаила государством, подготовлял попытку отбить у поляков захваченный ими во время Смуты Смоленск и посохом побуждал невоинственного сына к войне. [1]

В 1631 году Сургутский казак Алешка Левонтьев, побывавши в Москве, так описывал ее настроения перед Смоленской войной: «был де он Олешка на Москве и с Москвы приехал вскоре; а делаетца де на Москве нестройно,—розделилась де Москва натрое: бояря себѣ, а дворяне себе, а мирские всяких чинов люді себѣ ж. А государь де для того в кручине». [2]

Война началась в августе 1632 года и закончилась 16 февраля 1634 года сдачей русской армии боярина Шеина полякам, которые окружили ее под Смоленском. Приехавший через три месяца после казни Шеина в Москву Олеарий сообщает, что вернувшееся из-под Смоленска русское войско «требовало выдачи своего генерала, жалуясь на его измену, в которой он был обвиняем не без причины; но просьбы войска не уважили: с жалующимися поступлено было жестоко, и всеобщее восстание готово было вспыхнуть. Опасаясь этого, великий князь принужден был, в угождение народу, дать обещание, что он казнит Шеина», и Шеин, действительно, погиб на плахе. [3]

Филарет Никитич умер 1 октября 1633 года, когда печальный финал его предприятия только выяснялся. У кормила власти остался сначала боярин князь Иван Борисович Черкасский, который и при Филарете играл в администрации первую роль, объединяя в своих руках управление финансами, военными делами и вместе охраной царского здоровья. [4]

Соединение в одних руках заведывания Приказом Большой Казны, военными и Аптекарским приказами в первой пол. XVII столетия стало постоянным явлением. Это соединение и создавало как бы должность первого лица в государстве после царя. Вскоре Черкасского в указанных должностях сменяет боярин Федор Иванович Шереметев, который в 1638 году сидит в Большой Казне и «в ведении которого, по отзыву современника, находились все дела». [5]

[1] Ср. отзыв о патриархе Филарете рус. хронографа: «нравом опальчив и мнителен, а владителен таков были, яко и самому царю боятися его.., боляр и всякого чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми не обратными и инѣми наказанми..., всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ»...—Изборник Андрея Попова, стр. 316. Польскому послу Николаю Воронцу в Москве (январь 1634 г.) рассказывали, что патриарх, раздраженный нежеланием сына воевать, со словами: «Глупый, своего добра не понимаешь»!, так ударил его посохом, что царь Михаил свалился с ног.

[2] б. А. М. И. Д. Приказные дела ст. лет 1633 № 54.

[3] О состоянии России в царст. Мих. Федоровича и Алексея Михайловича, стр. 46—Архив ист. и практ. сведен., относящихся до России, кн. III, 1889.

[4] Шведская записка о дворе царя Михаила Федоровича (ок. 1624 г.) говорит: «Князь Иван Борисович Черкасский—окольничий и глава всего военного совета, управляющий аптекой великого князя и казначей; вообще думают, что он получил все управление государством и был первым на месте Мстиславского, который умер в мое время и тоже был окольничим всего Московского государства».—Р ж и г а, из шведских документов. Сообщение по двум шведским документам о русском дворе и правительстве первой четверти XVII века, стр. 20,—Действия Нижегородской Учен. Архивной Комиссии, Сборник т. XIV, Нижний 1913.

[5] Ф о р с т е н. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины—ЖМНП 1891, VI, стр. 359,-367—8.

Эти перемены после Филарета имели принципиальное значение. Русская внешняя политика XVII столетия имела два основных направления, между которыми она колебалась. Первое—это направление на запад, против Польши и Швеции, сторонником которого был патриарх Филарет. В этом направлении очень серьезно были заинтересованы носители русского торгового капитала, т. е. не только гости и торговые люди, но и весь поместный класс дворян и детей боярских, сбывавший продукты своего хозяйства и собиравший оброки с крестьян в серебре. Это направление выводило на старинные торговые пути на запад, и, в случае захвата территории, обещало культурную заселенную площадь, которая могла итти в поместную раздачу. Задолго до Петра такое направление становится у нас как бы традиционным для всех демократических дворянских правительств и царей (Грозный в период опричины, Годунов, Филарет). Другое направление было на юг (и восток). Это направление степное, татарское, которое требовало построения десятков крепостей, с затратой больших средств, заселения уездов ратными людьми, которые обращались здесь в однодворцев, одной рукой пахавших дикое поле, а другой защищавшихся от татарских загонов, которые охотились на них, как на степную дичь. Оно являлось у нас направлением по преимуществу боярской политики, так как от захвата степей, не требовавшего стратегического искусства и относительно легкого для полководцев, выигрывали лишь прикрывавшиеся новыми крепостями и засеками приоцкие уезды и крупные бояре-колонизаторы, которые владели здесь собственными городами, держали свои отряды стрельцов или казаков и занимали целые уезды (князья Мстиславские, бояре Шереметевы, Романовы).[1] За степными далями должны были рисоваться в этом направлении нашим политикам берега Азовского и, быть может, Черного морей, которые оберегали Крымские татары и турецкие крепости. Выход на морское побережье во всяком случае являлся естественным завершением южной политики, которая требовала больших затрат, была трудна для ратных людей и не окупала себя непосредственно.

Смерть патриарха Филарета и провал Смоленской войны с переходом власти в руки сначала князя Ивана Борисовича Черкасского, а затем боярина Федора Ивановича Шереметева означали поэтому также изменение внешней политики. Шереметев был автором «вечного» Поляновского мира с поляками, по которому вместе со Смоленском мы отказывались от активной политики на западе. Вместо этого государственные средства и военные силы были брошены в татарскую степь, где сравнительно легко удалось взять реванш. За время управления Б. И. Черкасского и Ф. И. Шереметева в течение 10 лет (с 1636 по 1645 годы) на юге было отстроено около двух десятков новых крепостей и заселено ратными людьми почти столько же уездов.[2]

Московские черты выступили далеко вперед; два десятка новых крепостей потребовали затраты больших средств, которые должны были выплачивать государевы тяглецы; тысячи детей боярских и служилых при-

---

[1] См. наши Города Моск. государства, т. I вып. 1 стр. 102 и сл.; Е. Д. Сташевский. К истории колонизации юга, М. 1913.

[2] См. Города Моск. государства т. I вып. 2 стр. 58 и 68. В **1636** г. было выстроено: Козлов, Чернавск, Орел, Талецкий острог, Тамбов, Верхний Ломов, Нижний Ломов, Керенск; в **1637** г.: Верхососенск, Карпов, Короча, Новый Оскол (Новый Царев Алексеевск), Усерд, Хотмышск, Яблонов; в **1639** г.—Чугуев; в **1640** г. Вольный; **1642** г. — Ефремов; в **1645** г. — Ольшанск. Ср. нашу рецензию на труд А. И. Яковлева, Засечная черта Москов. государства в XVII в. в Рус. Мысли 1917 г. кн. V—VI стр. 4—9.

борных людей были принудительно переведены в степи на новые места; увеличился и вырос и без того обширный район, куда могли скрываться от своих владельцев их крестьянишка и людишка. Усилились трения с Турцией и с татарами, увеличились тягости южной службы поместной армии, и возрасло недовольство служилых людей.

Еще в разгар строительства на юге, в феврале 1637 года, собрались в Москве дворяне и дети боярские, которые были вызваны на службу, потому что донские казаки, действовавшие, вероятно, не без согласия Московского правительства, обложили турецкую крепость Азов, а крымские татары громили Московские украйны. [1]

Пользуясь трудным положением власти, поместная армия потребовала у правительства отмены указных лет для сыска беглых крестьян, реформирования суда, который должен быть децентрализован, стать выборным и получить в руководство «улаженную судебную книгу», и добилась кое-каких уступок. Весной 1641 года казаки снова захватили Азов, и турецкий султан Ибрагим двинул к нему армию в 240.000 человек с сотней пушек. Осада Азова длилась до сентября. Московское правительство спешно укрепляло свои границы и собирало войска. И в результате, летом 1641 года, в Москве снова подымается волна недовольства и нависает угроза военного бунта. Дворяне и дети боярские «всево Московскова государства», которые «для службы были на Москвѣ», «всѣми городами и Москвою», «всею землею» били челом государю «о своей бедности и о разоренье» и о преобразовании суда. В письме от 15 июля один из участников движения описывает это выступление «всей земли» с петицией почти как военный бунт армии в столице: «земля стала», «и смѣшенье стало великое»; «шла мірская молва» про бояр, что «боярамъ от земли быть побитымъ». В ответ на челобитье, резолюцией 23 июля 1641 года, правительство Ф. И. Шереметева отделалось сравнительно дешево: срок сыска беглых крестьян увеличили с 9 до 10 лет и до 15 для вывезенных; были уничтожены сроки для предъявляемых к духовным лицам исков и т. п. Ничего существенного сделано не было; а важнейшие вопросы, быть может, надеялись перенести на Земский Собор, который должен был собраться 3 января 1642 года.

Земскому Собору правительство Ф. И. Шереметева предложило итти на помощь донским казакам «для пріимания города Азова» и предъявило подробную смету стоимости предстоящего похода к берегам Азовского моря. [2]

Этот поход должен был увенчать десятилетние усилия и траты степной политики Черкасского—Шереметева; Азов был необходимым завершением ее, и самые покушения донских казаков, надо думать, были инспирированы руководителями русской внешней политики. Однако Земский Собор, на который перенесена была атмосфера летнего движения в столице, демонстрировал нежелание принять труды и новые расходы, вызывавшиеся борьбой с Турцией из-за азовских берегов. Чины Собора сваливали и то и другое друг на друга. Дворяне и дети боярские рекомендовали послать в степи солдат и стрельцов, прибрать для похода «охочих вольных людей», да и то «опричь крепосных и кабальных людей»; на расходы предлагали взять патриархову казну, «и Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и въ монастырѣхъ лежачую домовую казну». Вместе с тем

[1] А. Э. III № 275.

[2] С. В. Рождественский, О Земском Соборе 1642 г.—Сборник статей, посв. В. И. Ламанскому, ч. I. Спб. 1907.

сыпались жалобы на бояр и дворян, которые «отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатествомъ», на духовенство, которое утаивает свои богатства, на дьяков и подьячих, которые, «обогатѣвъ многимъ богатествомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои сстроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»... Вместе с тем даже наиболее лойяльные заявляли: «а разорены мы, холопи твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и от неправедныхъ судовъ»...

При таких настроениях от похода и принятия Азова пришлось отказаться, и это было тяжелым ударом по южной степной политике Ф. И. Шереметева, а следовательно и по нему самому. От проникновения в степь, правда, не отказались; но после 1642 г. строительство новых крепостей замирает. Ф. И. Шереметев оставался у власти еще до 1645 года, когда скончался царь Михаил Федорович, но положение правительства, которое, повидимому, простроило на юге все свои ресурсы, было чрезвычайно тяжело.—«Общественные дела так запущены, писал из Москвы в 1645 году шведский резидент Крузебиёрн,—что ни царь, ни его советники не видят исхода; царский канцлер охотно даже покинул бы свой пост». [1]

В недалеком будущем Крузебиёрн ожидает в Москве всеобщего восстания.

Момент внезапной кончины царя Михаила в ночь на 13 июля 1645 года не был удобным для созыва Земского Собора, даже если бы правительству очень хотелось собрать его для избрания нового царя. Все лето и зиму 1644 года на юге происходили передвижения татарских отрядов; в Москву шли тревожные слухи о намерении их напасть на пределы Московского государства. Уже с февраля месяца 1645 года на юг были высланы кормовые и поместные иноземцы; в апреле туда же передвигались Московские чины, вызванные из уездов городовые дворяне и дети боярские, и постепенно вся поместная армия собралась на южной границе под командой окольничего князя Якова Куденетовича Черкасского. [2]

Таким образом, главная масса избирателей занята была на государевой службе, и на местах некому было выбирать советных людей для Собора. Но после опыта 1642 года и при существовавших настроениях поместной армии едва ли Земский Собор казался желательным для тех лиц, которые соединяли свои планы с личностью царевича Алексея. Это была ближайшая родня династии, во главе которой стал дядька, т. е. воспитатель Алексея, боярин Борис (Илья) Иванович Морозов. [3]

На следующий же после смерти царя Михаила день, 13 июля 1645 года, как рассказывает Олеарий, «приветствовали Царем и Великим Князем всея Россіи сына его Алексея Михайловича», «и в тот же день, единодушным согласием всех бояр, знатных господ и всего народа, его венчали на царство и присягнули ему». Первым присягнувшим был двоюродный брат Алексея боярин Никита Иванович Романов; но истинным режиссером спешного «избрания» Алексея при помощи оказавшихся под рукой 13 июля каких-то «знатных господ и всего народа» общественное мнение единодушно называло боярина Б. И. Морозова, который, таким образом, разрубил запутанный Михаилом вопрос о наследовании его престола.

---

[1] Форстен. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины, стр. 366, 364,—ЖМНП 1891, VI.

[2] А. М. Г. II №№ 205, 206—228, 230, 232—35 и др.

[3] Крещеное имя Б. И. Морозова было Илья. Ак. Н. П. Лихачев, Материалы для истории визант. и рус. сфрагистики, вып. I стр. 86 прм.—Труды Музея Палеографии Ак. Наук, т. I вып. 1, Ленгр. 1928.

Никакого Земского Собора в 1645 году не было, и никаких следов его созыва не сохранилось. Впрочем, собрать собор в один день вообще было немыслимо. Григорий Котошихин все же утверждает, что после кончины Михаила, «мало время минувше, патриархъ, и митрополиты и архиепископы и епископы, и архимариты и игумены, і весь духовный чинъ соборовали, и бояре и окольничие и думные люді, и дворяне и дѣті боярские, и гости и торговые і всякихъ чинов люді, и чернь, после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешнего царя, и учинили коронование въ соборной большой первой церкве и молили Бога». Котошихин сообщает, что «было тѣхъ дворян и дѣтей боярских, и посадцкихъ людей, для того обрания, человѣка по два изъ города». Но либо это был не Земский Собор, а какая-то фикция, в чем и обвиняли Морозова, утверждая, что он посадил Алексея на трон, либо дворяне и посадские присутствовали лишь при короновании Алексея, и Котошихин разумеет его.

Коронование молодого царя произошло, действительно, «мало время минувше», 23 сентября 1645 года. К этому времени Тульская армия была распущена по домам, и «дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, которые во 153 году были на его государевѣ службѣ на Тулѣ и в-ныхъ полкѣх», собрались в Москве и снова били челом о том, что они «отъ службъ обеднялі и одолжали великими долгі и конми опалі, а помѣстья ихъ и вотчины опустѣли, и домы ихъ оскудели и разорены безъ остатку отъ войны и сильныхъ людей». Крестьяне от них бегут «за бояръ, и за окольничихъ, и за ближнихъ людей, и за власти, и за монастыри». Вотчинники развозят их по дальним своим вотчинам, пока не выйдут урочные для сыска 10 лет. Между тем, занятые службой, челобитчики, не могут разыскать беглецов в указанный срок и оттого разоряются. Они просят поэтому «урочные годы отставить», выдавать беглых крестьян всегда, «какъ они тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдаютъ, а не въ урочные лѣта».

19 октября, т. е. после коронационных торжеств, 16-летний государь указал и бояре приговорили: 1. Урочные годы 10 лет сохранить, «потому что предъ уложеньемъ прежнихъ государей прібавлено пять лѣтъ и учинено вдвое—десять лѣтъ. 2. Для ведома послать в Московский уезд и во все города стольников и дворян добрых, которые должны переписать все тяглое население, крестьян и бобылей, за кем бы они ни сидели. 3. «А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяня и бобылі и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки без урочныхъ лѣтъ»... [1]

Решение 19 октября 1645 года было компромиссным. Челобитчикам отказывали в бессрочном возвращении крестьян, но обещали крестьянскую вечную крепость, без урочных лет, на основе уже сложившихся отношений, как они обнаружатся при составлении новых переписных книг 1646 года. Новое правительство покрывало и санкционировало все доселе совершенные несправедливости сильных людей в борьбе за рабочие руки, и благодаря этому должно было стать в глазах поместного класса воплощением этих ненавистных ему сильных людей. Но, с другой стороны, то же правительство торжественно обещало порвать с практикой фактической терпимости побегов крестьян, которые были на руку богатым вотчинникам, и

[1] П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов, стр. 49—50.

этим самым порывало и с вотчинниками-боярами и с крестьянским классом, который ожидал от молодого царя полной воли. [1]

2. Смена администрации и состав правительства Б. И. Морозова.

В сложной обстановке общественных отношений молодой царь Алексей не мог быть правителем страны. Поглощенный развлечениями и религиозными церемониями, постоянно разъезжавший то на охоту, то по монастырям, первые годы он вообще не принимал никакого участия в государственных делах. [2]

Еще 21 марта 1648 года, как любопытную новинку, Поммеренинг сообщал в Швецию слух: «Здесь говорят, что его царск. в-ство после своей свадьбы стал сам выслушивать челобитья и давать по ним резолюции и посвящает этому один час перед обедом; остальное время уходит главным образом на их богомолие». [3]

Вместо него на политическую арену выдвигается с неограниченным доверием царя и широкими полномочиями его воспитатель, которому будто бы доверил сына умирающий Михаил Федорович, боярин Борис Иванович Морозов, «муж крепкодумный и строитель дел царских прилежный», как отзываются о нем современники, «болярин честен и смотритель крайний». [4]

Хороший хозяин многочисленных вотчин, продукты которых шли даже за границу, долго, целых 13 лет, живший в Кремле в качестве воспитателя царевича, Морозов выдвинулся на первое место, находясь уже в преклонных годах,—ему было около 55 лет,—когда пришлось защищать интересы питомца. Отсутствие средств, общественный развал и почти перманентная революция со стороны дворянской армии, в связи с полной неспособностью старой администрации найти выход из тяжелого положения, а может быть и проявленное видными представителями ее желание поискать этого выхода путем привлечения на русский престол датского королевича,—все это вместе взятое заставило Б. И. Морозова не только сделать шаги, чтобы обеспечить трон за своим воспитанником, но и взять на себя управление, к которому в это время не был способен Алексей. Жизнь требовала чего-то нового; и Б. И. Морозову пришлось произвести необходимые реформы. Реформы эти имели одну цель: увеличить государственные ресурсы, которые были сильно расшатаны предшествующим управлением. Для этого нужно было сократить расходы, усилить старые сборы и открыть новые источники доходов, причем эта основная и, так сказать, очевидная для всякого государственного деятеля задача неизбежно приводила в своем развитии к вопросу: за чей же счет можно и нужно все это сделать, другими словами, интересы каких классов должно принести в жертву и на кого опереться, чтобы установить длительный порядок в стране и государстве.

[1] «Далъ де намъ Богъ государя царя і в. к. Алексѣя Михайловича всеа Русиі молодово. Любо де онъ, государь, пожалуетъ—дастъ имъ крестьяномъ выходъ», говорил крестьянин Стенька Коновалов. На это ему отвечал мурза Федот: «До смерти де вамъ, крестьяномъ, выходу не будетъ. А тому де было государю на царстве і не быть: посадилъ де его на царство Морозовъ».—Челобитные дворян и детей боярских всех городов, стр. 70.

[2] Форстен Сношения Швеции с Россией в царствование Христины, стр. 368—9, ЖМНП 1891, VI.

[3] Якубов, Россия и Швеция в перв. пол. XVII в., стр. 412—3.

[4] Житие Федора Ртищева,—Берх, Царствование ц. Алексея Михайловича, I стр. 21, Спб. 1831.

В этом вопросе Б. И. Морозов силой вещей очень скоро должен был разойтись с представителями своего класса, с боярством, и стать на сторону двух средних классов: поместной армии и посадских людей. Здравый смысл должен был подсказывать ему, что основанием государственной силы является войско и кошелек, хорошее и послушное войско и полный кошелек.

Мы видели, что по требованию дворян и детей боярских правительство Алексея Михайловича уже обещало вечную крепость для крестьян. Мы увидим, что главным мотивом деятельности Б. И. Морозова и его сотрудников становится посадское строение: наделение городов землей, новыми тяглецами и монопольным правом на торги и промыслы в городах, так как только улучшение экономического положения городов обещало прочное укрепление государственных финансов. Все это было осуществимо только за счет класса крупных землевладельцев, т. е. боярства и церкви. Но к этому Б. И. Морозов пришел не сразу, и это было не все. Оба средние класса в сильнейшей степени страдали от плохого устройства управления и суда, так как они являлись непосредственным объектом вымогательств приказных. В своих петициях дворяне и дети боярские всех городов постоянно требовали преобразования судов, жаловались (в 1642 и 1648 гг.) на вымогательства приказных. Необходимо было улучшить приказные порядки и нравы, вывести взятки и посулы из судов. Между тем судьями, начальниками почти всех приказов, были бояре, которые олицетворяли приказный порядок, пожалуй, даже в большей степени, нежели пресловутые дьяки и подьячие. Начиная свою государственную деятельность с попытки упорядочения приказных нравов, Б. И. Морозов неизбежно должен был встретиться с протестами виднейших администраторов прежнего царствования, которыми в своих интересах были налажены приказные порядки, и невозможный, с точки зрения провинциалов, Московский суд.

Единственным документом, который сообщает нам фактическую справку относительно происхождения и результатов предпринятого очищения авгиевых конюшен московской администрации, пока остается изданная нами по-шведски и по-русски челобитная дворян и детей боярских всех городов, поданная царю 2 июня 1648 года. В своей петиции «вся земля» утверждала, что после смерти царя Михаила малолетний царь Алексей, т. е. очевидно тот же Б. И. Морозов, распорядился назначить комиссию из трех бояр: князя Ивана Борисовича Черкасского, Федора Ивановича Шереметева и Бориса Ивановича Морозова, которая должна была «тщательно рассмотреть и исследовать, какие те, власть имущие, над простым народом и твоего царского величества подданными мошейничества и преступления учиняли, и как они, льстясь на посулы, взятки и дары, нас вконец разоряют и величайшия насилия и неправды чинят, чтобы верховную власть осмеять и оболгать». Назначенные «комиссары» обо всем «у простого народа обыскали вправду» и должны были обо всем доложить царю. Но оказалось будто бы, что они сами «не меньше, чем другие, были участниками в этом безобразии», и поэтому многое постарались скрыть и смягчить, причем вымогательства администрации продолжались. «Если это происходит не от подкупов, добавляют впрочем челобитчики, то происходит все же с помощью... обложения, из которого они могут собирать себе груды сокровищ и строить дома, которые их чину не подобают».[1]

Так как до кончины царя Михаила и вступления на престол царя Алексея боярин Морозов не участвовал в управлении, а 13 лет безотлучно

[1] П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов, стр. 51—3.

жил в Кремле в качестве воспитателя царевича, мы вправе утверждать, что обвинения в причастности к взяткам и посулам не могут относиться к нему в 1645 году. Очевидно, речь идет об остальных, князе И. Б. Черкасском и боярине Ф. И. Шереметеве, которые правили страной в последние годы царя Михаила. Мы не знаем, далее, каким образом произошел разрыв между Морозовым и этими двумя правителями; но он, несомненно, произошел и вероятнее всего произошел на почве результатов указанного обследования администрации. И князь И. Б. Черкасский и Ф. И. Шереметев вынуждены были вскоре уйти; с ними и за ними последовал целый исход старых дельцов прошлого царствования. В течение двух лет после смерти царя Михаила судьи, т. е. начальники, всех почти важнейших приказов, а отчасти и их помощники—дьяки вынуждены были покинуть свои насиженные места и уйти иногда в отдаленные места, плохо замаскированную тем или иным назначением ссылку. Их постепенно заменяют новые люди, родня и ставленники Б. И. Морозова, обыкновенно из неродословной дворянской среды и даже из среды Московской буржуазии, гостей.

Боярин князь Иван Борисович Черкасский, оставляет приказ Большой Казны, сосредоточие Московских финансов; и в 1646 году мы находим начальником этого учреждения самого Б. И. Морозова. [1]

Боярин Федор Иванович Шереметев еще в конце 1645 года оставил Стрелецкий приказ, и здесь его заменил опять таки боярин Борис Иванович Морозов. [2]

Он же занимает место Ф. И. Шереметева в Аптекарском приказе [3] и становится во главе Новой Чети, ведавшей питейное дело, оказавшись, таким образом, распорядителем финансового управления, командиром столичного гарнизона и стражем государева здоровья.

В остальных важнейших приказах происходят также перемены, причем Б. И. Морозов всюду ставит своих сторонников, друзей и родных. Так, во Владимирском Судном приказе, которому «по древнему установлению» подсудны были высшие светские чины государства, бояре и окольничие, думные и ближние люди,[4] при Михаиле Федоровиче до последнего времени сидел боярин Иван Петрович Шереметев, в конце царствования вместе с князем Иваном Шеховским. Это была цитадель или скорее своеобразный бест русской знати, которая пользовалась фактической прерогативой иметь свой суд. Но уже в начале 1646 года Шереметева вытесняет отсюда боярин Иван Васильевич Морозов с окольничим князем Васильем Григорьевичем Ромодановским. Уходит также старый дьяк этого приказа Тимофей Агеев: сначала он теряет в приказе первое место, которое занимает делец и карьерист новой складки, дьяк Иван Исакович Патрикеев, с ко-

[1] В 1642 г. в Большой Казне упоминается боярин кн. И. Б. Черкасский, с ним Ив. Пав. Матюшкин, женатый на тетке царя Алексея, и дьяк Назарей Чистой.—А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1643 № 61. С 23.II.1646 г. и по 12.VI.1648 г. Борис Ив. Морозов, Ив. Пав. Матюшкин и дьяк Оникей Чистого, брат Назария.—А. Э. IV № 5; Доп. к А. И. III № 10; А. М. Ю. Столбцы Разряда, Моск. стол № 325 л. 288; А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1637—38 № 38 л. 73, 77; Зерцалов, в Чт. О. И. и Д. Р. 1890, III, 19 прим. 83.

[2] 26.II.1645 г. в Стрелецком приказе боярин Ф. И. Шереметев, дьяки Александр Дуров, Исак Кудрин—Прик. дела ст. лет 1644—45 № 77, а X—XI.1645 г., т. е. после смерти царя Михаила, Шереметева в приказе нет, и приказом управляют сначала дьяки: Исак Кудрин и Степан Чернышов—там же 1644 № 68 л. 103, 111 и др. Затем начальником становится Б. И. Морозов с теми же дьяками—IX.1646 г. до 12.VI.1648 г. Там же, л. 255; Зерцалов, стр. 19 прм. 83; Рус. Ист. Биб. X, 301.

[3] 20.VI.1645 г. в Аптекарском приказе Ф. И. Шереметев—Доп. к А. И. III № 1; II.XII.1646 г.—Б. И. Морозов с дьяком Никитой Вальцевым—А. И. IV № 16.

[4] Ланге, Древне-русское уголовное судопроизводство, стр. 51, Спб. 1884. Рейтенфельс, О состоянии России при царе Алексее Михайловиче—ЖМНП 1839 ч. XXIII стр. 34.

торым мы еще встретимся позже, а затем Агеев и второе место уступает дьяку Григорью Углеву. [1]

Третий Шереметев, боярин Василий Петрович, которого еще весной 1645 года мы находим во главе Разбойного приказа, в следующем 1646 году уже не занимает этого поста: приказом правит бывший его товарищ, пожалованный окольничим, Борис Иванович Пушкин; исчезает отсюда и дьяк Семен Дохтуров, которого заменяет второй дьяк Василий Ушаков и вновь сюда назначенный Иван Песков.[2] Шурин и единомышленник Морозова, Петр Тихонович Траханиотов, 17 марта 1646 года получает чин окольничего и занимает место начальника Пушкарского приказа. [3] В Оружейной Палате и Ствольном приказе с 31 января 1647 года сидит заведомый приверженец Б. И. Морозова, вновь пожалованный в бояре из окольничих Григорий Гаврилович Пушкин. Вместе с дьяком Семеном Звягиным он работает над «мушкетным делом», т. е. над вооружением русской армии огнестрельным оружием, и, кроме того, вводит обязательные казенные клейменые аршины и новые весы, которые должны были приобретать все торговцы.[4] В Земском приказе, ведавшем административно черные Московские слободы и сотни, до конца 1645 года, сидели: Семен Васильевич Волынский и Савва Потапов Нарбеков с дьяками Федором Степановым и Михайлом Неверовым. В сентябре 1646 года Нарбеков умер, а Волынского сменяет Иван Федорович Соковнин; но затем, с 15 августа 1647 года, судьей Земского приказа делается шурин П. Т. Траханиотова, женатый на его родной сестре и, следовательно, родственник Б. И. Морозова, находившийся под его защитой, Леонтий Степанович Плещеев. Рядом с ним в товарищах остается И. Ф. Соковнин, а дьяка М. Неверова сменяет в 1647 году Петр Михайлов.[5]

[1] Во Владимирском Судном приказе упоминаются: 23.VII.1641 г. боярин Ив. Петрович Шереметев, дьяки Тимофей Агеев и Семен Сафонов—А. М. Ю. Столбцы Разряда, Моск. стол № 160 л. 431. 9.VI.1645 г. боярин Ив. Петр. Шереметев, князь Ив. Шеховской и дьяк Тимофей Агеев—б. А. М.И. Д. Прик. дела ст. лет 1644—49 № 69. 30.IV.1646 г.—боярин Иван Васильевич Морозов, окольничий князь Вас. Григ. Ромодановский, дьяки Иван Патрикеев и Тимофей Агеев. В сентябре 1646 г. они же без Агеева—Рус. Ист. Биб. X, 302. 8.X.1647 они же и дьяк Гр. Углев—А. М. Ю. Столб. Разряда Моск. стол № 325 л. 300. 29.XII.1647 г.—боярин князь Ив. Андр. Голицын, кн. Ив. Леонт. Шеховской, дьяки Федор Степанов, Тимофей Агеев—Прик. дела ст. лет 1645 № 8; IX .1648 г. стольник Вас. Бор. Шереметев и Зюзин—Рус. Истор. Биб. X, 401.

[2] В Разбойном приказе упоминаются: 31.III.1645 г. боярин Вас. Петр. Шереметев, Борис Иванович Пушкин, дьяки Семен Дохтуров и Вас. Ушаков—Прик. дела ст. лет 1645 № 18; IX.1646 г. и 29.XII.1647 г.—окольничий Борис Иван. Пушкин, дьяки Вас. Ушаков и Иван Песков—Рус. Ист. Биб. X, 302; А. И. IV № 6, IX.

[3] В июне 1646 г.—З е р ц а л о в, О Моск. мятежах, стр. 15 прм. 57. С ним дьяки Никифор Шипулин и Посник Задонский, которого в конце 1646 г. сменяет Артемий Хватов. Так было до гибели Траханиотова. Напр. А. Э. IV № 9; А. И. IV № 14; Рус. Ист. Биб. X, 302; А. Э. IV № 12, 17; З е р ц а л о в наз. тр., стр. 17. О родстве с Морозовым см., между прочим, Я к у б о в. Россия и Швеция в пер. пол. XVIII с., стр. 425.

[4] Рус. Ист. Биб. X, 353. Упоминается 28.VI.1647 г.—А. М. Ю. Столб. Разряда Моск. стол № 325 л. 304. В октябре 1645 г. Пушкин еще окольничий; от 5.III.1646 по 20. VII.1646 г. посол в Швеции.—с извещением о вступлении на престол царя Алексея.—Я к у б о в. Россия и Швеция стр. 410 прм. 55. О деятельности его, возбудившей неудовольствие торговцев—там же, стр. 420, 427. О пожаловании—Древ. Рос. Вивлиофика XX, 103.

[5] В Земском приказе: 16. VIII. 1645 г. Семен Вас. Волынский, Савва Потап. Нарбеков—А. Э. IV№ 16; они же с дьяками Ф. Степановым и М. Неверовым 17.XI.1645 г. А. И. IV № 6, III. 8.VI.1646 г. Ив. Фед. Соковнин и те же дьяки А. И. IV № 6, VII. Запись в записной книге Моск. стола, повидимому, неверна: IX.1646 г. указан Волынский—Рус. Ист. Биб. X, 381. Ср. А. М. Ю. Стол. Разряда Моск. стол № 325 л. 292; 29.XII.1647 они же без Неверова, вместо которого дьяк Петр Михайлов,--А. И. IV № 6, IX. 23.IV.1648 года они же—А. М. Ю. Ст. Разр. Моск. стол № 325 л. 318. О связях Плещеева: Путешествие Адама Олеария в Москву в Чт. О. И. и Д. Р. 1868, IV стр. 268; Я к у б о в, Россия и Швеция, стр. 424.

Сидевший с 1643 года судьей Казанского Дворца и Сибирского приказа боярин князь Никита Иванович Одоевский, ближайший родственник Романовых, Шереметевых и князей Черкасских, пожалованный при венчании царя Алексея в ближние бояре, тем не мене уже 1 февраля 1646 года был отослан с Москвы в южную Украйну воеводой большого полка в Белгород и Ливны. Трудно видеть в этом назначении повышение, скорее это ссылка, из которой князь Никита Иванович вернулся только после падения Морозова, летом 1648 года, и вновь занял ответственное место в столице: он был сделан председателем комиссии по Земскому Собору и редактором Уложения. А затем, когда Морозов усиливается снова, в 1651 году Одоевский попадает воеводой в Казань, т. е. становится в подчиненное положение тому самому Казанскому Дворцу, начальником которого он был при жизни царя Михаила Федоровича.[1] Вместо Н. И. Одоевского в Казанском Дворце и Сибирском приказе садится приверженец Б. И. Морозова, князь Алексей Никитич Трубецкой.[2] Наконец в Посольском приказе и в Новгородской Чети с января 1647 года появляется в качестве начальника этого богатого по сборам приказа бывший ярославский купец и Московский гость, думный дьяк Назарий Иванович Чистый, который заменяет на этих важных постах скончавшегося думного же дьяка Григория Васильевича Львова.[3]

В немилость у молодого царя, т. е. у Б. И. Морозова, впал вместе с другими один из любимцев и доверенных лиц в предшествующее царствование, боярин князь Борис Александрович Репнин.[4] Неизвестный по имени, но осведомленный источник Де-Ламартиньера сообщает через последнего, что Б. И. Морозов «разослал князей старых родов (anciens ducs) на отдаленные воеводства: Репнина (Répnine) в Белгород, а Куракина (Corakin) в Казань».[5]

---

[1] Арсеньев, Ближний боярин Никита Иванович Одоевский, стр. 7—10 и прм., Москва, 1902.

[2] В Казанском Дворце и Сибирском приказе с 1643 г. по 1 февр. 1646 г. боярин кн. Никита Ив. Одоевский—Арсеньев, наз. тр. стр. 7 и прим. 13. В Казанском Дворце 4.IX.1646 г. называется боярин кн. Алексей Никитич Трубецкой, дьяки Пятой Спиридонов, Томила Перфирьев—А. И. IV № 14 (в IX.1646 г. последний назван Томило Ефимьев—Рус. Ист. Биб. X, 301). С 6.VII.1647 г. по 29.VI.1650 г. упоминаются они же, но вместо П. Спиридонова дьяк Ларион Лопухин—А. И. IV № 20; А. М. Ю. Столбцы Разряда, Моск. стол № 325 л. 310; Прик. дела ст. лет 1637—38 № 38 л. 191; 1649—51 № 62. Осенью 1648 г., очевидно, в связи с результатом мятежа, А. Н. Трубецкого на некоторое время заменяет князь Алексей Мышецкий (Рус. Ист. Биб. X, 401), затем снова Трубецкой. В Сибирском приказе IX.1646 г. упоминается дьяк Григ. Протопопов—Рус. Ист. Биб. X, 301.

[3] В Посольском приказе с 1.IX.1643 г. по 27.XII.1646 г. упоминается думный дьяк Гр. Вас. Львов; с 6.I.1647 г. по 2.VI.1648 г. думный дьяк Назарий Чистый и Алмаз Иванов.—С. А. Белокуров, Посольский приказ стр. 110—111 А. М. Ю. Ст. Разр. Моск. стол № 325 л. 314. В Новгородской Чети: 10.VI.1646 г. по 15.IX.1646 г. думный дьяк Григ. Львов, дьяк Алмаз Иванов, Микифор Демидов—А. Э. IV № 7, 10; А. И. IV № 12. 14.III.1647 г., и далее до 2.VI.1648 г.—думный дьяк Назарий Чистый, Алмаз Иванов и Микифор Демидов—Доп. к А. И. III № 20, А. М. Ю. Столб. Разряда Моск. стол № 325 л. 279; А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1637—8 № 38. 7.VII. 1648 г. они же без Назария Чистого—там же, 16. VII.1648 г.—думный дьяк Михайло Волошенинов и те же—П. Смирнов, Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского Собора № 1 (Чт. в О. И. и Д. Р. 1913, IV). О смерти Григ. Львова в 1647 г.—Рус. Ист. Биб. X, 301.

[4] Форстен, Сношения Швеции с Россией в царствование Христины—ЖМНП 1891, VI стр. 371.

[5] Путешествие в северные страны Де-Ламартиньера, стр. 169. Князь Бор. Алекс. Куракин воеводой в Белгороде 1650—1651 г.; с 1642—1646 г. он в Астрахани. Князь Григ. Семенович Куракин в 1646 г. послан воеводой в Тобольск, а князь Федор Семенович Куракин в 1646—1649 г. воеводой в Астрахани.—Барсуков, Списки городовых воевод, Спб. 1902.

Во время этой радикальной чистки высшей администрации, которую производил Б. И. Морозов, и размеры которой до конца не выяснены, на местах усидели только те из видных лиц, которые впоследствии становятся общеизвестными в качестве сторонников правителя. Таким был товарищ Б. И. Морозова по дворцовой службе, видный деятель прошлого царствования, боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов-Ярославский, который правил Большим Дворцом, Дворцовым Судным приказом, Сытным и Хлебным дворцами и Житным Двором. [1] Таким является упомянутый выше князь Алексей Никитич Трубецкой, правивший Казанским и Сибирским приказами, боярин Михаил Михайлович Салтыков, с июня 1645 года судья Московского Судного приказа, в котором судились стольники, стряпчие, дворяне и всякого рода светские вотчинники и помещики. [2]

Наличность князя Львова и остальных среди сторонников Б. И. Морозова, которые успели снискать себе почетную ненависть со стороны противников, хотя и в несколько меньшей степени, нежели глава партии, нам кажется устраняет обвинение, так часто повторяемое разного рода учебниками, будто Б. И. Морозов действовал исключительно в личных или даже своекорыстных интересах, рассаживая всюду своих родственников и свойственников. [3]

Этот же факт не дает возможности видеть в Морозовской чистке исключительно классовую подоплеку, как бы гонение на аристократию со стороны менее родовитых кругов придворного и административного окружения. Боярин Борис Иванович Морозов, который «благоволением... царским бысть силен в слове и деле», [4] несомненно имел свое мнение относительно оздоровления общественной жизни и улучшения государственных средств путем изгнания взяточников и казнокрадов, а затем путем укрепления экономического положения, главным образом, городов, т.е. посадского класса, и затем дворян и детей боярских. Для этой программы он подбирал исполнителей и устранял всех, кто не мог и не желал итти с ним вместе. Не случайностью, разумеется, было, что он не встретил сочувствия среди старой боярской администрации, что среди устраненных мы встречаем наиболее родовитые фамилии XVII столетия, что среди сторонников Мо-

---

[1] В Большом Дворце упоминаются: 13.II.1646 г. по 10.IV.1647 г. боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов, дьяки Иван Федоров, Максим Чирков—А. Э. IV № 4; 15 (вместо М. Чиркова дьяк Давыд Дерябин) №№ 16 и 17. 26.V.1648 г. они же и дьяк Смирной Богданов—Прик. дела ст. лет 1637—8 № 38 л. 124; 3.VII.1649 г. они же 1649—51 № 62. В Дворцовом Судном, Сытном Дворце, Хлебенном и на Житном дворе 27.IX.1647 г. они же А. М. Ю. Стол. Разр. Моск. стол № 325 л. 274.

[2] Л а н г е, Древнее русское уголовное судопроизводство, стр. 51. В Московском Судном приказе упоминаются VI.1645 г. боярин Мих. Мих. Салтыков, Ив. Елизар. Протопопов, дьяки Третьяк Никитин и Савва Сампсонов.—Прик. дела ст. лет 1644—49 № 69; IX.1646 г. М. М. Салтыков, кн. Ефим. Фед. Мышецкий, дьяки Дм. Жеребилов и Савва Сампсонов—Рус. Ист. Биб. X, 302. IX—X.1647 г. те же и дьяки Савва Зверев и Исая Нефедев—Столб. Разряда Моск. стол № 325 л. 283. IX.1648 г.—кн. Ив. Хилков и те же дьяки—Рус. Ист. Биб. X, 402.

[3] «Григория Гавриловича Пушкина (хотят они удалить) за то, что он обременял их дорогими локтями и весом, о чем раньше уже писано, и мушкетном делом, которое теперь однако же заброшено. Хотят они также удалить князя Алексея Михайловича (и) Львова, Трубецкого и многих из приверженцев Морозова».—Донесение Поммеренинга от 4 октября 1648 г.—Я к у б о в, Россия и Швеция, стр. 427. Письмо шведа из Москвы 1647 г. называет среди сторонников Морозова князя Романа Никитича Трубецкого, (Север., Архив 1822 г.[1]). С. М. С о л о в ь е в исправил на Алексея Никитича—Ист. России, II стр. 1491 прм.).

[4] Житие Федора Ртищева—Б е р х. Царствование царя Алексея Михайловича ч. I стр. 21, Спб. 1831.

496837

розова было много худородных дельцов; но устранения и назначения происходили не по признаку происхождения, а по признаку годности на то большое дело, которое задумал Морозовский кружок. Очень характерно, что крупную роль среди этого кружка играли выходцы из торговых кругов. Таким был гость Василий Шорин, имя которого связано с опытом введения у нас налога на соль, в роде французской gabelle, который должен был заменить прямые сборы. Таким был особенно знаменитый дьяк Назарий Чистого или Чистый, которого современный наблюдатель именует «русским канцлером Назаром». [1]

Ярославец родом, из гостей вышедший в дьяки одного из финансовых приказов и управлявший Посольским приказом, Назарий Чистый имел связи с чиновными и финансовыми сферами столицы и провинции. Один брат его, Аникий, дьячествовал после него у Б. И. Морозова в Большой Казне, другой, Иван, был земским старостой в самом крупном после Москвы городе Ярославле и там вел борьбу со Спасским монастырем из-за его слободок, которые посадский мир Ярославля стремился отнять у монастыря и присоединить к посаду. Для таких людей не только приемлемы, но и желательны, важны были решения Морозовского правительства уничтожить взятки, посулы, казнокрадство, податные привилегии и изъятия, усилить поступления податей, откупиться от дворян, отдавши им крестьянство, а главное—так устроить русские города, чтобы не только погасить бродивший среди посадских людей дух недовольства, вскоре вылившийся в целую революцию в ряде городов, но чтобы впредь посады могли достигнуть известного благосостояния и сделаться прочной опорой государственного казначейства. Для таких планов старик Морозов мог удержать около себя лишь несколько старых и опытных лиц из старинной аристократии. Большинство же его сторонников оказались люди малоименные и притом молодые: «В царском совете заседают все молодые и неопытные люди», доносил из Москвы своему правительству летом 1647 года швед Поммеренинг. [2]

3. Внешняя политика. Основные цели внутренней политики правительства Б. И. Морозова. Сокращение расходов. Соляной налог. Борьба с тарханщиками. Правежи недоимок.

Первые шаги в управлении нового правительства были не столько искусны, сколько решительны; но показывали, во всяком случае, что Б. И. Морозов не ради каких-то своекорыстных расчетов взял власть и разогнал прежнюю администрацию.

Во внешней политике Б. И. Морозов немедленно возобновил продвижение в степь и энергичное строительство южных крепостей. За двухлетний период его оффициального правления 1646—1648 годы и далее до 1652 года, когда Морозов правил неоффициально, скрываясь за подставных лиц, было отстроено в степях 27 городов и острогов, проведена важная Симбирская черта и т. д. [3]

---

[1] Якубов, Россия и Швеция, стр. 411, 415 и др.

[2] Форстен, Сношения Швеции с Россией в царствование Христины—ЖМНП 1891, VI стр. 372.

[3] В **1646** г. отстроены: Новый Белый городок Козловского уезда, Челнавский острожек Козловск. уезда, Орлов Воронежского уезда, Усмань, Отемар; в **1647** г.: Коротояк, Инсар; в **1647—50** г.: Недригайлов, Обоянь, Олешня; в **1648** г.: Синбирск, Карсунь; в **1649** г.: Саранск; в **1650** г.: Бобрик, Болховой, Доброе Городище, Сокольской, Луковской острожек Ливенского уезда, Чалны, по Симбирской (Карсунской) черте: Сокольский острог, Тальский острог, Аргаш город и острог, Сурский острог; в **1652** г.: по Симбирской черте воздвигнуты: Юшанск, Тагаев, Уренск; в **1653** г. Белый Яр и т. д. См. наши Города т. I вып. 2.

Не останавливаясь перед несомненно крупными затратами, Морозов со своим правительством продолжал продвигать степные остроги и крепости все далее и далее к морю и, кроме того, прочно занял нижнюю Волгу и перебросил от нее непрерывную цепь укреплений на запад в сторону Украйных и Польских городов. Таким образом, именно Б. И. Морозову вместе с его предшественниками, Ф. И. Шереметевым и И. Б. Черкасским, принадлежит честь освоения степи, того «черноземного пространства», плодородием которой жила страна в течение XVIII—XIX веков.

Мало этого. Уже весной 1646 года был объявлен и отвергнутый в 1642 году поход под Азов. Собраны значительные силы под начальством князя Н. И. Одоевского, к которому должен был присоединиться князь С. Р. Пожарский из Астрахани, донские казаки и черкесы; но поход закончился битвой с крымцами на Кагальнике и не дал решительных результатов. [1]

Всякая широкая внешняя политика, а Морозов несомненно стоял за нее, требует крупных затрат; между тем от царя Михаила новое правительство унаследовало очень мало средств. Поэтому параллельно южному строительству и, быть может, составлению каких-либо более широких планов, которые пришлось осуществлять позже, правительство Б. И. Морозова принялось за оздоровление финансов, встретивши на этом пути чрезвычайной трудности, препятствия и подготовивши вспышку давно назревавшего восстания.

Обновленное правительство вперед всего начинает проводить беспощадную экономию в расходах, граничившую иногда с мелочной скаредностью.—«Борис и Глеб (Boris и Chleab, т. е. братья Морозовы, *П. С.*), его брат, были воспитаны вместе с императором, говорит Де-Ламартиньер, и влияние, которое приобрел Борис на ум этого государя, было так велико, что он распоряжался почти решительно всем. Он убавил число царских служителей, урезал у других на половину жалованье, а у послов—часть их оклада. Он устроил новые таможни, разослал князей старых родов на отдаленные воеводства... Наконец, он натворил столько, что возбудил к себе зависть и ненависть старого дворянства, которое постоянно унижал, чтобы выдвинуть своих креатур. Народ также роптал на новые налоги, которыми его обременяли». [2] В этих словах мы имеем довольно верное, но, к сожалению, далеко неполное изображение Морозовской политики за 1646—1648 годы.

Мы проследим поэтому за ней и дополним сделанный перечень, в котором отсутствует как раз наиболее интересный момент—городская политика Морозова.

Вероятно, через князя А. М. Львова, Б. И. Морозов посокращал штаты дворцовых чинов: часть дворцовой прислуги распустил, а у остальных уменьшил жалование. То же самое было сделано и на патриаршем дворе. [3] Сильно потерпела и провинциальная администрация. Городовые приказчики были лишены жалования; подьячим воеводских изб «зелено жалованья окладъ учинить съ убавкою и давать за которыми помѣстей нѣтъ». У сторожей воеводских изб было отнято их хлебное жалование и оставлено только денежное. Пристава были отпущены совершенно, и «въ Съѣзжихъ избахъ въ приставѣхъ» стали ходить и ездить по уездам пушкари, у которых также отобрали содержание, вероятно потому, что во внутренних

[1] Д. И. Иловайский, История России т. V стр. 3, М. 1905.
[2] Путешествие в северные страны Де-Ламартиньера, стр. 169.
[3] Соловьев, История России II стр. 1514.

городах крепостные сооружения были заброшены. [1] Пушкари обратились в местную полицейскую стражу и должны были существовать, подобно подьячим, от частных просительских доходов. [2]

Та же политика экономии была распространена на дипломатию,— у послов отняли часть их жалования. Распространили ее даже на армию. Часть иностранных офицеров лишилась денежного содержания. [3] Оклады Московских стрельцов, повидимому, были значительно уменьшены. [4] Стрелецкие головы и сотники кое-где по городам лишились жалования совершенно; у пятидесятников и десятников сделаны убавки: так было, по крайней мере, в городах Новгородской Чети, Новгороде Великом, Пскове, а также в Новгородских и Псковских пригородах, которые все имели стратегическое значение. Были сделаны далее попытки отобрать совершенно жалование у городовых стрельцов и у казаков в Замосковных, Польских и Украинных городах, заменив его небольшими клочками земли не ближе 1 версты от города (1000 саженей). Как было упомянуто, пушкари лишились содержания и должны были кормиться доходами от исполнения обязанностей приставов. Воротники, оберегавшие входы в Московские крепости, потеряли хлебное жалование и остались на одном денежном. Казенные кузнецы и плотники, на которых лежал крепостной ремонт, лишились постоянного содержания деньгами и хлебом: им стали давать «поденный кормъ» только «въ тѣ поры», «какъ будет государево дѣло» и т. д. [5]

К этим же мерам относится и прижимистость в расчетах за службу с дворянами и детьми боярскими, которую проявляет правительство уже летом 1648 года, о чем скажем ниже.

Так систематически подготовляло правительство Б. И. Морозова те волнения, которые не замедлили вспыхнуть в разных городах на протяжении ближайших лет. Меры, продиктованные бережливостью, затрагивали интересы городских гарнизонов и в значительной степени переводили местную (и вероятно, Московскую) администрацию и суд на иждивение просителей, отдавая последних на поток и разграбление тысячам жадных пиявок, к деяниям которых правительство поневоле должно было относиться снисходительно. В результате и в Москве и по городам должна была начаться настоящая вакханалия вымогательств и притеснений, перед которыми побледнела даже Московская повседневщина. И несомненно, что в этом виноват Б. И. Морозов, но виноват не тем, что он сам был нечестным человеком, а тем, что стремился править страной с той же скаредной рачительностью, с какой он управлял своими вотчинами. Но основной

---

[1] См. Города Московского государства т. I вып. 2 стр. 176 и сл.

[2] Доп. к А. И. III № 36, II. Речь идет о мерах по городам Новгородской Чети, где сидел Назарий Чистый, но меры такого рода имели, конечно, и общее значение.

[3] Соловьев, II, 1456: Александр Краффорд 50 р. в год, Александр Гамильтон 30 р. в год; вместо денег им дали поместья. Якубов, Россия и Швеция, стр. 409. В Посольском приказе сидел тот же Назарий Чистый.

[4] Там же стр. 419: 5-го июня 1648 г. государь «приказал тотчас выдать всем стрельцам, то, что у них было удержано, а именно, каждому по 8 рублей».

[5] «А въ Замосковных и въ Польскихъ и въ Украинныхъ городѣхъ, по нашему указу, стрѣльцов, которые служили съ нашего денежного и съ хлѣбного жалованья, велѣно вмѣсто денежного и хлѣбного жалованья устроить землями вновь»... Ту же реформу грамота от 17 февраля 1648 года предлагает провести в городах северо-западной окраины. Пятидесятникам, вместо жалования, давали по 10 четвертей земли, десятникам по 9, рядовым стрельцам по 8. Казаки получали от 25—15 четей.—Доп. к А. И. III № 36. Денежное жалование в Новгороде и Пскове было: пятидесятникам по 4 руб., десятникам по $3^1/_2$, рядовым по 3 рубля. Грамотой от 31 января 1648 г. указано было выдавать «какъ и въ иныхъ городѣхъ» по $3^1/_2$, $3^1/_3$ и по 3 рубля. Доп. к А. И. III № 36, II, VIII; б. А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1637—38, № 38. Ср. 1650 № 103 л. 2—3.

линией политики улучшения финансов должно было стать уничтожение изъятий и привилегий в уплате торговых пошлин. Задачу эту, по мысли правительства, можно было разрешить, во-первых, путем перехода от прямых налогов к косвенному обложению и именно к обложению соли, во-вторых, отменой тарханов, т. е. податных изъятий, в третьих—уничтожением «белых» слобод и земель в государевых посадах.

7 февраля 1646 года «для пополненія нашія государскія казны и служилымъ людемъ на жалованье», «государь указалъ и бояре приговорили» ввести единый высокий налог на соль в размере 2 гривен с пуда, а с соли Астраханской и Яицкой, которой солят рыбу и икру, с пуда по гривне. [1]

В случае успеха, в котором, впрочем, не сомневались, доходами нового соляного налога предполагалось заменить прямые налоги, стрелецкие и ямские деньги, которые «собираютъ неровно, инымъ тяжело, а инымъ легко, а платятъ за правежемъ съ большими убытки, а иные и не платятъ». По словам С. М. Соловьева, русских людей правительство при этом утешало тем, что новый налог будут платить также и иноземцы, а иноземцам советовало поднять цены и выручить убытки на русских потребителях.

Автором соляного налога молва называла гостя Василья Шорина. Но проводила эту операцию Большая Казна, т. е. сам ведавший этим приказом Б. И. Морозов, Ив. Павлович Матюшкин с дьяками Назарием, а затем Аникеем Чистымы. [2]

Основным мотивом введения соляного обложения было объявлено уничтожение податных изъятий и привилегий. При введении высокого налога на предмет первого потребления, при котором, как думали его авторы, «въ избылыхъ никто не будетъ и лишнего платить не станетъ, а платить всякой станетъ безъ правежу собою», думали достигнуть путем всеобщего обложения, которое само по себе сулило горы денег. На деле, как известно, не достигли ничего, кроме отчаяния и озлобления массы рядовых плательщиков, которым приходится выносить на своих плечах вообще всякое косвенное обложение, и для которых соляной налог был запретительным налогом на предмет первой необходимости. Введенный указом и приговором 7 февраля 1646 года соляной налог был отменен уже 10 декабря 1647 года, надолго оставив, однако, по себе печальную память и соединив имя Б. И. Морозова и его сподвижников с представлением об их казенной соли.

Второй общей реформой, которая преследовала ту же цель, была отмена привилегий в торговле или, точнее, в уплате торговых пошлин, которыми обладали влиятельные монастыри, иноземные торговцы и некоторые русские корпорации торговых людей. Еще до осени 1646 года (154 г.) «указалъ государь царь і великий князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русиі и бояре приговорили для пополненія казны на жалованье ратнымъ людемъ со всѣхъ тарханщиковъ, с патриаршихъ і с монастырскихъ и со всякихъ торговыхъ людей, которые торговали по жалованнымъ грамотамъ безпошлинно, имати на себя, государя, пошлины, какъ и с ыных торговыхъ людей проезжую и торговую пошліну емлютъ». [3]

---

[1] Рубль этого времени, по исследованию В. О. Ключевского, равняется 17 рублям 1882 г. Поэтому 1 гривна—1 р. 70 коп.; 2 гривны—3 р. 40 коп. с пуда соли.

[2] Память Большой Казны о приговоре бояр о соляном налоге—Прик. дела ст. лет 1645 № 67 л. 374—6; Устюжская Четь разослала об этом грамоты по своим городам—там же л. 381. Об этой реформе также Прик. дела ст. лет 1637—38 № 38; А. Э. IV № 5; Соловьев, История России кн. II, 1513.

[3] А. М. И. Д. Прик. дела старых лет 1645 № 2.

Реформа эта, однако, встретила на пути осуществления такие препятствия, что провести ее до конца не удалось. Во-первых, еще до опубликования указа, в течение конца 1645 и начала 1646 годов, правительство от имени царя Алексея приказывало, и кажется без отказа, переписывать на имя молодого царя все старые тарханные грамоты. [1]

Внезапная отмена тарханов теперь вызвала протесты и дождь челобитных царю, а также сопротивление таможенным головам, которые не знали, что им теперь делать.

В 154 году у Архангельска и на Двине, напр., собирал таможенные пошлины гость Аникей Чистый (брат Назария Чистого); на Устюге Великом тоже делал гость Василий Босово или Босый. Товарищи Аникея Чистого в следующем 155 году пишут с Двины, что когда «тарханщики Кирилова и иных монастырей, старцы і слуги, в прежних годѣх весною товары свои и хлѣбные запасы на Колмогорах выносилі из судов в анбары», то и тогда, лишь только таможенные головы для их «досмотру и отчету» посылали к ним целовальников, то «онѣ, старцы, тѣх целовальников от себя отсылали, і в том у них старцов и у слуг в прежних годѣх с таможеннымі головамі бывал спор немалой». Теперь же, когда нужно было взыскать с этих тарханщиков пошлины, дело стало еще труднее. В январе месяце у монастырей было переписано по таможенным избам товаров небольшое количество, но они пошлин с них «платить не хотят». Таможенники предвидят, что когда весной и летом 155 (1647) года старцы и слуги «приплывут в судѣх на Колмогоры с хлѣбными запасы і с товары попрежнему», то и подавно откажутся платить таможенные пошлины.

Между тем власти всех почти северных монастырей, отказываясь подчиняться общим распоряжениям правительства и требуя специального указа о себе, в Москве осаждали молодого царя Алексея просьбами, указывая на болота и леса, на «стюденое море», на «странные места», где стоят их обители, настаивая, чтобы царь не велел «порудити» грамот своих предков, своего отца, да и своих собственных, так недавно выданных тарханщикам. Напор был настолько силен, что обычно все такие челобитные в Москве удовлетворялись, и таможенные головы получали от царского имени сообщение, что государь грамот «рудити не велѣли до нашего указу, опричь нашие соляные новые пошлины, каков о той соляной пошлине наш указ послан во всѣ городы из Приказу нашие Большие Казны». [2]

Скрываясь за эту панацею, соляной налог, правительство Б. И. Морозова, таким образом, отступило и оставило русских тарханщиков в покое. Оно ограничилось, да и то позднее, только уничтожением торговых привилегий таких, сравнительно некрупных и маловлиятельных, тарханщиков, какими были по их жалованным грамотам государевы ткачи Кадашевской и Хамовной Константиновской слобод в Москве. [3]

Такую же неудачу, по крайней мере на первых порах, потерпело правительство Б. И. Морозова в борьбе с тарханщиками иноземного происхождения. Основываясь вероятно на неоднократных петициях русских торговых людей, которые жаловались на привилегии иностранных купцов на русском рынке и подали длинную и хорошо мотивированную челобитную

[1] См. тот же столбец в разн. местах. Выданная в 153 г. при Михаиле жалованная грамота Кожеозерской пустыни, в 154 г. была подписана на имя царя Алексея; 31 января 154 г. по ней были посланы послушные грамоты таможням на Устюге Великом и Тотьме. Прик. дела ст. лет 1645, № 67 л. 347—8.

[2] См., напр., указ по челобитью властей Антониева Сийского монастыря 13 марта 1646 года,—Прик. дела ст. лет 1645 № 2; тут же и указы по др. монастырям.

[3] См. нашу брошюру «Московские ткачи XVII в. и их привилегии», Ташкент 1928.

об этом как раз в 1646 году, правительство Б. И. Морозова царским указом и боярским приговором 1 июля того же 1646 года постановило: «для пополнения его государевой казны на жалованье ратнымъ людемъ» взимать со всех иноземцев, не исключая гостей английских, голландских, гамбургцев и их приказчиков, при продаже их товаров пошлины в обычных и одинаковых с русскими торговыми людьми размерах, а именно: по 8 денег с рубля с весчих и по 6 денег с рубля невесчих товаров. В том случае, если иноземцы захотят вести свои товары от пристани, т. е. от г. Архангельска, в Москву и другие города, за отвоз брать с товаров половину пошлин.

Несмотря на сравнительно невысокое обложение в 3—4%, которое должно было только уравнять иноземных гостей с русскими на русском рынке, и хотя остальные привилегии,—право устраивать свои фактории, торговать во всех городах оптом и врозницу,—этим указом не затрагивались, иноземные гости и особенно англичане почувствовали в нем серьезную угрозу и решились бороться против нарушения своих привилегий правительством Б. И. Морозова всеми средствами. Приехавшие к Архангельску и Холмогорам английские гости отказались платить с товаров пошлины. Так как отъезд внутрь страны сопряжен был с уплатой половинной пошлины, то они сложили все свои товары в склады, а сами поехали к Москве. Торговый агент Англии и представитель английского купечества в России, сэр Спенсер Бритон, подал 14 декабря 1646 года на царское имя челобитную, в которой упрекал государя в том, что он нарушает свою же жалованную грамоту, которая была подтверждена английским гостям за год перед этим. Сэр Спенсер Бритон утверждал, что эту грамоту предки Алексея Михайловича пожаловали не отдельным 23-м купцам, как это было на самом деле, а всему «англинскому народу, которые торгуютъ въ Московскомъ государстве», и пожаловали не в силу собственных нужд и милости, а за заслуги англичан, которые, таким образом, как бы приобрели право на свои привилегии: «для разные службы и мѣры учинили англинские люди къ прибыли и къ добру сему кесарству».

Утверждая, что «англинскій народъ» прежде никогда не платил торговых пошлин, Бритон, может быть и основательно, заявлял, что всякая уступка его в этом отношении имела бы для него гибельные последствия.—«И только ему на то хотя мало податца, и ему будет головы своей отбыть».

Эта челобитная осталась без ответа: Морозов и его «молодые люди» желали брать пошлины с англичан. Тогда сэр Спенсер Бритон 6 февраля 1647 года подал вторую челобитную, в которой он протестовал еще решительнее. Здесь английский агент отрицал уже самое право царя Алексея Михайловича и русского правительства брать пошлины с английских купцов хотя бы и на русской территории: по утверждению энергичного англичанина вообще «нихто ихъ народу не можетъ дати пошлины». Прося о восстановлении прежних привилегий и, видимо, неособенно надеясь на это, сэр Спенсер Бритон заканчивал свое послание царю угрозой разрыва и прекращения торговых сношений с Англией.—«А будет впредь ко государю народа ихъ служба не надобна, и государь бы пожаловал, велѣл ему вѣдомо учинить, чтобъ ему о томъ тако жъ вѣдомо учинить в Англинскую землю, и потому бъ имъ изготовица, как отселѣ выѣхать». Эта вторая челобитная также осталась без ответа, на что указывали сами англичане в конце февраля того же 1647 года.

Видя, что русское правительство не поддается на запугивания, английские купцы нашли иной выход: в новой коллективной челобитной английские купцы просили разрешения привести от Архангельска свои товары

к Москве без уплаты пошлин; пошлины же за отпуск, которых они все же не желали платить, просили записать в таможенные книги «до государеву указу». На этот компромисс правительство пошло, и англичане в 1647 и 1648 годах свободно привозили свои товары без уплаты пошлин, которые, вероятно, записывались в таможенные книги «до государеву указу». Англичане чего-то ждали и ждали, как увидим, ненапрасно.

Оставались, таким образом, в области сборов старые пути. И Морозовское правительство, действительно, с огромной энергией принимается выколачивать недоимки с черных тяглецов, прижимать мелких служилых людей на их жаловании, подготовляя между тем новую коренную реформу, а именно новое строение Московских городов, которые должны были стать источником государственного благосостояния.

Новый нажим на голодных плательщиков, которые по признанию самого правительства платили налоги «за правежомъ съ большими убытки», был сделан тогда же, в 155 и 156, т. е. 1647—8 годах. В 1647 году, по помете думного дьяка Назарья Чистого, по 22 городам и нескольким уездам, подведомственным Новгородской Четверти, во главе которой стоял этот финансист, были разосланы грамоты воеводам и приказным людям.— «А велено, читаем мы в них, на посадских и на уездных сошных людех государевы четвертные, данные и оброчные всякіе доимочные доходы и за стрелецкіе хлѣбные запасы денги на прошлые годы п р а в и т ь н е щ а д н о. Да на тѣх же сошных людех велено и за сошлых крестьянъ доходы править же, чтобъ доходовъ нисколько в доимке не было». [1]

Воеводы и приказные люди из городов писали, что посадские и уездные люди в доимочных деньгах «в день стоятъ на правеже, а на ночь мечют (их) в тюрьму»; уверяли, что всех доимок «на них доправить немочно, потому что от большихъ податей и отъ хлебной скудости сталі бѣдны и промыслов отбылі». Но напрасно: суровый «канцлер» очень редко прислушивался к этим просьбам и отпискам. 5 мая 1647 года Пошлинный приказ запечатал грамоту на Вятку. Этой грамотой, по челобитью старосты Ортюшки Тряпицына и во всех посадских людей и уездных крестьян место, вятчанам позволено было собирать «доимочные четвертные доходы и стрелецкие деньги на прошлые годы» «по розвытке» на 10 лет. [2] Однако, это было исключением, а в общем порядке Назарей Чистый и в его лице правительство Б. И. Морозова повело с недоимщиками настоящую вооруженную борьбу.

В Каргополе, напр., где у воеводы Василья Жукова в распоряжении было всего 6 человек пушкарей и 20 приставов, вопрос о сборе недоимок осложнился, так как старосты и крестьяне Мошенской волости не дали править недоимок на себе палками. Тогда, «по помѣтѣ и отписи думного діака Назарья Чистого», в Каргополе было указано специально «для ослушниковъ и для провожанья государевой казны» прибрать еще 20 человек стрельцов. Но Каргопольские старосты тогда отказались собирать стрелецкие деньги, а удобных земель для испомещения стрельцов в Каргополе «за грязями и болоты» не оказалось. По челобитной Каргопольского посада царь велел доложить все это дело себе; но докладная записка долгое время провалялась «на столе в Посольском Приказе» у Назарья Чистого и получила движение только после того, как его самого разъяренная толпа убила палками и камнями. Воевода Великого Новгорода получил послед-

[1] Павел С м и р н о в. Несколько документов к ист. Соборного Уложения и Земск. Собора 1648—1649 гг., № X.

[2] А. М. Ю. Пошлинная книга Печатной конторы № 45 л. 12—13.

нюю грамоту о сборе недоимок с Заонежских погостов 2 июня 1648 года, т. е. как раз в тот день, когда в Москве вспыхнуло восстание против Морозовского правительства, и тело убитого «канцлера» было выброшено на навоз. [1]

4. Городская политика Б. И. Морозова. Строение посадов.

Неудачные попытки найти новые источники обложения и столь же неудачные попытки усилить слабую платежеспособность тяглого населения административным усердием, неизбежно приводили правительство Б. И. Морозова к той мысли, что путь к укреплению государственных финансов лежит через поднятие благосостояния плательщиков. Платежеспособность тяглого населения увеличится только в том случае, если увеличится его благосостояние, если дать ему в руки возможность беспрепятственно развивать свои торги и промыслы. К сожалению, мы не имеем источников относительно этой нити рассуждения именно у Морозова или одного из его помощников. Но входившая в силу и моду в первой половине XVII столетия в Московском государстве меркантилистическая мысль, с основными положениями которой были прекрасно знакомы и гости и государственные деятели и сам царь Алексей Михайлович, заставляет считать, что и воспитатель его, Б. И. Морозов, нечужд был меркантилизма, и что отсюда вытекали основные положения его посадской политики, из-за которой он едва не погиб, и верность которой он сохранил даже после мятежа 1648 года. [2]

Мы знаем, каково было землеустройство Московского посада. Непрочность юридических форм обладания черной государевой данной землей с одной стороны, причем лавочные земли могли сдаваться и сдавались всякому желающему, сильнейшая экспансия белой вотчины и поместья, с другой, приводили неизбежно к тому, что процесс обоярения, уничтоживший черные земли в уездах (кроме Поморья), грозил потопить и черные посады, обламывая их земли по самые дворы и огороды и отнимая возможность держать скот, рубить лес и т. п. Выгодность участия в торгах и промыслах посадских людей, без уплаты тягла и служб, побуждала почти все разряды беломестцев снимать лавки и амбары, а крупных вотчинников, светских и духовных, кроме того, держать слободки крестьян и бобылей на посадах, которые составляли целую отрасль современного вотчинного хозяйства. Для обремененных тяглом и разного рода тяглыми повинностями черных посадских людей в таких условиях почти не было возможности разжиться и достигнуть благосостояния: они мало чем отличались от черных крестьян. И правительство Б. И. Морозова не могло не сознавать, что только освобождение городов от вотчинников и передача посадам необходимой для свободного их развития территории с выгонами и угодьями, а также решительное устранение конкуренции в посадских торгах и промыслах со стороны белых крестьян и бобылей может поставить городской класс на ноги. Старый и нерешенный, несмотря на многочисленные попытки, спор между вотчиной и посадом из-за земли, тяглецов и права заниматься торговлей и промыслами в городах привлекает теперь внимание Морозовского правительства, которое с характерной для него энергией становится на сторону городов.

[1] Прик. дела ст. лет 1637—1638, № 38.

[2] О меркантилизме в XVII столетии см. нашу статью: Экономическая политика Московского государства в XVII ст. в «Рус. ист. в очерках и статьях» под ред. проф. М. В. Довнара-Запольского т. III, Киев 1912.

Составление переписных книг в 1646—7 годах давало к этому удобный предлог и наводило на мысль о посадском строении, так как при составлении писцовых книг писцы обычно занимались также разрешением на местах различного рода поземельных споров и недоразумений. Сыск бежавших тяглецов и устройство посадов землями, однако, не были объявлены, как общая мера. По примеру царя Бориса Годунова, Б. И. Морозов начинает эту сложную и трудную работу рядом сепаратных мер по отдельным городам, но так, что совокупность их в конце концов образовала целую систему городской политики, направленной к указанной цели по всей территории Московского государства.

9 сентября 1646 года в Москве на государево имя была подана челобитная Суздальцев посадских людей «о обидахъ, что они изобижены ото всякихъ чиновъ людей». [1]

Челобитная эта за руками земского посадского старосты Данилки Голицына и всех посадских людей города Суздаля утверждала, будто бы уже тогда «во многих... городѣх по нашему (т. е. государеву) указу велено закладчиков из-за патриарха и из-за властей, из-за князей и из-за бояр, и из-за монастырей, и из-за всяких чинов людей і их крестьян торговых и посадцких людей выбрати и по торгом и по промыслом имать на посад в тягло, а иных оброчить». Соответствующего указа, однако, не сохранилось, и ближе с этим распоряжением правительства мы не знакомы. Возможно даже, что его в такой форме и не было издано, и посадские люди были введены в заблуждение какой-то неизвестной нам информацией, возможно—имевшей целью вызвать со стороны Суздальцев соответствующее челобитье и таким образом снять инициативу последующих распоряжений с самого правительства.

Ссылаясь на то, что их «город Суздаль ближней—без призору, разорился без остатку от патриарших и архиепископлих слобод, и от князей, и от бояр, и от архимаритов, и от иных розных монастырей, и от протопопов и мирских церквей от священников,—их посадцких людей теснят»; констатируя далее бегство с посада тяглецов, захваты беломестцами торговли и промыслов на посаде, его пашенных, сенокосных и выгонных земель, Суздальцы посадские люди указывали на несправедливую обделенность их чина наряду со служилыми людьми.—«Наше (т. е. государево) де жалованье,—говорили они,—и к малым деревням к помесным і вотчинным выпуски и пашни и сенные покосы и леса даны; а у них де в городе Суздоле пашню и сенные покосы и выпуски отнеты без остатка по самые их дворы и огороды, и на одну де сажень не оставлено»... Всем владеют там архиепископ, монастыри и попы монастырских церквей, «и называют своими землями неведомо почему». Между тем у вотчинников есть достаточно земель и помимо Суздальских окологородных. Поэтому Суздальцы посадские люди просят царя отдать их посад для устроения и в обереганье окольничему Петру Тихановичу Траханиотову (как помним, шурину боярина Морозова и начальнику Пушкарского приказа).—«И нам бы их пожаловать, просили челобитчики,—велѣти город Суздоль и их посадцких людей строить и оберегать тебе, окольничему нашему Петру Тихановичю Траханиотову, и росправу меж ими чинить, и оборону давать, и от сторон оберегать, і в обиду их никому не давать, и из закладчиков выбрать и взять в тягло на посад, и пашню и сенные покосы и леса очистить к городу Суздалю к посаду и им роздать».

[1]) А. М. Ю. Столбцы Разряда, Приказный стол № 170 л. 517—523. Дата челобитной устанавливается по заголовку списков с дозорных и писцовых книг Суздаля, выданных Суздальцам по этому случаю.—Тот же архив Писц. книги № 462 л. 1—2.

Таким образом, эта беспримерная просьба Суздальцев посадских людей проектировала для одного из деятельных членов правительства, П. Т. Траханиотова, какую-то не менее беспримерную Суздальскую диктатуру. Он должен был явиться на Суздальском посаде и средневековым defensor'ом civitatis IV столетия, трибуном города, который защищает посадских людей «от сторон» и одновременно уполномачивается центральным правительством произвести радикальную ломку сложившихся в этом городе экономических и социальных отношений за счет вотчинников и помещиков и к вящему процветанию посадского сословия. По проекту Суздальцев посадских людей правительство обеспечивает именно такое направление деятельности посадского диктатора особой «оберегальной грамотой» посаду, «почему... впредь их, посацких людей, ведать и во всем росправа чинить». Свое желание иметь в роли устроителя и покровителя посада именно Петра Тихановича Траханиотова, Суздальцы объясняют высокими личными достоинствами его: «потому что де тебя, окольничего нашего Петра Тихоновича, со младенчества они знают: посулов и поминков не емлешь, а наши дела делаешь вправду, против нашего крестного целованья». [1]

Разумеется, отдельные элементы высказанных Суздальцами пожеланий можно указать и в русской действительности. Так, отдельные посады иногда добивались себе жалованных несудимых грамот, по которым посадские люди имели право отзываться на зазывные грамоты только своего приказа, ведавшего посадом, и отвечать только в нем, иногда в определенные сроки. [2] Нам известен целый ряд жалованных грамот городам на их земли, выделяемые из тех или иных источников. [3] Далее, мы знаем, что писцы или специальные стройщики нередко «строили» посады, отводили им земли, отдавали в тягло людей и т. д.

Но особенностью Суздальского челобитья было соединение всех этих элементов в одно, причем все они должны были из частных и разрозненных мероприятий правительства в своих городах обратиться как бы в право данного города, выраженное в специальной жалованной грамоте Суздальскому посаду. В таком виде Суздальская петиция напоминает стремление к установлению своих сословных городских прав и привилегий со стороны горожан средневековых городов где-нибудь во Франции или в Германии. Изгнание с посада беломестцев соответствует изгнанию из городов северной Франции и Германии рыцарей и духовных владельцев, а равно подчинение зависимых от них людей коммуне. [4] Признание права заниматься торговлей и ремеслом в пределах посада исключительно посадской привилегией вполне соответствует нормам «цехового принуждения» западных средневековых городов. Наконец, роль избираемого по указанию посада в качестве его главы и судьи П. Т. Траханиотова соответствовала бы положению и роли мэра или фогта, утверждаемого властью верховного собственника городской территории, его сеньёра, а в данном случае властью государя Московского. Жалованная

[1] У П. Т. Траханиотова были вотчины и поместья во Владимирском и Лухском уездах, так что Суздальцы и Владимирцы посадские люди, действительно, как могли знать его «со младенчества». После убийства Траханиотова часть из этих вотчин и поместий уже 19 июля 1648 г. была в поместье за смольнянином Григ. Богд. Куликовым. Прик. дела ст. лет 1648, № 61.

[2] Такие грамоты известны для города Вологды, Романова и др.

[3] См. Города Моск. государства, т. I вып. 1 стр. 44 и сл.

[4] Ср. Achille Luchaire, Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. Paris 1890; Проф. Георг фон-Белов, Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, стр. 111—112, М. 1912, перев. под ред. Д. М. Петрушевского.

грамота, которой добивались Суздальцы посадские люди, в таком случае являлась как бы коммунальной грамотой. Но грамотой, которая все же не копирует какое-нибудь право, напр., магдебургское, как это было в западно-русских городах Литовского Великого княжества и Польского королевства, а пытается найти собственное русское содержание в русской средневековой действительности.

К сожалению, у нас нет ни возможности, ни даже надежды когда-либо осветить вопрос, какими путями пришли Суздальцы к составлению своей челобитной, и какие влияния действовали на них. Но нельзя не удивляться, что во всяком случае необычная по своему содержанию просьба Суздальского посада, затрагивавшая столько влиятельных интересов и лиц, встретила не отпор, не колебание, а полное признание со стороны Морозовского правительства, которое как-будто бы только и ждало соответствующего выступления со стороны посадских людей, чтобы иметь повод приступить к реформам городов. Простой пометой думного дьяка Разрядного приказа Михаила Волошенинова просьба Суздальского посада была полностью удовлетворена. За приписью другого дьяка того же Разрядного приказа, Григорья Ларионова, посадские люди получили «жаловальную грамоту» за красной государственной печатью, разумеется, как было в ней сказано, «с нашего царского повеления». Составлена эта грамота была в Москве в Разряде; датирована 1 ноября 1646 года, но в черновике сначала стояла дата «155 г., сентября въ—де». Следовательно, между подачей Суздальского челобитья 9 сентября и его удовлетворением протекло всего несколько дней, а беловую грамоту посад получил через месяц 20 дней после подачи просьбы.[1] Тогда же посадские люди Суздаля получили из Поместного приказа за скрепой дьяка Семена Софонова списки с 4 дозорных и писцовых книг города Суздаля в качестве материала для предполагаемого строения посада.[2] Поспешность—во всяком случае исключительная, принимая во внимание исключительность посадской просьбы, которую мы затруднились бы понимать, если бы не допускали мысли, что истинным инициатором посадского строения, выдвинувшим Траханиотова в качестве стройщика, был не земский Суздальский староста Данилка Голицын с товарищами, а Б. И. Морозов со своими сотрудниками, к числу которых принадлежал и П. Т. Траханиотов.

В то же самое время П. Т. Траханиотов и дьяк Артемий Хватов, назначенный дьяком Пушкарского приказа, получают особый наказ, по которому они должны будут строить и оберегать Суздальский посад.[3]

Разница между содержанием жалованной грамоты Суздальцев посадских людей и наказа Траханиотову невелика и сводится преимущественно к формулам обоих документов; кроме того, жалованная грамота короче и не так обстоятельна. По обоим актам Суздальцы посадские люди, согласно их челобитью, жалуются особой привилегией: «велѣли их во всем вѣдать по сей нашей государской жаловальной грамоте окольничему нашему Петру Тихоновичю Троханиотову». Помимо Траханиотова отныне Суздальцы посадские люди неподсудны и неподведомственны никому. Только Тра-

[1] А. М. Ю. Столбцы Разряда, Приказный стол № 170 л. 517—523.

[2] Дозоры 120, 125, 131 годов и писцовые книги 136—137 годов.—А. М. Ю. Писцовые книги № 462. Все эти описания изданы во Владим. Губернских Ведомостях 1843 г. №№ 25, 26 и 27; 28—31. Писц. книга 136—137 г. вторично в Труд. Владим. Уч. Арх. Комиссии т. VI, Владимир. 1904.

[3] 13.IX.1646 г. Артемия Хватова в Пушкарском приказе еще нет,—А. Э. IV № 9; ср. А. И. IV № 14. А 12.XII 1646 года он уже упоминается в качестве сотрудника П. Т. Траханиотова.—А. Э. IV № 12.

ханиотов может их судить, «всякую росправу чинить и наказанье давать». Даже обвинения посадских людей в преступлениях духовного характера, всегда подведомственные духовному суду, теперь разбирает Траханиотов и сыскивает «про ту их неправду», повидимому, неправду не посадских, а их обвинителей. Жалобы посадских людей, «будет их Суздальцов посацких людей хто изобидит», принимает также П. Т. Траханиотов, разбирает их и приводит в исполнение свой приговор: берет «на сильных и на ослушников» у воевод сколько надобно приставов, стрельцов и пушкарей, «и их смирит і в тюрьму велит сажать и наказанье велит чинить по разсмотренью». Всякие судебные привилегии и изъятия, таким образом, отменялись и уничтожались наказом Траханиотову и жалованной грамотой Суздальского посада.

Суд и расправа, однако, только средство в руках Траханиотова для радикального переустройства взаимоотношений между Суздальским посадом и его сильными, духовными и светскими, соседями землевладельцами. По жалованной грамоте и наказу П. Т. Траханиотов и дьяк Артемий Хватов должны ликвидировать на посаде путанный и трудный вопрос о закладчиках, а также разрешить в пользу посада вопрос о его землеустройстве. К сыску закладчиков Траханиотов приступает, как это делалось всегда, руководясь росписью посадских людей: «кто имяны посадские люди и давно ль с посаду сошли и за кѣм хто живет». Решает он вопрос, руководясь такими инструкциями:

1. «Которые торговые люди живут за патриархом и за властми, за монастыри и за бояры и в дворникех, а в писцовых книгах за ними не написаны, и вы б (т. е. Траханиотов и Хватов) тѣх всѣх людей взялі в посад по старинѣ».

2. «А которые люди за патриархом же и за властьми и за монастырі и за бояры написаны в писцовых книгах, а торгуют в Суздале в городе и на посаде, и вы б тѣх людей в Земской Избѣ изоброчілі и наши службы велѣлі им служить с посадцкими людми вряд».

Кто не захочет жить в посаде, того Траханиотов отдает на поруки, «а за ослушанье велѣлі по торгом бить кнутом нещадно, чтоб то смотря иным неповадно было с посаду от тягла на льготу убѣгать и в закладчики закладыватца».

Таким образом, согласно наказу Траханиотова, в Суздале обращению в тягло подлежали все торговые люди, жившие на владельческих дворах или слободах, если только они не были записаны за ними в писцовые книги. Траханиотов обращает их в тягло «по старине», т. е. по посадской старине, но старина эта доказывается единственно росписью посадских людей, которую составляет их староста, и умолчанием писцовых книг, составленных лет двадцать тому назад. При таких условиях не только действительные закладчики Суздальского посада, но и всякого другого, пришедшие жить сюда, беглые крестьяне и бобыли и просто гулящие люди, поселившиеся на владельческих землях в Суздале после писцовых книг, неизбежно брались в посад, а в случае сопротивления наказывались кнутом нещадно и все-таки обращались в тягло.

С другой стороны, владельческие крестьяне и бобыли, которые занимались торгом, а следовательно и промыслом, так как ремесло всегда соединено с продажей продуктов производства, и права на которых владельцы могли подтвердить писцовыми книгами 1620-х гг., тем не менее обязывались, кроме владельческого оброка, платить оброк в Земской Избе, т. е. посаду, очевидно за право заниматься в городе торговлей и промыслами, и нести

все службы наряду с посадскими людьми. Изоброчивали таких в Земской Избе, хотя, по наказу и грамоте, и «вправду, с крестным целованьем», но все же посадские земские старосты, целовальники и лучшие люди посада, т. е. заинтересованная сторона. Наказ предвидит поэтому, что торговые беломестцы «в Земской Избѣ изоброчитца не похотят и учинятца сильны». В таком случае Траханиотов и дьяк Хватов должны велеть их изоброчить тем же старостам и целовальникам в Земской Избе «в неволю», взять на них поручные записи в платеже оброка «с правежом», а самих посадить «за ослушанье» дня на два, на три в тюрьму.

При помощи таких мер П. Т. Траханиотов и дьяк Артемий Хватов могли действительно вопрос о закладчиках в Суздальском посаде, как теперь говорится, «изжить». Каждому торговому человеку, при всяких льготах со стороны землевладельца, становилось все же выгоднее уплачивать одно тягло, в раскладке которого он сам принимал участие, нежели платить оброк владельцу, давать оброк в Земскую Избу посадским людям, которые налагают его, руководясь только своей совестью да вполне понятным чувством раздражения на конкурента, и, кроме того, служить по навалу тех же посадских людей все посадские службы. Не только всякий гулящий человек, почему либо выбирающий Суздаль местом своего жительства, теперь предпочтет черную землю и тягло на ней белой слободе или владельческому двору, но даже и владельческие исстаринные крестьяне могли начать перебегать в посад. По крайней мере так была задумана и изложена реформа, которую должен был осуществить на Суздальском посаде П. Т. Траханиотов.

Не менее радикально решали жалованная грамота посаду и наказ Траханиотову вопрос о землеустройстве посада, причем в редакциях обоих памятников по этому щекотливому вопросу заметна некоторая разница: а именно, в жалованной грамоте в изложении звучит некоторая смягченность, которая как бы предупреждает неумеренные претензии со стороны посадских людей, между тем как в наказе Траханиотову этой смягченности нет, так что намерения правительства в этой области были вполне ясны и определенны.

Жалованная грамота гласила:	Наказ П. Т. Траханиотову.
«И землю посадцкую дворовую и огородную и лавочную очистить, и земли на выгон скотинной около посаду отвести по версте,[1] и грани и ямы учинить, и грамот и крепостей на ту землю окологородную досмотрить у всяких чинов людей».	«И землю посадцкую дворовую и огородную и лавочную очистилі, и земли на выгон скотинной около посаду по версте отвелі, и грани и ямы і всякие признаки учинилі».

5. Редакция жалованной грамоты, которая выдавалась на руки посадским людям, очевидно вызывала колебания и понятную осторожность. В ней была сделана вставка о досмотре документов у владельцев окологородной и городской земли, что сообщало бы деятельности Траханиотова некоторый оттенок легальности, разумеется, только оттенок, так как не сказано, что он обязан этими документами руководиться в разрешении

[1] Слово «по версте» было дьяком при редактировании перечеркнуто и надписа но «против нашего указу, как оні владѣлі изстарі»; но затем эти слова дьяк снова почернил: и надписал над словом «по версте»—«чисто». Верста того времени—1000 сажен.

земельных вопросов. Но посадские люди по своей грамоте могли думать и так, и для Траханиотова здесь создавалась лазейка, если бы он захотел почему-либо решить дело не в пользу посадских претензий. Зато в наказе ни о какой легальности речи нет: Траханиотов просто устраивает землей посад за счет частного землевладения. И никакие документы, никакая легальность не могла помочь владельцу посадской земли в городе или около него на версту, т. е. 1000 сажен, вокруг него. Не считаясь ни с какой стариной приобретения, ни с путями его, без вознаграждения собственников, все такие земли отбирались и отдавались в посад посадским людям. Впрочем, земли окологородние, на 1000 саженей от городской черты, отходили под посадский выгон даже независимо от того, были ли они когда-нибудь посадскими, или, точнее, считали ли их за таковые посадские люди, так как и здесь вопрос о принадлежности земли к посаду решался, повидимому, росписью посадских людей, даже без привлечения писцовых книг. При этом, единственным судьей всех дел, исполнителем принятых им решений и, наконец, докладчиком по спорным вопросам правительству является тот же П. Т. Траханиотов. По поводу очистки к посаду земли на версту кругом города жалованная грамота и наказ замечают:

Жалованная грамота.	Наказ.
«А будет зачѣм с которую сторону к посаду земли на выгон отвести нельзѣ, и по нашему государскому указу о том о всем докладывает окольничей нашь Петр Тиханович Траханиотов».	«А будет зачѣм с которую сторону к посаду земли на выгон отвести нельзѣ, и вы б докладывалі нас, как будете на Москвѣ».

Таким образом, даже до царя вопли обобранных Траханиотовым Суздальских землевладельцев могли долететь не иначе, как через того же Траханиотова.

Нет сомнений в том, что выработанные тексты жалованной грамоты Суздальцам посадским людям и наказа П. Т. Траханиотову должны были явиться только пробным камнем. Правительство явно боялось возбудить против себя сразу слишком многих, почему сначала и ограничивалось территорией одного только Суздальского посада. Но в наказе П. Т. Траханиотову, который не предназначался для всех, уже предусматривалось, что Траханиотову придется брать приставов и стрельцев не только в Суздале, но и во Владимире у местного воеводы. Таким образом, Суздальская реформа, решенная в сентябре—ноябре 1646 года, должна были распространиться и на Владимирский посад.

И действительно, несколько позже, 31 мая 1647 года, по челобитью земского старосты Владимирского посада Паньки Левонтьева и Владимирцев посадских людей, была выдана Владимирскому посаду жалованная грамота, видимо, скопированная с Суздальской. [1]

Запечатанная в Печатном приказе 31 мая 1647 года «жалованная грамота Володимірцовъ посадскихъ людей земскаго старосты Панки Левонтьева да Лучки Назарова» повторяет Суздальскую жалованную грамоту почти дословно и создает для Владимирского посада такое же исключительное положение привилегированного города, в какое был поставлен Суздаль. «Городъ Володиміръ» велено «вѣдать и строить» тому же окольн-

[1] Опубликована А. Н. Зерцаловым. Новые данные о Земском Соборе 1648—1649 г., приложение XXXII, в Чтениях в О. И. и Д. Р. 1887. III,

ничему Петру Тихановичу Траханиотову и также согласно челобитью земского старосты и во всех посадских людей место. Во Владимирском посаде Траханиотов так же, как и в Суздале:

1. Является единственным судьей и исполнителем своих приговоров, нарушая всякие судебные привилегии и права землевладельцев, духовных и светских. Как и в Суздале, про духовные дела здесь было сказано: «А будетъ приказные люди патріарши и архіепискупли и боярскихъ всякихъ чиновъ люди станутъ посадскихъ людей продавать духовными дѣлами или иными какими, и окольничей Петръ Тихановичъ тѣхъ приказныхъ людей съ посадскими людьми для сыску противъ ихъ челобитья по сей жалованной грамотѣ велитъ ихъ ставить передъ собою на очную ставку, и про ту ихъ неправду велитъ сыскивать, а посадскихъ людей оберегать и въ обиду никому не давать».

2. Как в Суздале, Траханиотов является во Владимире диктатором и имеет право применять силу: «А будетъ кто учинится силенъ, и окольничей Петръ Тихановичъ велитъ на ослушниковъ имать стрѣльцовъ и пушкарей и ихъ смиритъ и въ тюрьму велитъ посажать и наказанье велитъ учинить по разсмотрѣнью».

3. Траханиотову и здесь принадлежит разбор жалоб посадских людей на сильных людей: «а будетъ ихъ Володимірцовъ посадскихъ людей кто изоби(ди)тъ, и имъ Володимірцамъ посадскимъ людямъ на тѣхъ сильныхъ бити челомъ ему окольничему Петру Тихоновичю, и черезъ его жалованную грамоту Володимерцовъ земских старостъ и всѣхъ посацкихъ людей, кромѣ окольничего Петра Тихоновича, никому не вѣдать». [1]

Порядок и задачи преобразований на посаде, которые составляли самое существенное в пожаловании, были те же самые, что и в Суздале. Петр Тихонович Траханиотов вместе с дьяком Артемием Хватовым должны вывести закладчиков и изоброчить всех торговых людей:

1. «Посадских людей собрать всѣхъ на посадъ противъ первыхъ росписей и грамотъ».

2. «И у нихъ посадскихъ людей взяти роспись за ихъ руками: кто имяны и за кѣмъ кто живетъ; а которые торговые люди живутъ по слободамъ патриаршимъ и властелинскимъ и монастырскимъ и боярскимъ и въ дворникахъ, а въ писцовыхъ книгахъ за ними не писаны, и тѣхъ всѣхъ людей взяти въ посадъ».

3. «Из-за патріарха и изъ-за властей и закладчиков из-за бояр и из окольничих и из-за думныхъ дворянъ и изъ-за всякихъ чиновъ людей, которые жили въ посадѣ, взяти въ посадъ и въ посадѣ ихъ устроить дворами и пашнею и сѣнными покосы и всякими угодіи по прежнему государеву указу и межъ ними расправу всякую и наказанье чинить, кто чего доведется».

4. «А которые люди за патріархомъ и за властьми и за монастыри и за бояры написаны въ писцовыхъ книгахъ, а торгуют въ Володимерѣ въ городѣ, и тѣхъ людей по торгомъ въ Земской Избѣ оброчить и государеву службу имъ служить съ посадскими людьми въ рядъ».

Наконец, те же меры и относительно землеустройства. Как в Суздале, так и во Владимире Траханиотов должен:

1. «Землю посадскую и сѣнные покосы и лѣса очистить».

2. «И землю посадскую и дворовую и городскую и лавочную очистить и землю на выгонъ скотинной около посаду отвести по верстѣ, и

[1] Зерцалов. Новые данные о Земском Соборе 1648—1649 года, прилож. XXXII.—Чт. в О. И. и Д. Р. 1887, III стр. 71—2.

грани и ямы учинить, и грамотъ и крѣпостей на ту землю окологородную досмотрѣть у всякихъ чиновъ людей».

3. «А будетъ за чѣмъ съ которую сторону къ посаду земли на выгонъ отвести нельзя, и по государеву указу о томъ о всемъ докладываетъ окольничей Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ».

Сохранилась подлинная строельная книга, со скрепами дьяка Артемья Хватова, тяглецам и землям, отписанным П. Т. Траханиотовым к Владимирскому посаду и выписи из его же строельных книг по Владимиру и по Суздалю, которые были поданы Траханиотовым и дьяком Хватовым в Галицкую и Владимирскую Четверти, где ведались эти города, в 155, т. е. в 1647 году. Из этих документов можно видеть, как осуществлял Траханиотов свои полномочия.

Выпись из строельных книг по Суздалю неполна: в ней не хватает цифр, и касается она только владений в Суздале архиепископа Суздальского и Торусского Серапиона (1634—1653). Но этой незначительной части достаточно для того, чтобы представить, насколько решительны были шаги Траханиотова в столь деликатных областях, как размежевание поземельных и торговых прав на посадах. У одного архиепископа Серапиона в Суздальский посад было отобрано «по приговору околничего Петра Тихановича Траханіотова да дьяка Ортемья Хватова»:

1. Что владѣл архіепискупъ церковными землями, а на них жили бобыли»; «и которые церковные земли лежатъ впусте, а тѣми землями архіепискупъ владѣл, з бобылей и съ пашни оброкъ ималъ».

2. «и которые лавки посадцкихъ людей въ ряду, а оброкъ съ нихъ имал архіепискупъ же;

3. и что архіепискупъ владѣл Ввиденскою полевою землею на Мжарах 4 десятины в поле, а въ дву потому же;

4. и что огородные церковные земли Злотоустовского и Пятницкого попов припущено к лугу в покос;

5. и что у мельницы 2 двора архіепискупліх поставлены на посацкой земле».

Все эти земли были отданы Траханиотовым в посад; оброк велено было взимать с бобылей и с лавок в Земскую Избу земским старостам, а земли отдавать на оброк из Земской же Избы и деньги брать в пользу Земской Избы, т. е. посадского самоуправления, посадской общины.

6. Деревеньку Панаеву, что за рекой Каменкой за Введенской стороной, где жили архиепискупли дети боярские, Михайло, Офанасей и Микита Салмановы, на которую у архиепископа не оказалось крепостей и писцовых выписей, Траханиотов также присоединил к посаду и отдал посадским людям, заметив в книге, что по отсутствию документов «знатно,— та земля посацкая». [1]

Вторая выпись из строельных книг по Владимиру также неполна. Сделанная в 1680 году по поводу тяжбы Владимирского посада с ямщиками, она ограничивается перечнем только тех белых людей, которые по распоряжению П. Т. Траханиотова в 1647 году [2] были подчинены земскому обложению из Земской Избы посада, сохраняя,однако,при этом свое прежнее юридическое положение. На это указывает и заголовок выписи: По указу царя Алексея Михайловича «торговые люди, котор(ые живут в Воло)димире в городе и на посаде..., а торгуют в городе в Володимере (и вся)кими промыслы промышляют», должны «с торгов своих и с промыслов

[1] А. М. И. Д. Приказные дела старых лет 1649—1671 № 113.

[2] В выписи ошибочно 154, т. е. 1646 год.

(своих) в Земской Избъ у посадцких людей (подати) платить въ Земскую Избу против иных городовъ».

В этой части своих операций Траханиотов подчинил обложению в пользу Владимирского посада следующих лиц:

1.	Гостиной сотни тяглецов, из которых один с братьями и с пасынком [1]	5	чел.	
2.	Стрельцов	1	,,	
3.	Ямщиков	20	,,	
4.	Крестьян села Красного Афанасья Тургенева	6	,,	
5.	,, стольника князя Юрья Барятинского.	4	,,	
6.	,, Федора и Александра Плещеевых	5	,,	
7.	,, боярина Никиты Ивановича Романова	3	,,	
8.	,, Семена Иванова сына Самарина	1	,,	
9.	,, Рождественского монастыря, что во Владимире	4	,,	
10.	,, Троице-Сергиева монастыря, что во Владимире	1	,,	с сыном
11.	,, Церкви Сретения Господня, что во Владимире	1	,,	
12.	,, Церкви Дмитрея Селунского, что во Владимире	1	,,	
13.	,, Вознесенских попов, что во Владимире	1	,,	
14.	,, Соборной церкви Пречистой Богородицы	19	,,	
15.	,, Успенского девичья монастыря	7	,,	
16.	,, Федоровского монастыря	1	,,	

Всего, следовательно, из 4 или 5 чинов (гостиная сотня, стрельцы, ямщики и владельческие крестьяне) было обложено податями 92 человека, причем пострадало, кроме служилых приборных людей, 5 светских и 8 духовных собственников. Сумма, на которую пострадали владельцы, не может быть определена, но она не могла быть незначительной, так как в число обложенных оброками попали наиболее зажиточные: среди названных владельческих крестьян указаны: серебреник, два мельника, мучник, портной мастер, овчинник, солоденник, квасник и кузнец, остальные просто торговые люди. Главное, однако, состояло даже не в этих потерях, а в том, что отныне устанавливался принцип посадской монополии на посадские торги и промыслы, и что после работы Траханиотова в Суздале и во Владимире были подрезаны самые корни городского вотчинного хозяйства, что имело, конечно, принципиальное значение и било гораздо дальше полутора десятка Владимирских вотчинников и сотни мужиков с их оброками. [2]

Имеется ряд разрозненных фактов, которые, однако, определенно свидетельствуют, что Траханиотов только начинал, и что вслед за ним и параллельно с ним Морозов рассылал и других лиц по другим городам, отбирал там кусок земли, там целые слободки с десятками и сотнями душ

[1] ...(Гри)горьев сын Онопин, Григорей Д... сын Родіоновъ съ братьями, Ба... Панфилов сынъ Онопинъ, Федоръ... сынъ Гороховъ с пасынкомъ с Григорьем Бурухиным, Дружина Михайлов Горохов.

[2] Выпись по Владимиру (ветхая) см. Приказные дела старых лет 1630 № 100.

населения, обращая их в посад, при чем собственники, повидимому, никакого вознаграждения не получали, по крайней мере нигде о таковом не упоминается. Так, в самой Москве «по указу 153-го году и по жалованной грамоте» у Новоспасского монастыря была отмежевана принадлежавшая ему земля «под усадьбу Больших и Малых Каменщиков», т. е. монастырь лишился или своей земли под указанными слободами, с которой он получал поземы, или самых слобод вместе с людьми. Около этого же времени, повидимому, была отписана его слободка, которая «ѣдучи изъ Москвы по Кожюховской дорогѣ состояла по лѣвой сторонѣ». [1]

В Ярославле, где в 1646 году были составлены, как и в других городах и уездах, переписные книги Тимофея Собакина и подьячего Ильи Кирилова, в следующем же 155, т. е. 1647 году воевода Степан Бутурлин внезапно заинтересовался размерами вотчинных слободок на Ярославском посаде Спасского Ярославского монастыря и составил им особые переписные книги. Книги эти были им присланы в Костромскую Четь в том же 155 году за своими, Бутурлина, за поповыми и за дьяконовыми руками. По книгам оказалось, что Спасский Ярославский монастырь недаром вызывал протесты Ярославского посада, старосты которого издавна боролись с ним из-за этих слободок.

В Ярославском Кремле монастырю принадлежали: собственная церковь во имя Иоанна Златоуста и Тихона чудотворца, двор, «что слылъ монастырской дворецъ, а въ немъ живутъ торговые и рукодельные люди по разнымъ избамъ», всего 14 семей и 3 вдовы, детей у них 16 человек, 2 соседа (квартиранта), у одного сын; да кроме того слобода. Да на посаде были слободки в разных сотнях и посадских слободах. В общем же в Ярославле за Спасским Ярославским монастырем оказалось в это время: «въ Ярославлѣ въ городѣ и по посаду во всѣхъ сотняхъ и въ Спасской и въ Богоявленской и въ Крохинѣ и въ Мельничной и въ Дойловѣ слободках... Божія милосердія восемь церквей; да у тѣхъ церквей церковныхъ причетниковъ во дворѣхъ и в кельяхъ: 6 ч. попов, 3 ч. дьяконовъ, 5 ч. пономарей, да просвирница, да трапезникъ; да торговыхъ и ремесленыхъ и работныхъ и бѣдныхъ людей и вдовъ и нищихъ 306 дворовъ; да на монастырскомъ дворѣ и въ слободкахъ 29 избъ и келей. А людей въ живущихъ дворѣхъ и въ избахъ и въ кельяхъ 341 ч., да у нихъ братьи и дѣтей и племянниковъ и внучатъ 479. Да въ тѣхъ же дворѣхъ и у посадцких людей и у монастырскихъ слугъ живутъ въ сосѣдѣхъ торговыхъ и ремесленныхъ 133 ч., да 12 вдовъ и нищихъ, да у нихъ дѣтей и братьи и племянников и внучатъ 114 ч. И всѣхъ во дворѣхъ и въ сосѣдѣхъ 1079 ч. Да 2 двора монастырскихъ, конюшенной да скотной, да 3 двора, да 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ».

Тотчас же посадские люди Ярославцы, староста Иван Худеяров и во всех Ярославцев посадских людей место, били челом о слободках, и государь их пожаловал указал «въ Ярославлѣ торговымъ и ремесленнымъ людемъ, которые жили за Спаскимъ монастыремъ, по ихъ градцкому житью и по промыслом, велѣли всѣмъ быти за нами съ ними съ Ярославцы съ посадцкими людми тягломъ и службами вмѣстѣ». На новых тяглецов было положено четверть сохи сошного оклада.

[1] Вся земля, где стояла слободка, между Кожуховской и Старо-Коломенской дорогами, была взята под выгон г. Москвы в 1649—1650 г. Но слободка на Кожуховской дороге «напередъ сего взята была на государя», т. е. раньше 1649—50 годов и скорее всего в 1646—7 году.—«И прежде сего такъ подъ вышеупомянутой бывшей слободкой, что взята на государя, земля имѣлась Новоспасского монастыря».—Отрывок из тяжбы 1756 г. и план угодий Новоспасского монастыря 1751 года.—«Царские прародители, погребенные в обители Всемилостивого Спаса на Новом», без указ. автора, стр. 126—7, М. 1912. (Книга составлена покойным А. М. Гневушевым).

Весной 1648 года земский староста Иван Худеяров и все посадские люди обратились с просьбой выдать им на взятые к посаду слободы царскую жалованную грамоту. И действительно,—характерный признак Морозовского строения посадов,—30 апреля 156, т. е. 1648 года, за месяц до начала Московского мятежа и гибели Траханиотова, Ярославцам посадским людям выдана была роскошная царская жалованная грамота, отделанная золотым орнаментом, с большою красною печатью. [1]

Отметим, что момент окончания долгого спора посадских людей с Ярославским Спасским монастырем из-за слободок падает на то время, когда бывший земский староста посада, в свое время также боровшийся с монастырем из-за слободок, Иван Чистый, брат Назарья, стал дьяком у Б. И. Морозова. Выдача жалованной грамоты, которая становилась легальным титулом на обладание слободками, а вместе с тем, как будто бы, локализировала посадское строение в пределах данного города,—как было отмечено, характерная черта именно Морозовского разрешения посадского вопроса до июньских дней 1648 года.

Такой же «обособленной» мерой было и строение на Можайском посаде. Посадский староста Ивашко Кузмин, «во всех места Можеичь посадцких людишек», является ее инициатором, а правительство Б. И. Морозова, как всюду, якобы только идет навстречу, удовлетворяя просьбу. Можаичи просили об описке к посаду всех живущих на посаде белых людей, «апричь сваих государевых служивых людъй», которых здесь было и слишком много, и на которых невозможно было претендовать в имевшей боевое значение крепости западного фронта, какой являлся Можайск. [2]

Мотивом просьбы являлось то обстоятельство, что «в Можайску, государь, торгуют и сидят лавками поповы и Никольские сторожевские и Митрѣвские слуги и служни дѣти и всяких чинов люди: торгуют всякими товары рублев на сто и больши». На обороте челобитной помета думного дьяка Ивана Гавренева: «156 г. декабря в 6 день (т. е. 6 декабря 1647 года) государь пожаловал: которые торгуют, взять в посад». Грамота с соответствующим предписанием послана была в Можайск 28 февраля 1648 года. Из росписи, приложенной к грамоте и составленной посадскими людьми, видно, что в посад обращались:

I. Л у ж е ц к о г о м о н а с т ы р я: 1—4. Слуга Кондрат Наумов сын Ожигало с 3 детьми,—«сидят в лавках и торгуют солью и сельдью и рыбою и медом и воском и мяхким товаром и отъежжими товары большими свальными в Новегороде и в Пскове и на Волохде».

5. Слуга Тимофей Ондреев сын солоденик,—торгует лавкою хлебом и солодом».

6—7. Крестьянин Подмонастырной Набережной слободы Бориско Ондреев сын Микулин с братом Тимошкою,—торгуют лавкою красным, сапожным и подошевным товаром».

II. В М о ж а й с к е Н и к о л ь с к и е с о б о р н ы е ц е р к в и: 8—9. Дети церковного сторожа Василья Варентинова Ивашка да Марко,—«торгуют на 3 лавки солью и сельдью и золою и крупами и восковыми свечами и месничеют; а отец их останетца в сторожах сам друж с меншим сыном».

---

[1] Грамота в длину 1 аршин, в ширину $11^1/_4$ вершка. Описание ее и текст см. в Ярославских Губерн. Ведомостях 1856 г. №№ 49—52 и 1857 г. №№ 1—3. Об отписке слобод к Ярославлю по книгам воеводы Бутурлина упоминается также вкратце А. М. И. Д. Прик. дела старых лет 1657 г. № 62.

[2] Города Москов. государства т. I вып. 2 стр. 139, 146—7.

10—11. Того же собора сторожа Марко и Изашко Ивановы дети Люсина—«торгуют лавкою в Москотильном ряду и торгуют солью и мяхким товаром».

12—14. Да сторож же Сенька Борщов с 2 детьми,—«торгуют лавкою солью и сельдью и золою и восковыми свечами».

15. Да того же собору пономарев Лазарев сын Собины Сенька,—«торгует, сидит в лавке, сапожным товаром и сельдью и овсом».

III. 16. Вознесенский церковный дьячек попов сын Ивашка Васильев сын,—«торгует лавкою солью и медом и воском и снетками и отъезжим свальным товаром в Нове-городе и на Волохде».

IV. 17. Приказу Большого Дворца подьячего Василья Михайлова поместья Можайского уезда дер. Кожухова крестьянин Микитка Терехов сын Покрышкин,—«торгует лавкою сельдею и рыбою, а до Литовского разоренья был он Можеитин посацкой тяглой же человек, а почел жить в той деревни Кожухове после Литовского разоренья».

V. 18—19. Можайского уезда государевой дворцовой Шеборшинской волости дер. Говшина кр-не Васька да Ониконко Филиповы дети,—«торгуют лавками хлебом ссыпным и солодом».

VI. 20. Истопника Федора Шишкина сын Ганька,—«торгует лавкою мескотильным и щепотным товаром».

Всего по 6 разрядам 20 человек. [1]

Аналогичные мероприятия правительство Морозова начало осуществлять также в крупных северо-западных городах, в Пскове и в Новгороде. В Пскове они были осуществлены до марта 1648 года, вероятно в течение 1647 и начала 1648 годов, а в Новгороде предприняты с 25 марта 1648 года и должны были протекать непосредственно перед летними мятежами 1648 года.

В Пскове, как можно видеть из сохранившегося пересказа в грамоте в Новгород от 25 марта 1648 года, было сделано следующее:

1. «А во Псковѣ по нашему указу закладчиковъ, за кѣмъ кто живетъ, которые преже сего живали на посадѣ, велено взяти въ посадъ и въ тягло обложити».

2. «А которые крестьяне въ писцовыхъ книгахъ за монастыри не написаны, и тѣхъ всѣхъ велѣно взять въ тягло и въ службу въ посадъ».

3. «А которые монастырскіе крестьяне въ писцовыхъ книгахъ за монастыри написаны, а торгуютъ всякими торги и живутъ въ посадѣ межъ посадскими людьми, хотя и на монастырскихъ дворахъ, и тѣмъ велѣно службы служить врядъ съ посадскими людми вмѣстѣ, по очереди, а тягло тянуть по прежнему въ монастырь».

Здесь нет ничего нового в сравнении с Суздалем и Владимиром. Но далее идут уже чисто местные Псковские статьи, обусловленные особым обилием здесь духовенства и мелких служилых приборных людей в связи с тактикой экономии на жаловании последних.

4. «А которые поповы и дьяконовы или дьячковы и слуг монастырских дѣти, или и сами попы и діаконы и діячки, (а) торгуют большими промыслы и въ лавкахъ сидятъ, и тѣхъ всѣхъ потомужъ взяти въ посадъ и въ тягло обложить».

5. «А казакомъ и пушкаремъ и стрѣльцамъ, которые торгуютъ большими торги, по пяти сотъ и по шти сотъ рублевъ и болши, и по сту и по пятидесятъ,—тѣмъ быть въ посадѣ въ службѣ и въ тяглѣ съ посадскими

[1] А. М. И. Д. Прик. дела старых лет 1647 № 127.

людми вмѣстѣ; а которые въ посадѣ жить не похотятъ, а торгуютъ многими товары до ста рублевъ и болши, и до пятидесять рублевъ, и тѣмъ велѣно служить безъ денежного и безъ хлѣбного жалованья; а которые торгуют менши пятидесять рублевъ, и тѣмъ велѣно служить съ денежнымъ жалованьемъ безъ хлѣбного жалованья, а пошлины имъ съ своихъ промысловъ платить по нашему указу сполна, какъ емлютъ съ торговыхъ людей; а которые Псковскіе пушкари служатъ пушкарскую службу, и тѣмъ съ посадскими людьми въ службахъ и въ тяглѣ быти не велѣно, а братью и племянниковъ и дѣтей ихъ, которые торгуютъ, велѣно взяти въ посадъ». [1]

Таким образом, в Пскове, помимо возвращения закладчиков на посад, в посадское тягло брали также всех незаписанных за владельцами крестьян; записанные за вотчинниками крестьяне торговые люди должны были нести посадские службы, а духовенство и дети духовных лиц, связанные с посадом торгами и промыслами, прямо обращались в тягло и становились посадскими людьми. Та же участь ожидала и служилых приборных людей, казаков, пушкарей и стрельцов, если они являлись крупными сравнительно торговцами (от 500 до 600 рублей оборота). Сохранить свой белый чин они могли под условием отказа от денежного и хлебного жалования. Мелким торговцам (меньше чем на 50 руб.) из военных предоставлялось платить сполна пошлины со своих торгов, от чего они, как белые люди, раньше были свободны, и отказаться от государева хлебного жалованья. Б. И. Морозов рассматривал городские торги и промыслы, как специально посадскую привилегию, связанную с посадскими обязанностями. Всякий, кто желал торговать, должен был нести посадское тягло, т. е. обслуживать государеву казну. Кто приторговывал хотя бы понемножку, все же лишался части своего вознаграждения за службу. Торги в посаде, одним словом,—те же деньги, как бы заявляло правительство.

И так как все служилые приборные люди торговали, и торговля была важным источником их существования в городах, то понятно, что эти реформы, осуществлявшиеся в 1647 и начале 1648 года неизбежно закладывали глубокое основание для недовольства среди Псковских служилых людей и посадской черни, особенно из вновь взятых в тягло, подготовляя здесь восстание и против гостей-финансистов и против Московского правительства.

Посадские люди Новгорода Великого весной 1648 года подали в Новгородскую Четь челобитную, которая по содержанию напоминает их прежние домогательства 1623 года и такие же челобитные Суздальцев и Владимирцев в 1646—7 году.

Ссылаясь на произведенные уже во Пскове меры и жалуясь на прогрессирующее падение своего города («а люди всѣ бѣдные и скудные»), на тяжесть посадских служб, Новгородцы посадские люди указывали, что в Новгороде и в Новгородском уезде «многіе казаки и стрѣльцы, и митрополичьи и монастырскіе и всякихъ чиновъ нетяглые люди торгуютъ всякими товары, сидятъ въ лавкахъ и отхожими торговыми многими промыслы промышляютъ и у нихъ торговые промыслы отняли, а нашихъ никакихъ податей и мирского тягла съ ними не платятъ и службъ не служатъ, живутъ въ пробылехъ».

«Избывая податей», посадские люди становятся в стрельцы, в казаки и в другие чины, живут у митрополита в приказных и в крестьянах,—«и отъ того де наша отчина Великій Новгородъ въ конечномъ запустѣньѣ». Луч-

[1] А. А. Э. т. IV № 24 стр. 37—38. Порядок статей, как и в других выдержках изменен.

шими посадскими тяглыми дворами «съ большими угодьи» завладели белые люди, никаких податей с дворов не платят, а тягло и службы с этих дворов ложатся «на достальныхъ посадскихъ людехъ».

В ответ на эти жалобы дьяки Новгородской Чети, т. е. Назарий Чистый, Алмаз Иванов и Микифор Демидов, «по государеву указу», распространили на Новгород то, что постепенно осуществлялось в Пскове и по другим городам. Грамотой из Новгородской Четверти от 25 марта 1648 года Новгородский воевода князь Федор Андреевич Хилков и его дьяк Савин Завесин уполномочены были осуществить в Новгороде те же реформы, какие были предписаны для Пскова.

Новгородская грамота 25 марта 1648 года ссылается на Псковские преобразования и в резолютивной части, повидимому, просто повторяет грамоту в Псков. Новостью ее содержания было только приказанье заставить также и митрополичьих приказных давать в Земскую Избу оброк, не требуя с них посадских служб, но и то, вероятно, потому, что в Пскове не было митрополичьей кафедры, и потому там не могло быть такого изобилия митрополичьих приказных, чтобы о них нужно было писать особо. Закладчики и незаписанные за владельцами в писцовых книгах крестьяне здесь также обращались в тягло и отдавались в посад. В посадские люди обращалось и расторговавшееся духовенство, попы и дьяконы, служилые приборные люди, как это было во Пскове. Торгующие и промышленные митрополичьи и монастырские крестьяне оставаясь крестьянами митрополита и своих монастырей, должны, однако, давать дань и служить службы с посадом, как это делалось в Суздале и во Владимире. [1]

Новгородские власти, повидимому, энергично взялись за дело, и в мае месяце 1648 года в Новгороде усиленно старались над частичной экспроприацией крупных и над подчинением тяглу и посадским службам мелких беломестцев. 18 мая этого года Большой Дворец (т. е. князь Алексей Михайлович Львов) предписывает Новгородскому воеводе: «Афония митрополита Новгородцкого Рождественской Олонецкой погостъ со крестьяны и со всѣми угодьи отписатi на... государя». Этот удар по карману Новгородского владыки был очень чувствителен: из его рук уходил один из торговых центров его вотчины, Олонецкий посад. [2]

На другой окраине Московского государства, в Перми Великой, действовал по Московским предписаниям воевода Чердыни и Соли Камской, Прокопий Елизарьев. Еще зимой 1648 года по грамоте из Новгородской Четверти начал он сыскивать и вывозить из-за монастырей и вотчинников беглых посадских людей и уездных черных крестьян и бобылей. Воевода свозил их обратно и сажал на старые дворы, пополняя посады Соли Камской и Чердыни, а также черные государевы волости. Но если пойманные беглецы оказывались сходцами из дальних городов,—с Устюга Великого, Соли Вычегодской, Кай-городка «i иныхъ городовъ», или же если они были и пермяки, но «дворы своi и земли и всякие угодья въ Чердыни и у Соли Камской на посадахъ i въ Чердынскомъ и въ Усольскомъ уѣздахъ своей братьи тяглымъ крестьяномъ продавъ, збежалi въ розные вотчины»,—то всевода заселял ими два новых городка, Кунгур и Степаново городище, и устраивал в деревнях и починках по рекам Ирени и Сыльве в рубежах того места, которое было на оброке за Вознесенском монастырем

[1] А. А. Э. IV, № 24.

[2] Приказные дела старых лет 1637—38, № 38 л. 68. Афоний митрополит Новгородский с 1635 по 7 янв. 1649 г., когда он отказался и ушел в Хутынь монастырь; умер 1652. Преемником его в Новгороде был Никон, будущий патриарх.

с Соли Камской, где до тех пор стояли «лѣса темные и заломные, и мѣста топкія, и грязи и болота большія». [1]

Воевода Прокофий Кузмич Елизаров действовал «по государеву указу і по грамотамъ за приписью діяковъ Алмаза Іванова да Микифора Демидова», т.е. дьяков Новгородской Четверти, товарищей Назарья Чистого. Но как это было во всех других местах, администрация собственно только прикрывала своим авторитетом и властью то, чего добивались сами посадские люди, разумеется «лучшие», т. е. более состоятельные из них. Настоящим руководителем операций по сыску и «строению» в Перми Великой был не воевода, а по его наказу «Соли Камской посадцкой выборной человѣкъ Иванъ Суровцовъ» и подьячий воеводской Съезжей Избы Антипа Вахтурин. Эта наполовину выборная посадская комиссия разъезжала по уездам, обыскивала вотчины, выводила беглых и селила их, где ей казалось нужным. Воевода же только санкционировал ее действия и покрывал своим именем составленные выборным посадским человеком книги. [2]

Работа по сыску и выводу, повидимому, была закончена к 16 апреля 1648 года,—по крайней мере все поселенные вновь тяглецы получали от воеводы льготы от этого числа впредь на три года. Кроме этой даты и характерных для Морозовских строений 1646—8 годов демагогических или демократических посадско-земских приемов, в Пермском сыске особенно выпукло выступают также фискальные цели посадского строения, которые, несомненно, были у Б. И. Морозова на первом плане. Воевода и его уполномоченные не только разыскивали беглых тяглецов, но также определяли, сколько за время отсутствия числится за ними недоимок по окладу каждого и затем взыскивали деньги с тех вотчинников, на земле которых проживал тяглец. В этом воскресали старые приемы сыска посадских тяглецов 1619 года, которые пытались затем в 1637 году применять в Москве князь Голицын с дьяком Агеевым, и от которых отказались затем в своих сысках князья Репнины.

До 16 апреля 1648 года воевода П. К. Елизаров со своими сотрудниками отобрали беглых крестьян, наложили штрафы на тех из них, кто был из Перми и оклады кого можно было определить в размере той суммы, которую мог бы уплатить тяглец за все годы своего пребывания под защитой частного вотчинника, в следующих количествах.

По итогу стройщиков выведено из вотчин и поселено на Кунгуре, на Степанове Городище и в Кунгурском уезде 385 семей, а людей в них 1222 человека. Разница с нашим подсчетом должна объясняться, вероятно, тем, что стройщики считали живых людей, так что их итог, вероятно, правильнее итога таблицы.(Часть «людей»,очевидно, надо перенести в «семьи»). Земли им дано под дворы и под огороды и под пашни 1047 четвертей в поле, а в дву потому ж, да сенных покосов от Кургура вверх по Иреню по обе стороны и между поль 30.777 копен. Государевы подати им после трех льготных лет платить 132 руб. 9 а. 2 д. на год. Очевидно, эти города первоначально были чисто сельскими поселениями.

Кроме того, как сказано, беглецы с Пермских посадов и уездов, которые не продавали своих дворов и угодий, так что их можно было посадить

---

[1] Подлинныя «Книги государевымъ вывознымъ Кунгурскимъ і Степанова городища крестьяномъ селебные 156 года» воеводы Прокофья Кузмича Елизарова, относящиеся к Морозовскому строению посадов до восстания 1648 года, хранятся в б. А. М. И. Д. Городовые книги по Соли Камской № 1 л. 1—481. Ср. Шишонько, Пермская летопись, III, стр. 114 и 110, Пермь 1884.

[2] А. М. И. Д. Городовые книги, по Соли Камской № 1 л. 3—об.

Вывезено и поселено на Кунгуре и на Степанове городище:

Прихожих государевых тяглецов из дальних городов: Вятчан, Кайгородцев, Соли Вычегодской, Устюга Великого и иных городов.[1]

Бѣглых посадских людей и уѣздных крестьян Чердынцев и Усольцев, которые сбѣжали в розные вотчины, продавъ дворы и земли и всякія угодья в Чердыни и у Соли Камской на посадах и в уездах тяглым крестьянам.[2]

	Семей	В них людей	А государевы подати во всякие доходы после (3) льготных лет платить по окладу на год	Беглых Семей кр-х и боб-х	Беглых В них людей	Чердынцев Г-вы подати платить после льготных лет на год	Беглых Семей кр-х и боб-х	Беглых В них людей	Усольцев Г-вы им подати платить после льготных лет на год
1. Из вотчины Спаса Пыскорского монастыря	135	742	40 р. 9 а. 2 д.	9	36	1 р. 21 а. 4 д.	3	6	2 р. 15а.
2. Из вотчины Вознесенского м-ря, что у Соли Камской	67	219	18 р. 18 а. 2 д.	5	13	1 р. 4 д.	4	13	2 р. 14а.
3. Из вотчины Федора Строганова	46	127	15 р. 18 а. 2 д.	5	18	4 р. 2 а.	2	3	22а.
4. Из вотчины Андрея Строганова	15	23	2 р. 30 а.	3	20	2 р. 25 а.	—	—	—
5. Из вотчины Данила Строганова	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Из вотчины гостиной сотни Томила Елисеева с племянниками, детьми Федора Елисеева, Андрея с братьями	60	205	17 р. 4 а. 2 д.	13	51	16 р. 11 а. 2 д.	ок. 3	—	—
7. Из вотчины посадского Соли Камской Ивана Суровцова	7	19	1 р. 20 а.	—		—	6	15	1 р. 18 а.
Итого	330	1335	96 р. 3 д.	35	138	25 р. 27 а. 2 д.	18	37+ ?	7 р. 2 а. 2 д. + ?

[1] Книги государевым вывозным Кунгурским і Степанова Городища крестьяном селебные 156 году. Лѣта 7156 году по г-ву ц-ву і в. к. Алексея Михайловича в. Р. указу і по грамотам за приписью діяков Алмаза Іванова да Мик ифора Демидова воівода Прокофей Кузмичь Елизаров велѣл Соли Камской посадцкому выборному человѣку Івану Суровцову да Съѣзжие Избы подьячему Антипе Вахутину государевых прихожих крестьян, Вятчень и Кайгородцевъ и Соли Вычегодской і Устюга Великого і иных городов із-за вотчинников і из-за монастырей вывесть за государя на Кунгур і на Степаново Городище на житье і поселить их на Кунгуре і на Степанове Городище в урочищах на той земле і межах, что была на оброке Соли Камской за Вознесенским монастырем, і порушные записи по них в житье і в государеве тягле взять, что им за государем жить и никуды не збежать и т. д. А. М. И. Д. Город. кн. по Соли Камской № 1 л. 1 -293.

[2] Книги Чердынцом и Усольцом вызозным беглым посадцким людем и уездным крестьяном, которые дворы свои и земли и всякие угодья в Чердыни и у Соли Камской на посадах і в Чердынском і в Усольском уездах своей братьи тяглым крестьяном продав, збежалі в розные вотчины. И тех беглых посадцких людей и уездных из-за ково вотчинников и кого именем на Кунгур и на Степаново Городище выведено и по г-ве ц-ве и в. к. А. М. в. Р. грамоте за пріписью діяка Алмаза Іванова и по подписным челобитным воіводы Прокофья Кузмина Елизарова Солі Камской посадцкой выборной человек Іван Суровцев да Съезжие Избы подьячей Антипа Вахутин поселили и т. д. Там же Городовая книга по Соли Камской № 1 л. 294 об. 338. Листы книги перепутаны; по итогу не достает 2 семейств.

на старые места, были водворены на них. Таких сыскалось также достаточное количество.

Вывезены и посажены на старые их дворы к Соли Камской на посад и в Усольский уезд в Обвенской, Ильвенской и Косвенской станы:

Из вотчин	Усольцы беглые посадские и уездные люди Обвенского, Ильвенского и Косвенского станов крестьяне и бобыли, которые бегая жили в вотчинах.[1]		
	Семей	Людей в них	А государевы подати за тех беглых Усольцев на прошлые годы довелось взять з вотчинников по окладу
1. Спаса Пыскорского монастыря . . .	36	106	306 р. 10а.
2. Вознесенск. м-ря, что у Соли Камской	14	137	591 р. 16а.2½ д.
3. Федора Строганова	19	16	173 р. 1а.4 д.
4. Андрея Строганова	12	39	138 р. 12а.3½ д.
5. Данила Строганова	2	2	4 р. 21а.
6. Гостиной сотни Томила Елесеева с племянниками	13	39	88 р. 15а.3 д.
7. Посадск. ч-ка Соли Камской Ивана Суровцева	17	42	145 р. 19а.3 д.
Итого . . .	143	416	1447 р. 3а.

Как бы мы ни объяснили происхождение разницы писцовых итогов с нашими подсчетами,—тем ли, что в тексте беловой книги при переписке были допущены ошибки и сокращения, что более всего вероятно, тогда как подлинные черновые книги остались в Соли Камской; или ошибками, вообще мало вероятными писцов,—нам важно отметить, что в Перми Великой по наказам из Москвы воевода и Иван Суровцев, посадский человек Соли Камской, местный богач и землевладелец, отняли у крупнейших вотчинников около 510 семейств их крестьян и бобылей в количестве приблизительно 1600—1800 душ мужского пола, да, кроме того, сорвали с них (и с Суровцова также) свыше полуторы тысячи рублей, на деньги 1882 года около 30.000 рублей.[2]

Только одному из местных воротил и одному из самых богатых гостей Московского государства, Григорью Никитникову, удалось как-то вывер-

[1] Там же, Городовая книга по Соли Камской № 1 л. 339—481.

Оффициальные итоги и по этим книгам разнятся от нашего подсчета, а именно—они дают «143 семьи, а людей в них і их братьи и дѣтей и племянников 714 человек». Разница возникла из-за учета братьи, детей и племянников. С вотчинников взять следует 1747 рублей 29 алтын по 6 деньги. По этим итогам, вероятно, и взыскивали деньги, если только успели их взыскать до июньских дней 1648 года.

[2] Сам П. К. Елизаров позже в челобитной утверждал, что он сыскал в 1646 году «прописныхъ крестьянскихъ шестьсотъ дворовъ и больши», да беглых Чердынских и Усольских посадских и крестьян 552 семьи, а людей в них и их детей и братьи и племянников и захребетников 1462 чел. Акты Московского государства II № 367.

нуться и сохранить рабочих. У него, около его соляных промыслов в Зырянском усолье, имелась слободка. В ней стройщики разыскали 19 семейств в 46 человек, подлежащих возвращению. Но по особой грамоте из Новгородской Четверти их оставили в слободке Григорья Никитникова, однако, велели им «данные и оброчные и стрелецкие деньги и на Сибирские и на всякие отпуски и на мирские расходы по окладу... у Соли Камской с Усольцы с мирскими людьми платить и поочередно службы служить». [1]

Трудно передать, какой погром производили эти сыски на соляных варницах, откуда силком вывозили всякого рода поваров, водоливов, дровосеков, подвозчиков, косцов сена для конской силы и т. п. Это стоило денег владельцам и грозило разорением их промышленных предприятий. Но еще большее недовольство должно было проявляться среди выведенных свыше полуторы тысячи рабочих рук. Оно направлялось и на местных лучших посадских людей, которые работали над «строением» посадов в Перми Великой, и на воеводу, и в конце концов на Б. И. Морозова и на его друзей, ведших этот сыск и строивших города Московского государства. Как писал сам воевода, вероятно, возвращенные им тяглецы, «слыша про Московскую смуту (2.VI.1648 г.), въ Чердыни и въ Усоли завели воры заводъ, хотѣли въ Чердыни и у Соли лучшихъ посадскихъ людей и меня разграбить и побить до смерти; и Божіею милостію и твоимъ государскимъ счастьем я тѣхъ воровъ и заводчиковъ сыскалъ и, сыскавъ, пыталъ, и заводъ ихъ воровской сыскомъ своимъ разрушилъ». [2]

Наконец, мероприятия по сыску беглецов велись и в Поморских волостях, где беглых принимали странноприимные монастыри, могучие привилегированные вотчинники и предприниматели края. Сыск государевых тяглецов по вотчинам Поморья начался уже с осени 1647 года, и производил его особый посыльщик Василий Золотарев, много донесений которого сохранилось в архивах и частью попало в изданные акты. Так как сыск Золотарева касался, главным образом, уездов, а не городов, мы не будем на нем долго останавливаться и ограничимся указанием на его деятельность в вотчинном городке Соловецкого монастыря, Сумском острожке, который был основан около 1582 года. [3]

Василий Золотарев с 4 сентября 1647 года разыскивал государевых черных тяглецов Заонежских погостов, проживавших во владениях и на промыслах Соловецкого монастыря, и выводил их за 15 лет со времени их выхода, руководясь тем сроком, какой к этому времени был установлен. Он отобрал у монастыря его работных людей, бобылей, служек монастырских, позабирал стрельцов Сумского острожка и т. п., вызывая естествен-

---

[1] Город. книга по Соли Камской № 1 л. 475—об. 481.

[2] Акты Московского государства II № 367. Сыски в Пермских городах и уездах продолжались и далее, обращаясь в систематическую охоту на беглецов, постоянно приливавших сюда из разных мест. По сводному итогу Новгородской Четверти за 156, 157 и 159 годы воеводы П. Елизаров, князь П. Прозоровский и князь С. Кондырев вывезли и посадили в тягло 647 семей. Их книги см. Городовая книга по Соли Камской № 1 лл. 484—782. Подробный итог селебных книг князя Кондырева напечатан у Шишонько, Пермская летопись III стр. 153. Пермь 1884. Сводный итог там же стр. 114 из Пермских Эпархиальных Ведомостей за 1861 г.

[3] См. о нем Города Московского государства т. I вып. 1, стр. 108; вып. 2, стр. 274—5. Огородникова, Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого чертежа.—Зап. Рус. Геогр. Общества по отд. этнографии т. VII, Спб. 1877.

ное недовольство монастырских властей и жалобы их на слишком ретивого сыщика. [1]

Единство всех отмеченных мероприятий по сыску тяглецов и «строению» посадов, постепенное распространение их по территории всего Московского государства в течение 1646—1648 годов, показывает, что в них мы имеем не случайные меры, предпринимавшиеся правительством по просьбам того или иного отдельного посада, а единый план, лишь осуществлявшийся в форме казуальных распоряжений в течение всего времени управления Б. И. Морозова. По сути план этот преследовал, разумеется, фискальные цели: увеличение количества тяглецов, экономическое устройство тяглых людей на посадах, что даст им возможность бездоимочно отправлять все повинности в пользу государства. По форме он удерживал манеру случайных распоряжений или потому, что правительство находилось под гипнозом приказной практики 1619—1638 годов или, гораздо вероятнее, потому, что оно сознательно прикрывалось этой разрозненностью и случайностью своих мероприятий, дабы не всколыхнуть сразу все те социальные силы, интересы которых могли серьезно пострадать, и которые могли оказаться достаточно могущественными, чтобы свалить самое правительство Б. И. Морозова. Б. И. Морозов имел красноречивый прецедент такого точно строения посадов при царе Борисе Годунове, когда строение городов впервые проводилось в широких размерах, и когда дело кончилось гибелью царя. Челобитные посадских старост, по которым действовало якобы правительство Б. И. Морозова, конечно, не должны обманывать нас, так как такие челобитные могли подсказываться и из Москвы, на что косвенно может указывать хотя бы челобитная Суздальцев с ее хвалебной аттестацией одного из членов Морозовского кружка, П. Т. Траханиотова. Оригинальной чертой Морозовского строения городов является выдача посадам жалованных грамот, под охрану которых ставится, таким образом, сделанное. Надо сказать, что в течение XVII столетия, несмотря на последовавшее строение посадов 1648—1652 годов согласно XIX главе Уложения, несмотря на Московский мятеж и гибель автора строельных книг, посадские люди Суздаля и Владимира цепко держались за то, что им успел дать П. Т. Траханиотов при Морозове, а последующие правительства признавали его строельные книги наравне с писцовыми и позднейшими строельными книгами. [2]

Нельзя не видеть, что несмотря на чисто фискальные устремления всей внутренней политики Б. И. Морозова, она имела также и определенную классовую окраску. Правильно понятые интересы страны и государства единственно плодотворной политикой времени делали политику выраста-

[1] Доп. к А. И. III № 33. Уже в разгар Московской смуты, Васька Золотарев писал в Новгородскую Четверть от 7 июля 155 (1648) года: «Да чаять того, что меня, холопа твоего, в Сумском острошке и не послушают, потому что, будучи я, холоп твой, в Сумском острошке для крестьянской своски, игумену з братьею грубил и ни в чём не потакнул, а твоих государевых беглых крестьян в Заонѣжские погосты ис Соловецких вотчин и из монастыря вывез и деньги на них за твоих государевых беглых крестьян взял. И толды оне, игумен з братьею, на великую силу меня, холопа твоего, послушали».—А. М. И. Д. Прик. дела старых лет 1637—38 л. 181—183.

[2] Так, выпись из Суздальских строельных книг П. Т. Траханиотова была сделана в 1671 г. для процесса посадских людей с попами церкви Введения Богородицы о 12 десятинах земли; из строельных книг по Владимиру выпись 1676—79 гг. для тяжбы с ямщиками из-за платежей в посад. Посадские люди Суздаля утверждали, что писцы 134 (1626) года писали все, что им указывал архиепископ Суздальский Иосиф; теперь же они владеют только тем, что им отвел П. Т. Траханиотов. А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1649—71 № 113.

ших носителей торгового капитала, средних классов Московского общества, класса помещиков и горожан-посадских людей. Первые не могли явиться непосредственно дойной коровой для Московской казны, а внешнюю свою политику Б. И. Морозов, надо думать, не успел развернуть во всю ширь. Поэтому Б. И. Морозов в их пользу сделал неособенно много и сделал, так сказать, мимоходом: он отдал или скорее обещал отдать крестьян в вечную крепость, разогнал боярскую администрацию и в то же время прижимал и их в жалованьи и, быть может, в поместных дачах. Посадским людям он отдавал земли вотчинников и помещиков, их же крестьян и бобылей, живших по городам, а также торги и промыслы, которые становились сословной привилегией посадского класса. Несомненно, что такая политика являлась единственно возможной и плотдотворной: можно сказать даже, что не Б. И. Морозов вел политику усиления средних классов Московского общества, а процесс этого усиления увлекал его с его сотрудниками на широкий путь, ведший в будущую Россию XVIII—XIX столетий, и его заслугой остается лишь распознание правильной дороги, на которой возможен был успех.

Несмотря на ряд неудач, Б. И. Морозову все же несомненно удалось значительно поправить государственные финансы и таким образом подготовить и успешную борьбу за Малороссию с Польшей, и отобрание у нее Смоленска, и вообще сделать возможной ту воинственную политику, которую вел «тишайший», но очень войнолюбивый царь Алексей Михайлович. [1]

Уже в 1647—1651 годах очень интересовавшиеся внутренними русскими делами шведские резиденты-соглядатаи в Москве сообщали своему правительству, что Московские финансы поправились и расцвели. Они отмечают «необыкновенное богатство царской казны и общее увеличение финансов в государстве; в царской казне, утверждает один из них,—скоплены такие богатства и сокровища, каких не было в ней с самого царствования Иоанна Грозного». [2] Это несомненный успех и заслуга Б. И. Морозова, достигнутые в чрезвычайно короткий срок.

Но в этот же короткий срок Б. И. Морозов успел возбудить против себя такие силы, скопить столько негодования, что он же несомненно подготовил и ту летнюю революцию 1648 года, которая погубила его правительство, его друзей и едва не стоила ему самому головы. Скаредные прижимки при выдаче нищенского содержания служилым людям, особенно низшим, которые к тому же в процессе строения лишались своих торгов и промыслов, или должны были платить за них посадские налоги, лишаться части своего содержания; новые тяжелые налоги, особенно невозможный налог на соль, который всей своей «уравнительной» тяжестью упал на недостаточные слои населения, на черных людей; отобрание или даже попытки отобрания тарханов у тех, кто их имел, наконец, раздражающеопасная своим радикализмом, не считавшаяся с правом собственности, политика посадского строения,—все это за три приблизительно года соединило против Б. И. Морозова и его правительства почти все классы населения. К воплям черных тяглецов, с которых палками драли недоимки и заставляли кушать Шориновскую соль, присоединялось негодование Московских рядцев-торгашей, у которых отняли их старые аршины и, вероятно, не всегда безупречные гири и заставляли покупать новые клейменые казенные меры. К ропоту безжалостно зажатых служилых прибор-

[1] Ср. Де-Ламартиньер: «Отец его имел склонность к миру, но у этого царя все помыслы направлены к войне»Путешествие в северные страны стр. 146,М. 1911 г.

[2] Форстен, Сношения Швеции с Россией в царствование Христины. стр. 371,—ЖМНП. 1891, VI.

ных людей, составлявших гарнизоны городов, присоединялось неудовольствие привыкших к вооруженному давлению на правительства дворян и детей боярских, поместной армии, которую также прижимали с жалованием и почти 15 лет водили за нос с реформами и крестьянским вопросом. В Москве негодовали на «плещеевщину», как называли Морозовский порядок управления по имени начальника Земского приказа Л. С. Плещеева, на вынужденное больше нежели когда-либо раньше кормиться от просителей «крапивное семя» приказных, возбуждавших своим благосостоянием завистливое осуждение на Земском Соборе 1642 года и в челобитной всей земли 1648 года. И к этому негодованию присоединялась пока молчаливая, но тем более опасная вражда оттесненной Б. И. Морозовым от власти и управления аристократии, которой он был ненавистен до конца и которую не переставал дразнить и раздражать своими далеко идущими проектами «разбояривания» городов, которые должны были напоминать опричную политику прошлых времен.

Все деятели Морозовского управления, сколько-нибудь выдающиеся и отмеченные выше, стали предметом этой ненависти и вражды. Но замечательно, что наряду с крайней степенью осуждения, даже с клеветой, с суеверным озлоблением, почти все эти лица возбуждали и симпатию, сочувствие, уважение и, быть может, удивление. О каждом из них, за исключением Плещеева, сохранилось доброе слово, являющееся доказательством того, что не личные качества деятелей Морозовского правительства, положительные или отрицательные, а их общественная деятельность, их политическая работа, одновременно и разрушительная и созидательная, пробуждала эти чувства и являлась настоящим предметом оценки заинтересованных слоев общества.

Современный наблюдатель сообщает, что первое лицо в правительстве, боярин Борис Иванович Морозов, по отзыву Жития Федора Ртищева,— «боляринъ честенъ и смотритель крайній», «муж крепкодушный», т. е. мужественный человек, «возбудил к себе зависть и ненависть старого дворянства, которое (он) постоянно унижал». [1]

Уже в 1647 году, по сообщению другого современника, Морозов был одинаково ненавистен и высшим и низшим классам населения страны. [2]

Эта ненависть успела очернить Б. И. Морозова в глазах неразбирающихся масс и даже в глазах русских историков, которые нередко повторяют, что будто бы Морозов с родственниками и друзьями запятнали себя личной нечестностью. Но политическая клевета не сумела создать ничего более серьезного, кроме опасных, но бессмысленных слухов об «измене» Морозова. Составляя свою великолепную петицию, поданную 2 июня 1648 года, дворяне и дети боярские утверждали, что Морозов виноват в поблажках тем самым сильным людям, которых он разогнал, что для исправления социальной несправедливости недостаточно уничтожить подкупы администрации, ибо самая система обложения построена так, что сильные живут за счет слабых, но ни одним словом не упрекнули Морозова в чем-либо его лично порочащем. [3]

Шурина Морозова, Петра Тихановича Траханиотова, которого Суздальцы посадские люди выхваляли за честность и неподкупность, также

[1] Берх, Царствование царя Алексея Михайловича ч. I, стр. 21, Спб. 1831; Путешествие в сев. страны Де-Ламартиньера стр. 169.

[2] Форстен, Сношения Швеции с Россией в царствованъе Христины стр. 372,—ЖМНП. 1891, VI.

[3] П. Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов стр. 50 и сл.

обвиняли в какой-то неформулированной «измене», от которой отказалось потом выдавшее его на смерть правительство. Но зато мы знаем, что П. Т. Траханиотова, и после его смерти «без вины», глубоко ненавидел один из самых мягкосердечных публицистов XVII столетия, келарь Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин, автор книги о чудесах св. Сергия. Стремясь всякую кару чтимого патрона привести к благополучию, Симон Азарьин изменяет своему благодушию, когда заходит речь о П. Т. Траханиотове и его деятельности. Этой деятельности и трагической судьбе Траханиотова духовный публицист посвящает особое сказание под красноречивым заголовком: «О обидящихъ святыя мѣста і о гнѣве Божіи».

— «Бысть нѣкіі вельможа, рассказывает автор,—обычай же его суровъ бяше, паче жъ и корысти желатель бяше, мало имый въ себѣ страха Божия», —таков П. Т. Траханиотов. Как же и в чем он был корыстен? Он «зѣло налюбие держа» на обитель св. Сергия, богатейший из монастырей России XVII века, имевший в 24 различных городах 450 крестьянских и бобыльских дворов, не считая 27 монастырских подворий, вотчинного городка Радонежа и посадов под самим монастырем. П. Т. Траханиотов «многи убытки монастырю сотворивъ, яко не бояся Бога»; он «въ высокоуміі своемъ» хотел «нѣкое новое строение учинити во обители Сергиеве, не по чину прежнихъ уставовъ, якоже устроиша многими лѣты прежние государи цари і великие князи по своему царскому разсмотренію и по завѣщанію самого святого чюдотворца Сергия»... Конечно, нельзя с уверенностью сказать, что именно разумел духовный публицист под «новым строением»,—отмену ли тарханов, которыми издревле, с Новгородской эпохи, владел Сергиев монастырь, или скорее отобрание у монастыря городских дворов и крестьян, или, наконец, и то и другое вместе. Но по всему, что мы знаем об общественной жизни первой половины XVII века и об ее деятелях, речь идет именно об этом «высокоумии», «нелюбии» к монастырю и не боявшейся Бога «корысти» Траханиотова, которые и сгубили его, по справедливому утверждению келаря Троице-Сергиева монастыря.

— «І въ таковыхъ его помышлѣниихъ нѣколико времена проидоша», продолжает Симон Азарьин. Но св. Сергий защищал свой дом и чудесным образом не допустил в свою обитель врага, когда тому пришлось спасать свою жизнь, убегая из Москвы, «яже содяся не въ давныхъ лѣтехъ». Таким образом, келарь Троице-Сергиева монастыря в широких замыслах одного из выдающихся деятелей Морозовского правительства усматривал одно только святотатство, а в печальном эпизоде его гибели —проявление божественной силы чтимого патрона.

У нас слишком мало данных, чтобы выяснить подлинную физиономию Леонтия Степановича Плещеева, начальника Московского Земского Двора или приказа. Возможно, что Плещеев заслужил ту дурную славу, которая заставит черные сотни и слободы Москвы выступить против него одного с жалобой царю 2 июня 1648 года. Не даром ходило по Москве и крылатое словечко «Плещеевщина». Его самого не рекомендует, как человека то, что выданный на растерзание толпе, он в минуту смерти, надо думать, оклеветал Морозова и Траханиотова, утверждая, что они извлекали выгоды из его полицейских неправд. Грубы и тяжки были вообще формы администрирования XVII столетия, а Плещееву пришлось действовать в Москве в период всеобщего сокращения штатов низшей администрации, убавок жалования ей, что не могло не произвести своего рода «крапивную лихо-

радку» в населении столицы. Но во всяком случае нельзя видеть в Плещееве виновника, причину июньских событий,—против этого свидетельствует широкое распространение волнений по другим городам, на которые власть Плещеева не распространялась. Летом 1648 г. 21 июня вспыхнуло восстание на Соли Вычегодской, где едва не убили воеводу Федора Приклонского; 4-го августа в Москве узнали о таком же «гиле» в Устюге Великом. Затем движение перебросилось на юг: в Козлов, где 11июня «многих людей били и дворы и лавки грабили», в Талецкий острог, Челнавский острог; в Сибирь, где в Томске«учинилась большая смута», потом в Новгород и Псков, который пришлось осаждать войсками [1]. Плещеев был только орудием, может быть и очень скверным, режима, вина которого в том, что он выдвинул Плещеева и поддерживал его, не замечая, к чему клонится деятельность этого «Московского полицмейстера» XVII столетия.

Наконец, убитый толпой в первый же день мятежа бывший гость, дьяк Назарий Чистый, «канцлер», управлявший Посольским Приказом и Новгородской Четвертью, вызывал к себе двойственное отношение. Его смерть и издевательства над трупом определенно свидетельствуют о тех чувствах, какие питали черные и служилые приборные люди Москвы к этому финансисту. После его убийства в изголовье у него нашли государственную печать, которую он, очевидно, держал всегда при себе. У другого гостя из правительства, Василья Шорина, изобревшего единый соляной налог, нашли денежные чеканы. На этом основании их обвиняли в каком-то злоумышлении против царя, который, в представлении народа, вероятно, должен был все это хранить у себя под собственной подушкой. Но были люди, и это были представители торгового капитала, гости, которые, видимо, находили финансовую политику Морозова и Чистого совершенно правильной и после его смерти называли дьяка Назарья Чистого своим «батькой». [2]

---

[1]) Соловьев, Ист. России II, 1520; 1526; Зерцалов, К истории мятежа 1648 года въ Москве и друг. городах.—Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос. 1896, I.

[1]) В июле 1648 года в Новгороде Великом живо обсуждались происходившие в Москве события. Стрелецкий сотник Иван Бестужев, выходя от обедни у Егорья, узнал от подьячего Ивана Армячникова, что в Москве громилы нашли во дворе у гостя Василья Шорина какие-то, вероятно, старые, чеканы, а у убитого Назарья Чистого посольскую печать и выразилъ свое мнение относительно этого приблизительно в таких словах (как он впоследствии показывал сам): «Видешь де у них дурная в умѣ,хотят де царя известь»; или: «Подыскивают де над государем, что печать пропала». (Намек, который возможно сопоставить с толками о восшествии Алексея и о других претендентах). Про Назарья Чистого сотник выразился еще определенней: «Изменник, де, блядин Назарий,—вор: печать де государеву украл, да у него де и сыскалі; достоен де он был и не такой казни». На это один из его собеседников, старец Сергей шапочник, будто бы возразил: «Покинь де Іван то вракать». Затем сотник Иван Бестужев вместе с Микифором Микляевым пришли к Новгородским гостям Семену и Ивану Стояновым и были у них в горнице. Сюда зашел и старец Сергий, который, очевидно прекрасно зная настроение своих хозяев, заметил: «Напрасно де вы, Семен да Іван, Івана Бестужева бережете: Іван де Бестужев называл Назарья Чистого изменником і вором». И Семен да Иван Стояновы «учали говорить з бранью‘‘;—,,Что де ты, Іван, Назарья называешь измѣнником? Назарей де был нам батько». Впоследствии правительство сочло нужным наказать стрелецкого сотника Ивана Бестужева за его верноподданический отзыв о Чистом вместе с донесшим на него старцем Сергеем. А. М. И. Д. Прик. дела старых лет 1647 № 81. В Посольском приказе действительно пропала печать, и 18 сентября 1647 г. указано было ее сыскивать боярину Ивану Вас. Морозову, околн. кн. Вас. Григ. Ромадановскому, дьякам Ивану Патрикееву и Григорью Углеву. Подьячих и сторожей Посольского приказа пытали и кинули в тюрьму, но «то воровство не сыскалось». Только 2 января 1648 г. подьячие и сторожа были освобождены и возвращены к прежним обязанностям. Та ли это печать, которую нашли у Чистого или нет, остается неизвестным.—Прик. дела старых лет 1648 № 11.

5. Июньское восстание в Москве 1648 г. и падение правительства Б. И. Морозова.

Долго ожидаемое и предсказываемое восстание в Москве вспыхнуло 2 июня 1648 года. Оно произошло потому, что летом 1648 года в Москве соединились против правительства три реальные силы. Это были: 1) черные сотни и слободы Москвы, 2) стрелецкий гарнизон ее и 3) поместная армия, дворяне и дети боярские. К ним, как увидим, вскоре пристала, плохо скрывая свое истинное лицо, боярская оппозиция против Морозова, которая не замедлила сделать попытку овладеть положением и направить развивавшиеся события по нужному для нее руслу.

Движение среди черных тяглецов Москвы началось еще зимой 1647—8 года. Под влиянием тяжести соляного налога, который был отменен в декабре 1647 года, как рассказывает Олеарий,—«простой народ начал выражать негодование на подобные тягостные для него постановления и невыносимые притеснения. Большими толпами начал он сходиться по утрам и вечерам около церквей и рассуждал, каким бы образом избавиться от такой беды. Многие видели и понимали ясно, что приближенные его царского величества не хотят выслушивать их жалоб, еще менее намерены помочь им в крайне стесненном положении, и потому единодушно решили предстать пред его царское величество, когда он выедет или отправится в процессии в городскую церковь, и собственноручно подать ему челобитную от имени всего народа. В этой челобитной положили они жаловаться царю на Леонтия Степановича Плещеева за его несправедливые поступки, за его ежедневное злоупотребление властью, и просить, чтобы он отставил его от должности, определив вместо него другого честного человека».

Разумеется, правительство Б. И. Морозова прекрасно было осведомлено об этих настроениях; оно не могло не знать и содержания предполагавшихся жалоб, и этим только можно объяснить упорное нежелание приближенных царя принимать от народа челобитные. Как рассказывает тот же источник, попытки подать челобитные царю делались несколько раз и до 2 июня; но челобитные каждый раз отбирались сопровождавшими царя боярами и оставались без ответа. Притеснения продолжались, и черный народ все более и более раздражался.—«Огромными многочисленными толпами, с громкими криками и воплем, начал он снова сходиться у церквей, решившись, в случае новых притеснений, устно высказать жалобу свою его царскому величеству».

Документальных данных на участие в этих сходбищах стрельцов мы не имеем. Но даже сохраняя и поддерживая спокойствие в столице, стрельцы не могли остаться в стороне от волнения, так как по своему социальному положению они мало чем отличались от тяглых мелких торгашей и ремесленников города Москвы. Они жили и на жалование и от своих промыслов и мелкой торговли, они также должны были обедать и ужинать с Морозовской солью, мы знаем, что у них удерживали жалование, и что начальником Стрелецкого приказа был сам Б. И. Морозов. Все это сказалось 2 июня 1648 года.

Дворянская конная армия вызвана была в Москву весной 1648 года по татарским вестям, и здесь, как бывало всегда, в ее среде начало закипать знакомое уже нам движение. Тревожные известия о татарах стали приходить в Москву еще в феврале, затем в марте и апреле 1648 года. На юг посылались воеводам грамоты о береженье и о сборе уездных людей в случае тревоги в города. [1]

[1] А. М. I. т. II №№ 310, 312, 314, 319, 321.

17 апреля с Дона пригнал гонец с известием о присоединении к крымцам отряда турецких янычар; ходили также слухи о готовящемся нападении калмыков, которые пограбили места по Дону. Как сообщает шведский резидент из Москвы, как только дьяк Назарий Чистый получил об этом извещение, он тотчас же выехал к царю, находившемуся «в своих загородных дворцах», и 22 апреля объявлена была служба «всей земле». «Государь указал и бояре приговорили: послать въ Володиміръ и въ иные городы, велѣть... первой половинѣ, которой довелось быть на службѣ съ весны, ѣхать наспѣх со всѣми запасы; а быть имъ на службѣ въ Яблоновѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Новомъ Царевѣ Алексѣевѣ городѣ; да и остальнымъ дѣтямъ боярскимъ велѣть быть къ Москвѣ». В южных Заоцких городах служилым людям указано было, «чтобъ первой половинѣ съ воеводы идти тотчасъ, а другой быть совсѣмъ наготовѣ». [1]

Это была общая мобилизация. Полки пополняли усиленной вербовкой; иноземные офицеры получили распоряжение быть готовыми к 10 мая.[2] К 20-м числам мая могли уже прибыть к Москве дальние города,[3] к 1 июня должны были прибыть в Москву вторые четверти стольников, стряпчих, дворян Московских и жильцов, сменявших первую четверть, жившую у государя с 25 марта.[4] К этому же приблизительно времени должны были собраться в столице все города, по крайней мере вторая половина, вызванная сюда указом. Москва переполнилась вооруженными людьми, ехавшими со своими людьми, с обозом, так как каждый кормился за свой счет и вез припасы на все время похода. Так как поместная армия, выходившая в южное поле, в это время насчитывала до 20.000 человек, то одних городовых дворян и детей боярских, не считая выведенных ими с земли вооруженных холопов и крестьян, в Москве должно было скопиться не менее десяти тысяч человек.

17 мая царь Алексей Михайлович выехал на богомолье к Троице и оставил управление на руках пяти лиц: боярина князя Петра Ивановича Пронского, боярина Михаила Петровича Пронского, окольничего князя Ивана Ивановича Ромодановского и двух думных дьяков: Назарья Чистого и Михаила Волошенинова.[5]

В Москве, повидимому, была усилена охрана, и у объезжих голов происходили настоящие стычки с детьми боярскими и их людьми. Отправляясь на службу, провинциальное дворянство обычно брало с собой вино домашнего курения, которое частью и сбывалось в столице, хотя это считалось запрещенным, и объезжие головы должны были бороться с таким нарушением питейной монополии. Кроме того, в Москве настала дороговизна вследствие ли бывшего в этом году недорода или благодаря переполнению города.[6]

---

[1] А. М. Г. II № 326, 328.
[2] Якубов, Россия и Швеция в перв. пол. XVII века, стр. 415, М. 1897.
[3] А. М. Г. II № 164.
[4] А. М. Г. II № 302.
[5] Зерцалов, О Московских мятежах, прил. VII—Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III.
[6] См. богомольные грамоты патриарха Иосифа: «В нынешнем во 156 (году) июня во 2 день, учинилась на Москвѣ и по городамъ межусобная брань и донынѣ по городамъ мятежъ и хлѣбный недородъ и скотинный падежъ». О дороговизне в Москве также С. Ф. Платонов, Московские волнения 1648 года в Собр. соч. 1, 72. О стычках объезжих голов с детьми боярскими: Зерцалов, О Московских мятежах стр. 225—8. О незаконной продаже питья.—С. Б. Веселовский, К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения царя Алексея Михайловича, стр. 30.—Рус. Ист. Журнал 1917 кн. 1—2.

Таким образом, почти даже независимо от тех или иных качеств Морозовского правительства, назревали события, приведшие к июньской революции в Москве. [1]

Как известно, события развернулись следующим образом. Когда 1 июня 1648 года царь Алексей Михайлович возвращался с богомолья в Москву, то «простой народ» хотел подать ему свои челобитные «на неправды и насилия». Так как челобитных не принимали и народ разгоняли кнутьями, то в бояр из толпы полетели камни. После этого человек 15—16 было арестовано и посажено в Кремлевскую башню. На другой день, 2 июня, на праздник Сретения иконы Владимирской Божьей Матери, в Москве совершали торжественный крестный ход с участием царя из Кремля в Сретенский монастырь. На обратном пути, повидимому на Красной площади, из толпившегося массами по улицам и на площади народа снова были сделаны обычные попытки подать в царские руки различные челобитные. Дворник Протаско Юдин, напр., находившийся здесь же, так описывает этот момент, когда и он пытался подать свою челобитную по частному делу: «А в тот же день (2 июня) государю былъ ходъ въ Стретенской монастырь. I въ то де время отъ челобитчиковъ почалъ шумъ быть. И онъ де тое челобитную поднесъ думному дьяку Михайлу Волошенинову. И Михайло на челобитчиковъ крикнулъ и челобитенъ не принилъ и сказал:«До тово ль де, что теперьво челобитные приймать». [2] После этого «шумъ и мятежъ сталъ». По рассказу Олеария, народ с силой протеснился к царю, «некоторые из толпы схватили за узду коня Его Царского Величества, молили его выслушать их, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости, и неотступно просили отрешить его и на место его назначить честного, совестливого человека, добавляя, что в противном случае, народ должен окончательно погибнуть».

Алексей Михайлович «ужаснулся от такого нежданного нападения и таких отчаянных жалоб всего народа, обратился к нему с дружелюбной речью, чтобы он успокоился, что он разведает все дело и удовлетворит их просьбы». Народ как будто бы успокоился; царь уехал в Кремль, куда, повидимому, ввалилась и толпа, несдержанная стрельцами. Здесь, около Кремля и в самом Кремле, произошла заключительная сцена этого исторического обращения народа к царю. Автор «Правдивого исторического рассказа о страшном бунте» (т. н. Лейденская брошюра) рассказывает, что «Бояре, окружавшие его царское величество, приняли эти прошения и не только разорвали их на клочки, но еще бросили эти клочки в лицо просителям, над которыми издевались, и которых холопы или рабы их жестоко избили, и весьма многих посадили в заключение». [3] Также приблизительно

[1] Причинами Московского мятежа Олеарий считал: 1. Вымогательства членов Морозовского правительства, особенно П. Т. Траханиотова и Л. С. Плещеева. 2. Финансовые мероприятия его, особенно же: а) введение казенного железного клейменого аршина, который продавался по 10 коп., что принесло будто бы казне несколько тысяч талеров, б) соляной налог.—Путешествие Адама Олеария в Москву в Чт. О. И. и Д. Р. 1868, IV стр. 268—9. Объяснения историков см.: С. М. Соловьев, История России кн. II стр. 1491 и 1515; В. О. Ключевского, Курс III, 167—170; Зерцалов, О Московских мятежах стр. 18—19; С. В. Бахрушин, Московский мятеж 1648 г. в Сборн. статей в честь М. К. Любавского, Пгр. 1917.

[2] Челобитные дворян и детей боярских всех городов в пер. пол. XVII в.—Чт. в О. И. и Д. Р. 1915, IV. Подробный анализ событий см. у С. В. Бахрушина, Московский мятеж 1648 г. в Сборн. статей в честь М. К. Любавского, Пгр. 1917 стр. 709—774.

[3] Бестужев-Рюмин, Московский бунт 23 июня 1648 года. Рассказ очевидца, стр. 69.—Истор. Вестник 1880, I. Ср. Зерцалов, О Москов. мятежах, стр. 14—15. (Чт. в О. И. Д. Р. 1890, III).

описывает этот момент и Олеарий: «Некоторые из бояр, преданных Плещееву и бывших тут же в поезде, начали бранить народ, били некоторых из его среды кнутьями по головам, а иных сшибли с ног на землю». [1]

Что дело происходило около Кремля и частью в самом Кремле, показывает замечание Поммеренинга, осведомленного очень хорошо о событиях, что «слуги Морозова били при этом некоторых стрельцов за то, что они впустили так много народу в Кремль». Этого было достаточно, чтобы обратить пока лойяльные попытки обращения к царю в открытый мятеж. Стрельцы заявили, что «сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но (готовы) вместе с ним избавить себя от их (бояр) насилий и неправд». После этого часть стрельцов, охранявших Кремль, «пошли, в присутствии его царск. в-ства, и стали опустошать и разорять дом Бориса Морозова, находящийся в Кремле; оттуда (пошли) к дому канцлера Назария (Чистого, П. С.), который, после многих издевательств, больной сброшен был вниз и убит»... «Таким образом продолжали разорять дома вышеозначенных лиц, пока огонь 3-го числа не распространился всюду». [2] Так совершенно правдоподобно описывает этот момент шведский резидент, бывший в Москве, и настолько внимательно наблюдавший за событиями, что ему удалось достать и переслать в Швецию текст поданной 2 июня челобитной дворянской армии, которая не сохранилась в русском оригинале.

Кроме дома боярина Б. И. Морозова, были разгромлены дома окольничего П. Т. Траханиотова, Л. С. Плещеева, дьяка Назарья Чистого, боярина князя Алексея Михайловича Львова-Ярославского, князя Никиты Ивановича Одоевского и других «бояр из этой партии», по несовсем точному определению Поммеренинга, так как движение скоро приняло стихийный характер, и громили не за партии (напр. Одоевский), а за самое боярство, гостиное имя и т. п. По кратенькой записи Нового летописца, «розграбили многіе боярскіе дворы, и окольничихъ, и дворянскіе и гостиные. [3]

Во время этого погрома боярских дворов, естественно, «учинились у всякихъ чинов людей з боярскими людми многие драки», как рассказывал приехавший в Новгород человек князя Семена Урусова, Гришка Лопатка, [4] и с 3 июня Москва начала гореть.

Довольно трудно точно учесть силы восстания в Москве и число сторонников правительства. В восстании принимали участие «всякихъ чинов люди», среди которыхъ можно указать Московский мир, т. е. главным образом тяглецов черныхъ и дворцовых сотен и слобод г. Москвы. Они подавали челобитье на Л. Плещеева, они его убили, и их прямо называет Новый Летописец, описывая события 3 июня: «Іюня же въ 3 день, въ субботу, было на Москвѣ велiе смятеніе, приходили посадскіе и всякіе черные люди скопомъ на дворецъ съ великимъ невѣжествомъ, и Государю били челомъ жестокимъ челобитьемъ на Левонтья Плещеева во многихъ его обидахъ и продажахъ напрасныхъ къ нимъ земскимъ людемъ и просили его убить

[1] Олеарий, пер. Барсова, стр. 270—271 в Чт. О. И. и Д. Р. 1868, IV.

[2] Якубов, Россия и Швеция стр. 418. Дата убийства Назарья Чистого по русским источникам 2 июня см. Зерцалов, О Московских мятежах, стр. 15—16,— Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III.

[3] Новый летописец стр. 193—194 (Врем. О. И. и Д. Р.); Якубов, наз. труд. стр. 418, 424; Зерцалов, О Московских мятежах стр. 231, VIII; Соловьев, Ист. России II, 1515. Ср. память с изложением просьбы князя А. М. Львова-Ярославского о выдаче ему из Посольского приказа «с чорных грамот» копий, потому что «В нынешнее де смутное время розграбили у него двор, животы и прежних государей... жалованые грамоты і вотчиные и люцкие крѣпости поималі все без остатку». А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1648 № 81.

[4] Прик. дела ст. лет 1848 № 60.

до смерти». Среди этого мира, выступавшего, повидимому, с редким единодушием, можно указать на ямщиков и извозчиков, которые, по словам Олеария, заметили пытавшегося скрыться из Кремля Б. И. Морозова и заставили его отказаться от этой попытки.

Но черные люди одни были бы бессильны: они стали опасными лишь только после присоединения к ним Московского гарнизона, стрелецких слобод. Присоединение к мятежу стрельцов отняло у правительства всю Москву и заставило его изолироваться в Кремле. Однако, стрельцы не все были на стороне «мира»: стремяной полк, или по крайней мере известная часть его, остался верен царю и не сошел со своего поста около Постельного крыльца в то «шумное время», когда начала с 3 июня пылать Москва, и в огне погибли не только дворы и имущество, но и жены некоторых из стремяных стрельцов. [1]

Приняли участие в восстании, несомненно, также и съехавшиеся в Москву «городы», т. е. поместная армия, которая одна только могла бы противостоять стрельцам. Соглашение с правительством 3 июня заключено было, по определению повести о Московских волнениях 1648 года, изданной С. Ф. Платоновым, «міромъ и всею землею»: мир—это черная Москва, «вся земля»—обычное обозначение поместной армии, всех городов. Таким образом, против правительства и социальных верхов поднялись средние классы. Правительство удерживалось в Кремле под охраной стремяных стрельцов и иностранных офицеров, которые были вызваны сюда 3 же июня. Вся остальная Москва несколько дней ему не принадлежала, и на ее территории царила не только разнузданная толпа, занятая погромами и грабежом, но начала оформляться какая-то импровизированная общественная организация, с которой правительство пытается на второй день мятежа наладить соглашение.

3 июня на Лобное место на Красной площади вышло торжественное посольство из Кремля: патриарх с образом, в сопровождении митрополита Саровского, архиепископа Суздальского и другого духовенства. С ними было несколько бояр во главе с дядей царя, боярином Никитой Ивановичем Романовым, «и съ ними много дворянъ». Н. И. Романов произнес речь, переданную Олеарием, смысл которой сводился к тому, «чтобъ міромъ утолилися». Толпа выразила согласие «успокоиться и смириться», если ей выдадут Б. И. Морозова, Л. И. Плещеева и П. Т. Траханиотова (Олеарий). Н. И. Романов ускакал в Кремль, и здесь решено было пожертвовать одним Плещеевым, вероятно, как менее заметным или наиболее виновным. 4 июня открылись ворота Кремля, и Плещеева вывели между двух палачей. Но толпа не дала довести его до Лобного места и прочитать приговор, вырвала и умертвила камнями и палками. [2] Про двух остальных Н. И. Романов сказал, что их в Кремле нет. Им дана была возможность скрыться отсюда, причем Б. И. Морозов, ушедший днем был узнан на улице извозчиками и ямщиками и вынужден был вернуться потайной калиткой обратно в Кремль, а П. Т. Траханиотов ночью с 3 на 4 выбрался из Москвы и направился по Ярославской дороге, имея при себе грамоту, по которой он назначался воеводой «на Устюг Железной» (Устюжна Железнопольская); главное зна-

[1] См. челобитье о пожаловании за это стояние стремяных стрельцов от 17 ноября 1648 г. в Чтениях О. И. и Д. Р. 1881, I стр. 1—4. Этих же стрельцов, «бывших при нем (царе) во время возмущения», упоминает и Олеарий.

[2] Л. С. Плещеев убит 4 июня, Латкин, Земские Соборы стр. 210; Зерцалов, О Москов. мятежах стр. 16 (Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III).

чение грамоты состояло, очевидно, в праве требовать себе по дороге лошадей и провианта. (Повесть С. Ф. Платонова).

Между тем Москва горела. Пожар начался в Белом городе на Петровке. Выгорело от Неглинной до Чертольских ворот (позже Пречистенские ворота) все «без остатку». Затем загорелось за городом за Никитскими воротами и погорели от Федоровского монастыря все слободы и церковь Николы Явленного на Арбате и стрелецкие слободы за Арбатскими и за Чертольскими воротами до земляного города. Сгорел также государев Остожный двор. [1]

В поджоге обвиняли слуг Морозова и Траханиотова, и ничего нет невероятного в том, что такие поджигатели существовали; хотя условия погрома боярских дворов с разграблением на месте боярских погребов были и сами по себе достаточны для развития пожара.

4 июня, как узнаем со слов Гришки Лопатки, всяких чинов люди (Повесть С. Ф. Платонова: «міромъ и всею землею») «с тех драк» «невежливымъ обычаемъ пришли къ государеву двору и на дворцѣ шумѣли»... Они требовали выдачи Морозова и Траханиотова, «за ихъ великую измѣну и за пожегъ». Тогда государь «изволилъ вытить на крыльцо съ образомъ, а за государемъ бояре, всякихъ чиновъ людей уговаривали, чтобъ имъ отъ шуму перестать».—«Билі челомъ государю и просили бутто убить боярина Бориса Ивановича Морозова, и государь на милость положил: боярина Бориса Ивановича убить не далъ и изволилъ его постричь и сослать в монастырь». Защищая Морозова и Траханиотова и обещая их сослать «гдѣ вамъ міряномъ годно, и впредь де имъ Борису Морозову и Петру Траханиотову до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказѣхъ не бывать», государь расплакался (Олеарий) и на этом целовал бывший у него образ.—«И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на ево государьскую волю» (Повесть С. Ф. Платонова). Однако, вслед за Траханиотовым была послана погоня во главе с князем Семеном Пожарским, которая догнала его недалеко от Троицкого монастыря и связанным привезла на другой день, 5 июня, обратно в Москву на Земский Двор. Несчастному в тот же день, 5 июня, «без вины» или за «измену и за московской пожег» отрубили голову на «пожарище», т. е. на Красной площади. [2]

Поданные во время хода в Сретенский монастырь 2 июня челобитные были снова разорваны: это была челобитная Московского мира с жалобами на Леонтия Плещеева и челобитная всей земли, поместного войска, собравшегося в Москве, о нуждах всей земли с требованием целого ряда серьезных преобразований и с недвусмысленной угрозой избранному в идее царю грозой божьей и людского гнева. От имени всего народа Московское дворянство, городовые служилые люди, гости и торговые люди Москвы требовали в этой второй челобитной искоренения неправедного суда, смещения неразумных судей и, наконец, требовали права «всяким людям самим и на свои средства назначать всех служащих и судей и для этого выбирать людей, которые могли бы ведать их по старине и по правде и оберегать от насилий сильных». [3]

---

[1] Новый летописец стр. 194. Указания на размеры пожара собраны у С. Ф. Платонова, Статьи по рус. истории стр. 72 прм. 1.

[2] Оффициальное признание факта, что окольничий П. Т. Траханиотов был убит «без вины» см. в резолюции царя 13 июля 1649 г. на челобитной его брата Ив. Тих. Траханиотова.—Акты Моск. государства II № 400. Дату 5 июня см. Зерцалов, О Моск. мятежах стр. 17.

[3] Павел Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века—Чтения в О. И. и Д. Р. 1915, IV.

Если первая челобитная, вероятно подписанная не только черными людьми, но и дворянами и детьми боярскими, как это делалось в это время позднее, была исполнена правительством выдачей и казнью Плещеева, о котором она главным образом, повидимому, говорила, то осуществить вторую челобитную с ее широкой политической программой было невозможно даже после того, как правительство, можно сказать, сдалось: оно не умело и не смогло бы сделать того, чего требовала вся земля и мир. Поэтому, после того как прекратились погромы и пожары, когда власть фактически находилась в руках восставших, в Москве не прекращались сходки и обсуждение предстоящих действий. К этому впрочем побуждала и противная сторона, повидимому оправившаяся от испуга.

После убийства П. Т. Траханиотова, т. е. 5 июня, царь, как передает Поммеренинг, «приказал тотчас выдать всем стрельцам то, что у них было удержано, а именно, каждому по 8 рублей». Считая в Москве до 20.000 стрельцов, это должно было составить 160.000 рублей, сумму очень значительную для того времени. [1] Начальником Срелецкого Приказа и Большой Казны был Б. И. Морозов, и ему естественно было приписать эту выдачу.

После этого, т. е. 6—9 июня, заявили свои требования на выдачу жалования и дети боярские, которым были относительно этого даны сначала какие-то обещания. Естественным главой их был боярин князь Яков Куденетович Черкасский, который должен был командовать южной армией. Однако, повидимому, Большая Казна, начальником которой продолжал считаться Б. И. Морозов, не хотела или не могла покрыть предстоящих платежей. Морозов, по сообщению шведского резидента, «отказался выдать детям боярским (которые в большом количестве прибыли из деревень требовать свое жалование) то, что им обещано было его царск. в-ством, выставляя в виде возражения, что стрельцы уже слишком много получили из казны его царск. в-ства». [2]

Отказ этот свидетельствует о мужестве, но не о благоразумии Б. И. Морозова, и это тем более, что правительства в это время, в сущности, не существовало. Никита Иванович Романов, потерпевший огромные убытки во время грабежей (говорили, что он потерял имущества стоимостью во много бочек золота) «заболел» и перестал появляться во дворце. Князь Яков Куденетович Черкасский, старый и повидимому популярный генерал, впоследствии являвшийся открытым врагом Б. И. Морозова, отказывался принимать челобитчиков и направлял их к Морозову, подчеркивая этим, что выдача денег зависит не от него.

Эта обстановка вызвала новые волнения, и повлекла импозантное выступление «всей земли» и «мира» с новыми требованиями 10 июня 1648 г.

В этот день, 10 июня 1648 года, где-то в Москве состоялось широкое совещание «всей земли» и Московского «мира». На этом совещании «дворяне Московские и жильцы и дворяне и дѣти боярские розныхъ городовъ и иноземцы и гости и гостиные и суконные і вскихъ розныхъ сотенъ и слободъ торговые люди» решили, что необходимо созвать всенародный Земский Собор,—«и быти бъ на Соборе патриарху і властемъ и бояромъ и думнымъ людемъ; и указалъ бы государь быти на Соборе изъ стольниковъ и из дворянъ Московскихъ и изъ жильцовъ и изъ городовых дворянъ и дѣтей боярскихъ выборнымъ лутчимъ людемъ. И они на Соборе учнутъ бить челомъ

[1] Считая по В. О. Ключевскому рубль пол. XVII ст. равным 17 руб. 1882 г., получим 2.720.000 руб. этого года. К л ю ч е в с к и й, Опыты и исследования стр. 198.
[2] Я к у б о в, Россия и Швеция стр. 419, М. 1897.

государю о всякихъ своихъ дѣлехъ». Была составлена об этом соответствующая челобитная, официальный пересказ которой сохранился и издан нами. [1]

Можно предполагать, что одновременно на этом вече XVII столетия были заявлены требования и об удалении Морозова, который стоял между голодным войском и царской казной. [2]

Об отказе теперь в Кремле не могли и думать, и оба требования были удовлетворены.

По донесению Поммеренинга, написанному от 6 июля того же года, лишь только царь «узнал, о чем боярские дети совещаются с простым народом, то он велел поэтому 11-го июня позвать стрельцов с их ружьями во дворец, и 12-го числа того же месяца рано утром, в первом часу, Морозов был отослан под сильным конвоем в Кирилловский монастырь на Белом озере». Конвоировали Морозова дети боярские, о чем некоторые из них заявляли потом в своих челобитных. Тогда же начальником Большой Казны, а также Стрелецкого и Иноземного Приказа был назначен боярин князь Яков Куденетьевич Черкасский, который, таким образом, делался главным начальником всех войск и распорядителем финансами страны, т. е. фактическим главой правительства. [3]

Как и можно предполагать, один из современников сообщает, что падение Морозова «было очень приятно дворянству».[4] Удовольствие было тем больше, что падение Морозова знаменовало собой полную смену правительства, что отвечало требованиям дворянской челобитной 2 июня 1648 г., во-первых, и означало, что требуемое жалование так или иначе будет князем Я. К. Черкасским уплачено.

В том же донесении королеве Христине от 6 июля Поммеренинг сообщает, что после ссылки Морозова «Большие господа, управлявшие во время Морозова, распределяются (теперь) там и сям в стране по воеводствам и другим должностям». [5]

По Записной книге Московского стола Разрядного приказа 1648—49 гг. можно видеть, до какой степени был разгромлен кружок Б. И. Морозова, а также какие элементы заняли его место во главе правительственных учреждений.

Как было сказано, должности, занимавшиеся Б. И. Морозовым, соединил в своих руках боярин князь Яков Куденетьевич Черкасский. В июле (вероятно, и в июне), августе и сентябре 1648 года родственник бояр Романовых и князей Черкасских, боярин Борис Петрович Шереметев, оказывается в Приказе «у денежной раздачи»: вместе с дьяком Миной Грязевым он составляет десятни денежной раздачи и наделяет, по государевым

---

[1] Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648—1649 гг.—Чтения в О. И. и Д. Р. 1913, IV.

[2] Новый Летописец говорит, что Морозов был сослан 12 июня «по ихъ же черныхъ людей челобитью».

[3] Новый Летописец стр. 194: «Послѣ Бориса Ивановича Государь указалъ Стрѣлецкой Приказъ вѣдать боярину Князю Якову Куденетовичу Черкаскому (Временник О. И. и Д. Р.). Как начальник Большой Казны князь Я. К. Черкасский упоминается в июле 1648 г.—Прик. дела ст. лет 1639—1648 № 87 (Морозов с Ив. Пав. Матюшкиным), 1637—38 № 38 (Черкасский с Матюшкиным и дьяком Оникеем Чистым). В сентябре 1648 г. Черкасский как начальник всех трех приказов.—Рус. Истор. Библиотека т. X, 401.

[4] Путешествие Де-Ламартиньера стр. 170, Москва 1911.

[5] Якубов, наз. труд стр. 420.

указам, жалованьем и землей дворян и детей боярских, выполняя важную и популярную функцию главного казначея, правой руки князя Я. К. Черкасского. [1]

В сентябре 1648 года в Казанском и Сибирском приказе вместо приверженца Морозова боярина князя Алексея Никитича Трубецкого мы находим боярина князя Алексея Мышецкого; во Владимирский Судный приказ вместо боярина князя Ивана Андреевича Голицына в августе месяце 1648 года назначается стольник Василий Борисович Шереметев; в Московском Судном приказе вместо боярина Михаила Михаиловича Салтыкова—стольник князь Иван Хилков; в Пушкарском приказе и в Новой Чети с 7 июня—боярин князь Мих. Петр. Пронский,—в Новой Четверти с ним вместе сидит окольничий князь Семен Романович Пожарский, удачно поймавший у Троицкого монастыря Траханиотова. [2]

Политическим розыском, напр., о Новгородских речах про Московские события, занят окольничий князь Федор Федорович Волконский с дьяком Федором Степановым. [3]

Словом, произошла смена почти всех высших чинов администрации, причем наверх выплыли ушедшие после кончины царя Михаила Шереметевы с Черкасскими, фамилии, рядом с которыми мы вскоре видим также зятя Федора Ивановича Шереметева, князя Никиту Ивановича Одоевского, боярина князя Семена Васильевича Прозоровского, приходившегося шурином Якову Куденетьевичу Черкасскому и др.[4] Таким образом, снова поднялись старые честные роды, титулованная аристократия, оттертая было от дел Морозовым и его ставленниками.

Новое великобоярское правительство меняет сурово-требовательную и вместе скупую на государственные средства политику, которую вел Б. И. Морозов и его правительство. В тот же знаменательный день 12 июня, когда в ссылку отправлен был Морозов, состоялся царский указ и боярский приговор, которым отменялся правеж недоимок с городов и уездов Новгородской Четверти за прошлые годы, и предписывалось недоимщиков «с правежу спустить и доимку выбирать исподволь». Тотчас же об этом были разосланы грамоты по городам. [5]

От устройства стрельцов в Каргополе отказались по особому докладу 4 августа 1648 г. [6]

По челобитью муромцев посадских людей в г. Муроме совсем были отставлены стрельцы. [7]

10-го июня 1648 года Арзамасский посад получает право беспошлинного въезда и рубки в окружавших его вотчинных лесах Б. И. Морозова, чего он долго домогался у боярина. [8]

---

[1] Прик. дела ст. лет 1648 № 61.

[2] Рус. Истор. Биб. X, 401—2; Барсуков, Род Шереметевых III стр. 381, Спб. 1883. Третий Шереметев, Василий Петрович, тогда же назначается воеводой в Казань.

[3] Прик. дела ст. лет 1648 № 60.

[4] О родстве Прозоровского с Черкасским см. Рус. биограф. словарь. Спб. 1910.

[5] Павел Смирнов, Несколько документов к ист. Соборного Уложения и Зем. Соб. 1648—1649 г. № X—Чт. в О. И. и Д. Р. 1913, IV.

[6] Приказные дела ст. лет 1637—8 № 38.

[7] «Во 156 г. по государеву указу і по челобитью муромцовъ посадцкихъ людей изъ Мурома стрельцы отставлены». К сожалению, более точной даты нет, но связь этой либеральной меры с летними уступками правительства вероятна, б. А. М. Ю. Столб. Разряда, Московский стол № 223 л. 499.

[8] Несколько документов к ист. Уложения и Зем. Соб. 1648—1649 гг. № XI.

Ту же уступчивость и внимание начинает проявлять новое правительство и по отношению ко «всей земле», т. е. к дворянам и детям боярским. Уже начиная с 5-го июня, т. е. после гибели П. Т. Траханиотова, от имени Б. И Морозова начинают раздаваться челобитчикам грамоты в Морозовские вотчины: Арзамасскую—села Рождественное, Богородицкое, Знаменское, Уварово, деревню Комары и Княж-Павлово, Нижегородскую—село Новое Покровское и Тверскую—села Мотошино и Городень. Грамоты, судя по их обилию и форме, выдаются без отказа. Составленные по стереотипу, они предписывают приказным людям Морозова от его имени выдавать из вотчин крестьян дворянам и детям боярским, если они приедут за ними в вотчину. Грамоты эти продолжали раздаваться и после ссылки Б. И. Морозова и также от его имени. Они идут непрерывным потоком, почти изо дня в день, с 5 июня до второй половины августа 1648 года, и по ним можно судить как о соотношении сил, так и о способе управления Черкасского—Шереметевых в течение трех месяцев, от начала Московского восстания до созыва полного Земского Собора в Москве с 1 сентября 1648 года. Но грамот в Морозовские вотчины было мало. «Вся земля» требовала жалования, требовала денег, которых, повидимому, после удовлетворения стрельцов в наличности было мало. Тогда пошли по пути героических мер за счет побежденных: дали высокие оклады, вероятно, пустив ребром все наличные средства казны, и отдали в раздачу имения погибших и опальных.—«После его отъезда (т. е. Морозова, П. С.) рассказывает Поммеренинг, боярские дети получили свои наследственные имения, которыми владели до этого эти казненные и другие большие господа; кроме того, его царск. в-ство дал им в виде вознаграждения—одним по 14, другим по 20 рублей». [1]

Так был разрешен частный, но по обстановке важный экономический вопрос. Требования петиции 10-го июня характера политического о созыве Земского Собора для решения по заявляемым различными чинами, т. е. классами Московского общества, челобитным «о своих делех» также получил благоприятное развитие. Земский Собор должен был утишить «качание мира». Обещание созвать его было дано, несомненно, в ответ на челобитье всей земли и Московского мира, заявленное 10-го июня: «обещано простому народу, отмечает Поммеренинг, что у него спросят совета, когда будут обсуждаться дела, касающиеся всей земли».

Новое правительство оказалось за Совет всея земли. Однако «новые господа», как называет их шведский резидент, не сразу решились исполнить обещание. Между ними происходят «разные споры», которые, в связи, вероятно, с производившимися выборами на Собор от московского населения и подавлением движения холопов, потребовавших 27 июня освобождения (3 июля 6 чел. казнено), затянули дело еще на месяц. И лишь 16-го июля 1648 года в обычном месте заседаний Земского Собора, в Столовой избе дворца, по государеву указу «былъ у него государя собор». О нем сообщает нам память Приказа князя Никиты Ивановича Одоевского в Новгородскую Четь от того же 16 июля 1648 года. Из нее мы убеждаемся, что заседавший 16 июля в Столовой избе Собор был довольно полным по составу. На нем присутствовали, с одной стороны: патриарх Иосиф, власти, бояре, окольничие и думные люди; с другой стороны, присутствовали («да

[1] Павел Смирнов, О начале Уложения и Земского Собора 1648—1649 года стр. 46—48—ЖМНП 1913, IX; Якубов наз. труд стр. 419—420, донесение от 6 июля. О ссылке Морозова и о разделе поместий П. Т. Траханиотова см. также . Зерцалов, О мятежах в г. Москве,—Ч. в О. И. и Д. Р. 1890, III стр. 17.

на соборе же были»): стольники, дворяне Московские, жильцы и по 2 человека от города, дворяне и дети боярские Замосковных городов первых половин, «которые ныне на Москвѣ, а нынешнего лѣта быти имъ на нашей службе на Украине», и, наконец, гости, гостиной и суконной «і всяких розных сотен и слобод лутчие люди». Кроме названных, на Соборе, впервые в Соборной практике, присутствовали еще иноземцы. Так как сходка 10-го июня, подавшая челобитье о Соборе состояла как раз из тех же курий, которые составили земскую часть Собора 16 июля, то, очевидно, обещание спросить совета было исполнено, и на предварительное совещание о Соборе действительно были приглашены челобитчики. От них же исходил и план дальнейших работ Собора.

На Соборе 16 июля, как расказывает память кн. Одоевского, «били челом государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русиі дворяне Московские, и жильцы, и дворяне и дети боярские из городов, и иноземцы, и гости, и всяких чинов торговые люди о всяких своих делех и о том, чтоб указал государь написать на всякие росправные дела судебник и Уложенную книгу, чтоб впредь по той Уложенной книге всякие дела дѣлать и вершить».

«Своим делом» для дворян и детей боярских на Соборе 16 июля, как и на предыдущих съездах их в Москве, была, вероятно, забота об отмене урочных лет для сыска бежавших от них крестьян и бобылей, т.е. формальное юридическое введение крестьянской крепости. Петиции на царское имя об этом дворянская армия подавала во время Московских съездов в 1637, 1641 и 1645 годах. В 156, т. е. 1648 году до 1 сентября, «дворяне Московскіе, и жильцы, и городовые дворяне и дети боярскіе, и всѣхъ городовъ служилые люди» снова били челом об отмене урочных лет. Решение по этому челобитью последовало только 2-го января 1649 года; дата обращения неизвестна, но скорее всего его следует приурочить к заседанию в Столовой избе 16 июля. [1]

Таким образом, даже перед лицом вооруженного войска боярское правительство царя Алексея не решилось на закрепощение крестьянских масс: откупаясь деньгами, согласившись на Земский Собор, оно передало ему на решение требование «всей земли», и только Собор 1648 года, а не царь Алексей и не Черкасский с Шереметевым являются виновниками этой

[1] См. наши Челобитные дворян и детей боярских всех городов в пер. пол. XVII в.; О челобитной 156 г. А. И. IV № 30. Государь издает указ об отмене урочных лет, «слушав челобитья дворянъ Московскихъ и жильцовъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ», советовав с патриархом, архиепископами, епископами и Освященным Собором, поговоря с бояры, окольничими, думными людьми, стольниками, стряпчими, Московскими дворянами и съ городовыми дворяны и съ дѣтми боярскими всѣхъ городовъ, которые намъ били челомъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, и мы указали и Собором уложили». Дело происходит на Земском Соборе, повидимому, 2 января 1649 г., но указ определенно говорит, что выборные служилых людей, которые были на этом обсуждении, подали челобитную еще в 156 году, т. е. до 1 сентября 1648 г., когда открылся Собор. Это становится понятным, если принять, что часть выборных от городовых дворян и детей боярских, выбиралась на Москве во время мятежа еще на вынужденный Собор 16 июля и потом была перечислена в качестве советных людей, т. е. депутатов, на Земский Собор, открывшийся оффициально с 1 сент. 1648 г.

Загоскин предполагал, что «представители служилых людей, съехавшись в Москву к Собору до 1-го сентября, следовательно, в 1648 году, и принимая крайне близко к сердцу важный для их интересов вопрос об отмене урочных лет, поторопились ударить об этом челом еще до открытия Соборной сессии».—Уложение ц. и в. к. Алексея Михайловича и Земский Собор 1648—1649 года»,стр. 50—51, Казань 1879. Латкин также принимал это предположение.—Земские Соборы древней Руси стр. 227, СПБ. 1885.

«экономически прогрессивной» меры, которой поместный класс добивался с весьма посредственной успешностью в течение полустолетия.

Частью потерпевшие во время июньского погрома, Московские гости не решились выступить со «своим делом» об изгнании с русского рынка иностранных торговцев и отложили этот вопрос до декабря месяца. Они сами подверглись на Соборе 16 июля нападкам со стороны Московского мира, во главе которого по данному вопросу стояла влиятельная, богатая и привилегированная корпорация государевых ткачей: Кадашевская Замосковная и Тверская Константиновская слободы. Сотские Московских черных сотен, старосты Кадашевской слободы и других слобод и посадские люди «розных городов» в это, по оценке гостей—«самое смутное время» били челом государю о том, чтобы им не служить служеб с гостями, и чтобы возвращены были в сотни и слободы те наиболее богатые их тяглецы, которые были взяты по указанию гостей в гостиную и суконную сотни. Кадашевцы, кроме того, просили, чтобы им переписали их старую жалованную грамоту, которая у них была, повидимому, от времен Грозного или Федора Ивановича, подтвержденная с исправлениями при Михаиле Федоровиче. Грамота эта была нарушена запиской богатейших семей слобод в гостиную сотню, так как государевы ткачи по ней были свободны от всяких иных повинностей и служб, кроме «государева наплечного дела», т.е.своего ткацкого дела.

Гости и гостиная сотня, как они объясняли впоследствии, выступать «противъ ихъ челобитья въ то смутное время за боязнью не смѣли», и по государеву указу и боярскому приговору решено было взятых было в 151, 152 и 155 годах в гостиную и суконную сотни тяглецов вернуть в сотни, слободы и по посадам. [1]

Для справок государь указал и бояре приговорили сначала «взяти у гостей и гостиной сотни у торговыхъ и городовыхъ людей сказки за руками о Московскихъ и о городовыхъ службахъ», а затем, 24 июля 1648 года, по докладу казначея Богдана Минича Дубровского, ведавшего Казенным Двором, государь и бояре, т. е. Боярская Дума, постановили оставить в гостиной и суконной службах взятых в них крестьян патриарха, властей и монастырей, но освободить городовых, т.е. посадских, людей. Указ об этом был разослан по соответствующим приказам в последних числах того же июля месяца. [2]

Что касается Кадашевской слободы, из которой в одном только 1644 году взято было в службу 60 семейств, [3] кроме того, брали и в 1646 и 47 годах под предлогом, что разбогатевшие ткачи не занимаются своим делом, а «ездят за море и в Персидскую землю, торгуют персидскими товарами», то их дело несколько затянулось из-за жалованной грамоты. В июле месяце указано было тяглецов вернуть в Кадашево и в Хамовники, а также переписать на государево имя жалованную грамоту. Но пока в августе—сентябре вырабатывался проект грамоты, Земский Собор уже приступил к выработке своего Соборного Уложения, уравнительные тенденции которого не мирились со старинными привилегиями Московской корпорации ткачей. Переработанная грамота с искалеченной и почти уничтоженной стариной «сиделых хамовников» была выдана им только 2 октября 1648 года. [4]

[1] Доп. к А. И. III № 47, I.
[2] А. Э. IV № 28.—В Костромскую Четь 28 июля 1648 г.
[3] Доп. к А. И. III № 47.
[4] См. нашу статью, Московские ткачи XVII в. и их привилегии, Таш. 1928 г. Труды Средне-Азиатского Гос. Ун-та за 1928, серия III вып. 1.

Вероятно, были и еще кое-какие челобитные «о своих делех», которые были предъявлены царю 16 июля, но которые пока не приведены в известность. Но главным и хорошо нам известным челобитьем было общее всей собравшейся в Столовой избе земщине требование, чтобы «указалъ государь написать на всякие розправные дела Судебникъ и Уложенную книгу, чтобы впредъ по той Уложенной книге всякие дела дѣлать и вершить»: об этом били челом на Соборе 16 июля «дворяне Московские, и жильцы, и дворяне и дети боярские изъ городовъ, и иноземцы, и гости, и всякихъ чиновъ торговые люди».

Тут же на Соборе назначена была редакционная комиссия из трех лиц: боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, боярина князя Семена Васильевича Прозоровского и окольничего князя Федора Федоровича Волконского с двумя дьяками: Гаврилой Леонтьевым и Федором Грибоедовым, которым государь со всеми думными людьми «указалъ то дѣло вѣдать— Уложенную книгу писать..., примѣряся прежнихъ государей къ Судебникомъ и Уложеньемъ и блаженные памяти отца его государева, великого государя царя і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі, указу и уложенью». Тут же было решено созвать для такого «государева и земского великого дѣла» настоящий полный Земский Собор, причем даже нормы представительства на нем были определены. Выборные советные люди должны были собраться в Москве «на Семень день», т. е. на 1 сентября того же 1648 года. [1]

К сожалению, пока у нас мало материала для характеристики членов назначенной к «великому делу» тройки. Ее первенствующий член, князь Н. И. Одоевский, как и Волконский—представитель удельной аристократии, некогда потерпевший от Б. И. Морозова и благодаря ему же разгромленный в июне,был выдвинут теперь, вероятно, как зять Ф. И. Шереметева. С. В. Прозоровский—шурин Я. К. Черкасского, а Волконский несомненно член кружка Шереметевых, Черкасских — Романовых, которому доверялся сыск по политическим делам. Решению Собора 16 июля придавали большое значение и с ним торопились. В тот же день 16 июля Одоевский с товарищами рассылает по приказам памяти. Излагая историю возникновения своего поручения так, как мы ее изложили, комиссия Одоевского давала инструкцию о выборах на Земский Собор «добрых и смышленых людей, которым бы такие государевы и земские всякие дела были за обычей, чтоб государево царственное и земское дѣло с тѣми со всѣми выборными людми утвердити и на мѣре поставить, чтоб тѣ всѣ великие дела по нынешнему государеву указу и соборному уложенью впр(едь) были ничѣм нерушимы».

Таким образом, в июне 1648 года в Москве произошел настоящий переворот, произведенный «всей землей», т. е. съехавшейся сюда поместной армией, включая и иноземцев, Московским «миром», начиная от гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен, государевых ремесленников, а также черных сотен и слобод, которые были активно поддержаны стрельцами. В атмосфере этой революции родилась идея созвать Земский Собор, который должен был устранить боярское средостение между царем и его «холопями и сиротами», как называли себя служилые и тяглые люди; на сходках мятежной Москвы решено было также писать новое Уложение с «ровным» для всех судом и расправой, о чем и было заявлено царю и боярам 16 июля после падения правительства Б. И. Морозова. Для молодого царя

[1] Павел Смирнов, Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648—1649 гг.—Чтения в О. И. и Д. Р. 1913, IV.

Алексея и его советников Земский Собор и новое Уложение являлись вынужденной уступкой, хотя они, как увидим, по разному относились к ней. С полным основанием в то время архимандрит Московского Новоспасского монастыря Никон, участник Собора 1648—9 года, а позже и патриарх, утверждал впоследствии: «и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ былъ не по воли,— боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Он же называл составленную на Соборе Уложенную книгу «по страсти написанную и многомятежного ради смущения».

Интересной и характерной для момента чертой было то обстоятельство, что комиссия князя Н. И. Одоевского, назначенная для проведения работ по созыву Земского Собора и составления Уложения, с самого начала работала не одна, а с участием выборных от мятежных «городов» и, вероятно, Московского мира. Память кн. Н. И. Одоевского с товарищи 16 июля сообщает, что на Соборе в Столовой избе 16 июля присутствовали дворяне и дети боярские Замосковных городов первых половин «по два человека от города». Это были уполномоченные мятежного войска, которые должны были, как оказывается, продолжать свою работу и на Земском Соборе, созываемом по их желанию и инициативе. Передавая указ о выборах на Собор, память сообщала: «а которые дворяне и дети боярские, Замосковные городы, для службы ныне на Москвѣ, и у тѣхъ дворян и детей боярских указал государь на выборных людей выборы за их руками взяти на Москвѣ». Таким образом, целый ряд Замосковных городов, если не все они, сразу получили в Москве депутатов на Земский Собор, который должен был открыться только с 1 сентября. Весьма вероятно, что депутатами оказались те же самые лица, которые присутствовали 16 июля в Столовой избе.

6. Земский Собор 1648—1649 гг. и борьба за власть боярских партий.

В другом месте нам приходилось отмечать, с каким жаром приняли в провинции (Новгороде Великом) известие о созыве Земского Собора, и какие усилия прилагали боровшиеся между собою партии Новгородского посада, богатых и бедных, чтобы послать на Собор представителя именно из своей среды. [1]

К сожалению, пока невозможно более широко осветить этот вопрос, как невозможно также выяснить, с какими чувствами и настроениями съезжались в Москву советные люди Собора к 1 сентября 1648 года. Провинция должна теперь через законно избранных представителей сказать свое веское слово по вопросам государственного строительства и освободить правительство от опеки Московского мира и военного люда, мимоходом устроившего революцию и потребовавшего радикального переустройства управления страной. Обычно представительство столицы на Земских Соборах подавляло депутатов от провинции. Теперь было наоборот: на 6 человек представителей дворянства от Москвы с уездом на Собор явилось 150 человек из других уездов; на 15 человек торговых и черных людей из Москвы собралось не менее 80 человек посадских депутатов от других

[1] О начале Уложения и Земского Собора 1648—1649 года—ЖМНП 1913, IX; Несколько документов к истории Соборого Уложения и Зем. Собора 1648—1649 гг.— Чт. в О. И. и Д. Р. 1913, IV.

городов. Вероятно, в этом сходились обе стороны: и правительство и мятежники в провинции искали поддержки друг против друга. [1]

Различно учитывался съезд депутатов на Собор и двумя боровшимися в Кремле боярскими партиями: партией сторонников Б. И. Морозова, за которыми, несомненно, стоял и царь Алексей Михайлович, и новым правительством великородных фамилий, во главе с Я. К. Черкасским, Н. И. Романовым, Шереметевыми и др. Обе желали опереться на Собор, обе искали сочувствия у собравшейся земщины, но в то время как партия Б. И. Морозова искала себе сторонников среди стрельцов и посадских людей, партия Я. К. Черкасского думала опереться на провинциальное дворянство, не брезгуя, впрочем, и стрельцами.

— «Морозов и его сторонники, так же как и их противники, хлопочут и вооружаются друг против друга всевозможными способами».

— «Здесь, слава Богу, все тихо и в добром спокойствии», записывает 19 сентября 1648 года Поммеренинг: «однако же многие бегут и переселяются из Москвы, после того как его царск. в-ство тайно роздал мушкеты бояром по их дворам, так как простой народ и дворяне (adelen) хотят устранить партию (anhangh) Морозова и избавиться от новых налогов и уставов, а также хотят возвращения своих собратьев, которые, вопреки обещанию его царск. в-ства, сосланы за то, что участвовали в бывшем мятеже, хотя им приписывается продажа табаку, водки и прочее». Рассказавши о ссылке на Рязань сторонников Морозова, тот же современник сообщает, что после этого на Москве было тихо, «и работали (сторонники Морозова) над тем, чтобы Морозов мог вернуться в Москву». [2]

Тревожные слухи о том, что Морозов вернулся, циркулировали по Москве еще в начале августа месяца, за месяц до оффициального открытия Земского Собора. Об этом сообщает Поммеренинг в донесении от 6 августа, как раз в тот день, когда царь Алексей писал в Кириллов монастырь наставление, несомненно подготовлявшее возможность беспрепятственного отъезда Морозова из места ссылки: «да отнюдь бы нихто не вѣдалъ хотя и выедетъ куды, а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть казненнымъ; а если убережете его, такъ какъ и мнѣ добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего отъ зачяла свѣта такой милости не видали». «Грамотку сию» царь приказал для верности показать Б. И. Морозову, «пріятелю моему». В Москве шли, повидимому, обоснованные слухи, что Морозов, вместо того чтобы сидеть в монастыре, объезжал города, побывал в Ярославле и готовился к вооруженной борьбе, собирая народ из своего имения Городни и сооружая укрепления. [3]

В то же время распускалась идиллическая версия, которая должна была перед лицом съезжавшейся провинции представить ссылку Морозова

---

[1] Латкин, Материалы для истории земских соборов XVII ст., Спб. 1884; С. Ф. Платонов, К истории Московских земских соборов стр. 54, Спб. 1905.

[2] Донесение от 6 авг.—Якубов, стр. 424, 426. На дворе позже скончавшегося боярина Никиты Ивановича Романова, кроме его боярского оружия, оказалось людского ружья: пара пистолей, 17 карабинов, 24 пистоли, штук 20 сабель и т. д. Барсов, Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова.—Чт. в О. И. и Д. Р. 1887 стр. 37, 42, 47.

[3] Соловьев, Ист. России кн. II стр. 1517. Эти укрепления «Morosoff gorodna» видел в 1674 году Пальмквист, который передает, очевидно, местное предание: «Укрепление было выстроено боярином Б. И. Морозовым в то время, когда он, во время бунта в Москве, должен был скрыться сюда, вследствие покушения на его жизнь». Укрепление стояло на правом берегу р. Волги в 30 верстах от г. Твери. Рубцов, Тверь в 1674 г. по Пальмквисту с прил. рисунков и планов, стр. 12, Тверь 1902.

в виде невинного паломничества последнего «помолитца к чудотворцу Кирилу», как писал накануне открытия Земского Собора царь Алексей Михайлович из Москвы на Белоозеро, отмечая угодность молитвы праведника Богу. [1]

Открытие Земского Собора 1 сентября было в сущности только формальным, так как в середине этого месяца царь собрался на две недели на богомолье, а без него могли вестись только подготовительные работы. После того как 15 сентября сказан был царский поход в Троице-Сергеевскую лавру, государь распорядился тогда же (память 16 сентября) выдать денежное жалование по 14 и по 8 рублей на человека тем «дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, которые пріѣхали... изъ городовъ по выбору всякихъ чиновъ а быти имъ на Москвѣ въ приказѣ... (Н. И. Одоевского с товарищи) для государевыхъ и земскихъ дѣлъ». Таким образом, депутаты сразу получили жалование. И хотя, вероятно, им выдавалось лишь то, что раньше получили их более смелые товарищи от Черкасского в Москве, однако, такая предупредительность не в духе Московской приказной практики, и ее можно объяснить только стремлением одной из сторон, в данном случае скорее стороны того же Я.К. Черкасского, расположить в свою пользу съезжавшихся депутатов от дворян и детей боярских. [2]

Царский поезд выехал из Москвы к Троице между 16 и 20 числами. Сюда же к Троице приехал и Б. И. Морозов, очевидно, для выработки программы дальнейших действий.

Б. И. Морозов у Троицы публично показывался народу в царском поезде, «милостиво и низкими поклонами на обе стороны, ехавши верхом, здоровался с народом». [3]

Одновременно с описанными шагами Морозовской партии, противная сторона прибегала к неменее энергичным нажимам для того, чтобы воздействовать на самолюбие и чувство страха молодого царя и заставить его отказаться от Морозова. Когда царь Алексей выехал в Троицкий монастырь на свидание с Морозовым, туда же 23 сентября поскакал князь Я. К. Черкасский. За несколько дней отсутствия царя в Москве произошло новое выступление «народных масс» в лице представителей «всей земли», т. е. дворянского войска. Описание этого выступления мы знаем пока, к сожалению, только по донесению Поммеренинга, но оно не вызывает никаких сомнений,—«...великий князь ездил к Морозову, рассказывает он в донесении 4 октября: но в течение тех нескольких дней, пока его царск. в-ство там был, они (т. е. партия, противная Морозову) просили через одного человека из дворян о том, чтобы их прошения принимал его царск. в-ство или князь Яков (который в эти дни притворился больным), а не приверженцы Морозова. Они хотят также, чтобы были возвращены их близкие или многие стрельцы и простолюдины, которые за учиненный ими мятеж сосланы под тем предлогом, что играли в карты или зернь или продавали табак и водку. Тестя же великого князя они хотят (удалить) прочь, потому что он ввел новые пошлины и другие установления из Голландии. Григория Гавриловича Пушкина (хотят они удалить) за то, что он обременял их дорогими локтями и весом, о чем раньше уже писано, и мушкетным делом,

[1] «Писалъ къ намъ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ: въ нынѣшнемъ де во 156 году, для смутного времени, ѣздилъ онъ помолитца къ Чюдотворцу Кирилу, и нашимъ государьскимъ счастьемъ смутное время утихаетъ».—Зерцалов, О мятежах в г. Москве и в селе Коломенском,—Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III стр. 18.

[2] Рус. Ист. Библ. X, 413—414.

[3] Олеарий, Путешествие в Москву стр. 279—Чт. в О. И. и Д. Р. 1868, IV.

которое теперь однако же заброшено... (Хотят они также удалить) князя Алексея Михайловича (и) Львова, Трубецкого и многих из приверженцев Морозова». [1]

Это, едва ли не инсценированное ad hoc, выступление Московских низов и дворянского войска, с которым князь Я. К. Черкасский поспешил к царю в Троицкий монастырь, здесь, повидимому, не смутило ни царя, ни Морозова, с которым князь Черкасский, очевидно, должен был встретиться. До какой истерики гнева дошли он сам и его сторонники во время Троицкого «богомолия», показывает нелепейшее обвинение против Морозова, которое было состряпано тут же, под кровом угодника, нерасположенного к Морозову и его друзьям, как мы это знаем уже от Симона Азарьина.

Князь Яков Куденетьевич Черкасский выехал из Москвы, как было сказано, 23 сентября. А 24 сентября, во время похода в Троицкий монастырь, в селе Воздвиженском, князь Иван Корел мурзин Юсупов, сын одного из владевших до 1620 года г. Романовым на Волге ногайских мурз, [2] делает заявление, будто его дворовый человек, Любимка Толмачов, готовит донос на него в государевом деле, и просил допросить его. На допросе Любимка стал рассказывать, будто бы около 5 июня («какъ кажненъ Петръ Трахaніотовъ») к князю Юсупову на двор приходили его же двое холопов, Васька Михайлов и Ивашко Сергеев, и говорили про государя «непригожия слова». Они слышали эти слова якобы от подьячего Сытного Двора Ивашки Протопопова, а этот последний якобы слыхал «такое непригожее слово отъ боярина Бориса Ивановича Морозова». Морозов же будто бы «про государя говорилъ такъ, что не прямой государь». Обвинение на известную тему о незаконности рождения и прав на престол царя Алексея, идущее якобы от Б. И. Морозова, было затеяно психологически тонко и очевидно било на больное место молодого и самолюбивого царя. Однако, оно было инсценировано очень грубо и успеха не имело. Определенным ответом на него со стороны царя было пожалование Морозову у Троицы 25 сентября утерянных при разгроме его двора документов на земельные владения [3].

Таким образом, царь Алексей демонстрировал свое отношение к происшедшим событиям и свое нежелание мириться с созданным мятежом положением и с новым великобоярским правительством, вышедшим из мятежа. Оставалось оформить возвращение Морозова к власти. Для этого нужно было не только нарушить царское слово и целование «Спасова образа», но также найти точки опоры против Московского мира и всей земли, по требованию которых Морозов ушел в ссылку. Первое можно было сделать, считая то и другое вынужденным актом, под условием эпитимьи или каких-нибудь разрешительных молитв патриарха, а то и просто царского духовника. Но-второе требовало во что бы то ни стало привлечения на свою сторону вооруженной силы Москвы, стрелецкого войска, из-за расположения которого теперь начинается открытая борьба между царем и поддерживавшим его патриархом, с одной стороны, и главою нового правительства, начальником Стрелецкого приказа князем Я. К. Черкасским, с другой.

---

[1]) Я к у б о в стр. 427.

[2]) См. о нем Города Московского государства т. I вып. 1 стр. 88, Киев 1917.

[3]) 25 сентября, в день чудотворца Сергия, Б. И. Морозову были выданы, «по его боярина Бориса Ивановича челобитью», 4 послушные грамоты и 43 купчих «съ прежнихъ дачъ», так как «въ прошломъ во 156 году его боярина Бориса Ивановича дворъ воровскіе люди розгромили, и тѣ грамоты и купчіе съ иными его крепостными въ то время пропали». —З е р ц а л о в, О Московских мятежах, прил. VIII стр. 231.

Обе стороны прекрасно понимали, что стрелецкий гарнизон г. Москвы являлся последним аргументом, и что его поддержка обеспечивала власть в столице. Стрельцов наперебой угощают и в Москве со двора князя Якова Куденетьевича Черкасского и у Троицы от царя; [1] их задаривают деньгами, обещая значительные выдачи за согласие подписаться под петицией об обратном возвращении Морозова в столицу. Царь обещал за это каждому стрельцу по 10 рублей, патриарх—по 4 р. [2]

Сначала стрельцы колебались: «чью сторону они будут держать, еще неизвестно», записывает Поммеренинг 4 октября: «въ виду того, что они осмеливаются так дерзко выступать против его царск. в-ства, указывая как на то, что его царск. в-ство, вопреки обещанию и крестному целованию, сослал их выдающихся людей, так и на прочее». [3]

Однако, деньги сделали свое дело, причем чашу весов в пользу царя и Морозова склонил царский стремяной полк, который первый, по его словам «безо всякие задержки», приложил руки к челобитной о возвращении Морозова, увлекши за собой кое-кого из других полков. Сверх того, стремяные стрельцы написали еще от себя особую челобитную о том же и подали ее царю, или не рассчитывая на остальных, или для усиления веса Морозовской партии. Царю оставалось только склониться перед «народной волей» и вернуться в Москву вместе с Морозовым. Это было, однако, небезопасно, так как князь Яков и после подписания стремеными челобитной продолжал угощать стрельцов; кроме того, оставался вопрос о позиции дворянского войска и Московского мира. [4] Все это заставило отложить возвращение Б. И. Морозова еще почти на месяц и подготовить для него почву в Москве.

7. Дворянская и посадская программы на Земском Соборе и борьба боярских партий.

Положение в Москве было действительно неустойчивым и опасным. В предвидении возможных осложнений «народ каждый день бежит и переселяется из Москвы, как из тюрьмы, после того как Морозов, как говорят, побывал у великого князя у Троицы, и его царск. в-ство прежде своего отъезда (из Москвы к Троице) роздал мушкеты по боярским дворам», говорит Поммеренинг от 4 октября.—«Некоторые знатные люди, продолжает он рассказ в донесении королеве Христине от 18 октября, положились на Бога и ваше кор. в-ство и дали свести свое лучшее имущество на двор вашего кор. в-ства. В окрестностях на дачах они оставили свои крепкие, каменные палаты и последовали в одну аркаду (?) под охрану состоящих при мне мушкетеров вашего кор. в-ства и 5 стрельцов великого князя, стоящих на карауле у двора вашего кор. в-ства со 2 июня; также сделали Шведы и Голландцы». Снова волновались холопы, не желавшие сражаться

---

[1] Якубов, наз. тр. стр. 427; Зерцалов, О Московских мятежах, стр. 192 прим. 2.

[2] Якубов, наз. труд стр. 429, 430.

[3] Якубов стр. 427—8.

[4] О подписании стремяными челобитной они рассказывают сами в челобитной.—Чт. в О. И. и Д. Р. 1881, I стр. 2. О том же Поммеренинг в донесении от 31 октября 1648 года: «Стремяные и некоторые другие стрельцы и лишь некоторые из народа согласились на то, чтобы Морозов опять вернулся ко двору. Великий князь обещал каждому стрельцу по 10 рублей, а патриарх каждому по 4 рубля. Романов болен; князь Яков опять угощает стрельцов».

за своих бояр и требовавшие воли. Единственной опорой для правительств в это время мог быть Земский Собор, но с ним нужно было еще на чем-то столковаться.

30 сентября возвращается от Троицы царь Алексей и, вероятно, под влиянием Морозова, усваивает политику сближения с Земским Собором. Он «2-го октября обещал, что желает сделать то, о чем просит простой народ». 3-го октября, как известно из предисловия к Уложению, царь с патриархом и Освященным Собором, боярами, окольничьими и думными людьми «того собрания слушал, и выборным людем, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов, чтено, чтобы то все Уложенье впредь было прочно и неподвижно». Таким образом, царь с Боярской Думой и Освященным Собором присоединился к выборным, составя полный Земский Собор, выборным была прочтена речь государя о желании найти общий с ним язык, об утверждении в будущем прочных начал государственного порядка, и, наконец, даны были обещания исполнить какие-то просьбы «простого народа». Началось затем слушание докладов по челобитным выборных Собора и выработка проекта Уложения. Для начала это удовлетворяло земщину, и поэтому в Москве установилось «перемирье до Рождества», как определил положение представитель шведской королевы 4 октября.

Но это было только перемирие, и необходимо было найти действительно какой-то общий язык с земщиной и создать в ее среде для правительства прочную опору осуществлением ее чаяний и исцелением ее застарелых язв. Это было, конечно, нелегко. Но от этого зависело не только, кто будет править около царя Алексея, но, возможно, и судьба самого Алексея. [1]

Под «простым народом», исполнить желания которого будто бы обещался царь по возвращении от Троицы, на Соборе 1648 года можно было разуметь только представителей поместного и городского классов, так как на Соборе «проще» их никого не было. Каждый из этих классов имел свои интересы и, как мы знаем, умел упорно их добиваться. Программа дворянского поместного класса, помимо вопроса о реформе судов и управления, который, как тогда могло казаться, разрешался составлением нового Уложения, содержала в себе еще вопросы о «бедности» и «разорении» помещиков. Бедность пустопоместных, малопоместных и беспоместных можно было устранить только массовой раздачей им населенных земель—источника поместного благосостояния, которую естественно было взять у наименее защищенной церкви. «Разоренность» возникала, главным образом, от недостатка рабочих рук и бегства крестьян к более богатым вотчинникам,—здесь помочь могло только полное закрепощение крестьян, чего дворянство давно и добивалось. Программа посадского класса, помимо изгнания из страны иноземных торговцев, в чем были заинтересованы всущности только верхушки,—гости, состояла в разрешении вопросов о наделении городов достаточным количеством земли, о принуждении всех, занимающихся по городам торговлей и промыслами, нести посадское тягло и войти в состав посадского класса, и, наконец, в признании исключительного права посадских людей на городские торги и промыслы, как источник их существования и отбывания соответствующих повинностей в пользу государства.

Все эти вопросы повторялись в различных челобитных из поколения в поколение, много раз ставились перед правительством и были известны всем. Мы не можем, однако, сказать, кто именно придал этим пунктам окон-

[1] Ср. Челобитную дворян и детей боярских 2 июня 1648 года.

чательную формулировку, которая составила содержание Соборных петиций 30 октября и 9 ноября 1648 года, о которых скажем ниже. Все, что с уверенностью можно утверждать относительно этого, это то, что депутаты Земского Собора как дворянской, так и посадской курий, составили блок с целью добиваться осуществления обеих программ. Поэтому с этими и вообще с важными заявлениями обе курии выступали на Соборе всегда объединенно и солидарно: дворянские челобитные сейчас же поддерживались челобитными посадского чина и наоборот. Это единачество, закрепленное июньскими днями в Москве, сохранялось и поддерживалось в течение всего 1648 года.

Что касается правящего боярского класса крупных землевладельцев, то его представители, боровшиеся между собою уже раньше, теперь также разделились. Одна половина, партия князя Я. К. Черкасского, считала необходимым осуществить требования армии. Другая,—это были сторонники Б. И. Морозова, склонялась к посадским реформам, которые и раньше осуществлялись правительством Морозова. При этом каждая, видимо, была против осуществления программы противной партии и выступала, таким образом, против дворянско-посадского блока.

Инициатива находилась несомненно в руках Морозовской партии или даже самого Б. И. Морозова, который, наконец, 26 октября возвратился в Москву, [1] и 29 октября вместе с тестем своим и царским, боярином Ильей Даниловичем Милославским, и окольничим Далматовым-Карповым присутствовал на официальном празднестве: крестильном обеде у царя по случаю рождения царевича Дмитрия. [2]

— «Борис—человек лукавый», сообщает о Б. И. Морозове некий лотарингец: он «не остался неблагодарным» за свое возвращение.—«С этого времени он начал помогать народу, насколько было для него возможно, сделался покровителем иностранцев и приобрел любовь обеих сторон», и умер при общем сожалении, «за исключением старого дворянства (т. е. боярства, *П. С.*), которому он мешал во всех начинаниях». [3]

Осуществить через Земский Собор свою старую программу устройства русских городов, продолжив в их пользу опричную политику Годунова, создать в них солидную базу для царской казны, пойти даже на изгнание с русского рынка привилегированных иностранных гостей, как того требовали русские гости, а вместе с тем страшно, по опричному, ударить своих великородных врагов, подрезать самые корни их богатства, отобравши у них города, богатые торговые и промышленные слободы,—вот программа Б. И. Морозова, около которой он сумел снова сплотить поредевшие ряды своих сторонников и для выполнения которой сумел выдвинуть таких исполнителей, как родственник его, князь Софроний-Юрий Алексеевич Чертенок-Долгоруков.

Ждать долго не приходилось. Уже через 4 дня после приезда Морозова в Москву и на другой день после официального появления его на Кремлевском обеде, 30 октября 1648 года, били челом государю выборные гости, гостиной и суконной сотен, Московских черных сотен и слобод и городовые и посадские люди, т. е. посадская курия Земского Собора, о

---

[1] Дата Поммерениига; Зерцалов по русским источникам ее не нашел.—О мятежах в г. Москве—Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III стр. 20. С. Ф. Платонов (до выхода перевода Поммерениига) полагал, что Морозов был вызван из своей Тверской вотчины 22 октября и приехал в Москву 29 октября—Нечто о земских сказках 1662 г.—ЖМНП. 1891, V; Сочинения I, стр. 130. Спб. 1912.

[2] Рус. Ист. Биб. X, 420.

[3] Путешествие Де-Ламартиньера, стр. 170, М. 1911.

городском «строении». В тот же день с аналогичным челобитьем выступили и стольники, стряпчие, дворяне Московские и дворяне и дети боярские из городов, поддерживая, с небольшими отступлениями, посадскую черную курию. [1]

В первой челобитной посадские советные люди, указывая на политическую цель предлагаемой реформы, а именно «чтоб... государьскимъ милосердымъ воззрѣніемъ во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и межусобія отъ... розни ни въ чемъ не было», полагают необходимым:

1. Чтоб государь «быти не велѣлъ» никаким торговым и промышленным людям на Москве и около Москвы в слободах и во всех городах на посадах и около посадов по слободам за патриархом, властями и монастырями, а также за боярами, ближними, дворовыми (?) думными и всяких чинов служилыми людьми.

2. Всем таким торговым и промышленным людям по слободам указал бы государь «быть за собою, великим государем, въ тяглѣ и въ службахъ» [2] вместе с челобитчиками «равно, чтоб де никто въ избыли не былъ», и ничьим именем, кроме государева, не назывался.

3. Выгоны, «животинные выпуски», и «въ лѣсы для дровъ выѣзды», захваченные сильными людьми, устроить около Москвы и в городах около посадов «по прежнему», как они существовали при прежних государях.

В качестве исторического обоснования челобитчики выдвигают то положение, что при царе Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче «на Москвѣ и около Москвы, по городамъ на посадѣхъ и около посадовъ, патріаршихъ, и митрополичьихъ, и владычнихъ, и монастырскихъ, и боярскихъ, и княженецкихъ, и думныхъ дворянъ, и стольниковъ и дьяковъ, и ближнихъ людей слободъ со крестьяны и съ закладчики съ торговыми людми не бывало» Направляя,такимъ образомъ,аргументацию и удар против церкви, бояр, придворных чинов и приказных, и задевая отчасти своих союзников по Земскому Собору из дворянской курии стольнича чина, торговые люди утверждали, что теперь у всех этих чинов заведены на Москве, около Москвы и по городам на посадах дворы и слободы, «а въ тѣхъ де дворѣхъ и въ слободахъ живутъ многіе торговые крестьяне и всякими промыслы и торгами большими промышляютъ, и многими лавками и онбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ промыслѣхъ ихъ такіе заступные торговые люди затѣснили и изобидѣли многими обидами».—«Съ промысловъ де они съ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и служебъ с ними не служатъ, живутъ всегда во льготѣ, и на Москвѣ де и въ городѣхъ отъ нихъ, заступныхъ людей, въ торгѣхъ и въ промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится смятеніе и междусобіе и ссоры большіе».

Если исстари на Москве и существовали «которыя слободки» за патриархом, то назначение их было совершенно иное:—«и въ тѣхъ де слободкахъ жили патріарши бобыли и патріарша двора сторожа, повары, конюхи и мастеровые люди патріарша жъ двора». Теперь же в тех же самых слободах живут «многіе торговые промышленные люди и кабацкіе откупщики». В Нижнем Новгороде в одной Благовещенской слободе за патриархом

[1] Дата в А. А. Э. IV № 32 указана перед челобитьем дворян и детей боярских, но из выписки и из самого отсутствия ее во втором случае вытекает, что она относится к обоим челобитным, причем челобитную посадских людей, конечно, нужно считать в данном случае основной. В наказе Колычеву обе челобитные рассматриваются, как одна.—А. Э. IV № 36. Ср. также описание этих событий в челобитной гостей и гостиной сотни от 4 января 1649 г.—Доп. к А. И. III № 47 стр. 154.

[2] В изд. тексте А. Э. IV № 32, очевидно, некоторые слова испорчены, напр. «въ слободахъ» вместо «службах» и др.

живет, сверх писцовых книг, больше 600 человек «торговыхъ и промышленныхъ людей», «которые въ тое слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости».

Исстари, до Московского разорения и после него, около Москвы за Земляным городом были «животинные выпуски» по всем дорогам «версты по три и четыре и по пять»; в городах около посадов также были «животинные выпуски большіе и въ лѣсы выѣзды по дрова». Ныне же этих выпусков не стало,—«потому—изсаняли бояре и ближніе люди и Московскіе дворяне и дьяки подъ загородные дворы и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски роспахали въ пашню, и въ лѣсы де выѣзду по дрова не стало».

Поэтому челобитчики просят, чтобы государь их, гостей и торговых посадских людей всего Московского государства, пожаловал: отобрал бы торговых и промышленных людей у всяких владельцев, обративши их в посадское тягло и службы «съ нами вмѣстѣ ровно, чтобы де никто въ избыли не былъ, и чтобъ де государьскимъ милосердымъ воззрѣніемъ во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и межусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было, и опричь бы Великого государя тѣ торговые и промышленные люди ничьимъ имянемъ не назывались; и животинные выпуски около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ и въ лѣсы для дровъ выѣзды указалъ бы Великій государь устроить попрежнему». [1]

В тот же самый день, 30 октября, для придания веса петиции тяглого «мира», выступила с аналогичным челобитьем и вся «земля»: стольники, стряпчие, дворяне Московские и дворяне и дети боярские из городов в своей челобитной, сжато повторявшей челобитную посадских людей, также подчеркивали преимущества доброго старого, до-Романовского, времени «при прежних государех» и междуусобия и мятежи настоящего.—«При прежних государех», утверждали челобитчики, при Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче, «во всемъ Московскомъ государствѣ на Москвѣ и по городамъ на посадѣхъ закладчиковъ и около посадовъ слободъ и пашенъ и въ кабацкихъ откупщикахъ патріаршихъ и митрополичьихъ и владычныхъ и монастырскихъ и боярскихъ и окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ и иныхъ чиновъ ничьихъ крестьянъ не бывало, и мятежу такова и междеусобія не бывало жъ».

Теперь же на животинных выпусках около Москвы и посадов возникли «патріаршіе и монастырскіе и боярскіе и иныхъ чиновъ слободы и пашни на государевѣ искони вѣчной на выгонной землѣ». Люди и крестьяне вотчинников покупали себе и в заклад поимали тяглые дворы, лавки и погребы каменные и торгуют всякими товары.—«Своею мощью и заступой» откупают они на Москве и по городам таможни и кабаки и всякие откупа,—«и от того де они, служилые и тяглые люди, обѣдняли и одолжали неоплатными долги, а промысловъ своихъ многіе отбыли».

Эта челобитная стольников, стряпчих, дворян Московских и городовых дворян и детей боярских воспроизводит не только общий смысл, но и отдельные выражения челобитной посадских людей. В ее подаче мы видим сговор, «одиначество» двух выборных курий Земского Собора, которые выступали сплоченно против правительства и хотели поддерживать одна другую за счет третьих: церкви и боярства. Но в этой челобитной имеются и характерные отступления: она обходит молчанием указания первого памятника на стольников, дворян Московских и «всяких служи-

[1]) А. Э. IV № 32 стр. 45—6.

лых чинов людей», на которых указывали в своей челобитной посадские люди как на одну из разновидностей хищников, от которых терпели города, и с тем большей силой обрушивается на остальных.

Поддержка посадских людей состояла в том, что служилые люди не только подали аналогичную петицию в тот же день, но и закончили ее теми же выводами, усваивая посадские интересы себе, как свои собственные.—«И Великий государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ учинить противъ прежнего, какъ бывало во всемъ Московскомъ государствѣ на Москвѣ и по городомъ при прежнихъ государехъ, чтобъ вездѣ было все его государево (в изд. «государство»); а патриаршимъ и монастырскимъ и боярскимъ и иныхъ всякихъ чиновъ слободамъ, и пашнямъ, и лавкамъ, погребам и закладчикомъ ни за кѣмъ не быть». [1]

Двойное выступление, вероятно с согласия Б. И. Морозова, а возможно и подсказанное им, представителей городского посадского населения и уездного поместного землевладения на Земском Соборе, всущности только обобщали уже знакомые нам такие же челобитья Суздальцев, Владимирцев и др. 1646—7 годов. Это выступление городов и «земли», которые одинаково грозно «качались», должно было казаться правительству Черкасского—Шереметевых демонстрацией, полной не забытого еще содержания Морозовского режима и июньских дней. Смелость, даже дерзость предлагаемых конфискаций в пользу городов, которые требовали у государства вступления на путь опричных приемов распоряжения чужой собственностью, должны были не на шутку встревожить правящие круги и именно те, которые в данный момент стояли у власти.

Московское боярство в средине XVII столетия делилось на две группы. Одна, возглавляемая боярами Романовыми и князьями Черкасскими, состояла из небольшого числа старинных боярских фамилий. Она была тесно связана с городами, где расположены были многочисленные боярские дворы и еще более численные слободки торговых и промышленных крестьян и бобылей. Другая группа, не имевшая на посадах почти никаких интересов, состояла из нового боярства, делавшего свою карьеру после Смуты, и частью из обломков пережившего опричину и Смуту княжья. Типичным и наиболее богатым ее представителем бесспорно был Борис Иванович Морозов. В то время как вся светская аристократия имела в городах 4,2% принадлежавших ей дворов, боярин Никита Иванович Романов считал в городах 22,9% своих крестьянских и бобыльских дворов, притом наиболее доходных и потому ценных, в том числе 2 слободы под Москвой (Бутырки и Измайлово) и 2 города (Скопин и Романово Городище) и ок. 1602 дворов крестьян и бобылей в посадских слободах. У кн. Я. К. Черкасского было около 100 дворов в городах, не считая подмосковных Останкина и Марьиной Рощи. Между тем у Б. И. Морозова в его колоссальных владениях, насчитывавших в 1646 г. 6034 двора, в различных городах имелось всего полдесятка боярских дворов, т. е. около 0,08% его владений, которыми не стоило дорожить. Эти цифры вполне определяют перед нами позицию Московской знати осенью 1648 года, перед лицом Земского Собора. Надо добавить, что больше всего предполагаемые реформы задевали церковь. Последняя всего имела в городах не менее 14—15 тысяч дворов и келий, не считая Москвы, но они распределялись между многими духовными владельцами. Среди этих дворов разнообразного назначения патриарх и епископские кафедры владели 1750 дворами крестьян и бобылей, монастыри,

[1] А. Э. IV № 32; ср. № 36.

притом наиболее крупные, имели приблизительно 4000 дворов. Патриарху принадлежал город Осташков 4 слободы в Москве и т. д., всего около 14% патриаршей вотчины было расположено в городах. Четыре митрополита, пять архиепископов и один епископ на 10.857 дворов—850-900 дворов, т. е. ок. 8% своих владений, имели на посадах и около них. Наконец, около трети русских монастырей, которые имели в среднем ок. 5,9% своих дворов в городах, в общем считали их по переписным книгам 1646 года, как сказано, около 4000 дворов. Это были, очевидно, очень лакомые куски, притом плохо защищенные от покушений, и сюда в первую очередь вожделела городская реформа, которой потребовали у власти советные люди Земского Собора 30 октября 1648 г. [1]

Челобитные 30 октября, непосредственно угрожавшие кн. Я. К. Черкасскому, Н. И. Романову, патриарху и др., не могли не взволновать этих лиц и связанных с ними кругов, тем более, что за этими требованиями, как легко было догадаться уже по недавней деятельности П. Т. Траханиотова, стоял Б. И. Морозов, которому принадлежала если не инициатива, то поддержка проекта новых конфискаций по городам. На следующий день после подачи челобитных, 31 октября, как отметил Поммеренинг, «князь Яков (т. е. Черкасский) в присутствии великого князя 31 октября весьма резко поспорил с Морозовым и другими и самовольно (беспорядочно) без позволения его царск. в-ства ушел из-за стола и из дворца». Нет никакого сомнения, что резкая стычка произошла из-за петиций Земского Собора и отношения к ним. Выходка Я. К. Черкасского имела политические последствия, для данной минуты немаловажные. Он был арестован в своем дворе, и в тот же день отставлен от заведывания Стрелецким приказом и от остальных должностей. 1 ноября становится известным, что на пост Черкасского, начальником Стрелецкого приказа, на чальником приказа Большой Казны и т. д., т. е. главой правительства, назначается общий тесть Морозова и царя, боярин Илья Данилович Милославский, неродовитый сын боярский по происхождению, человек не без способностей, носивший свой боярский титул только как необходимое для царского тестя украшение. [2]

[1] Цифры относительной связанности хозяйства различных общественных групп и боярских фамилий с городами в пол. XVII ст. см. Города Московского государства т. I, вып. 2, Киев 1919.

[2] Как было отмечено, кн. Я. К. Черкасский являлся начальником Стрелецкого, Иноземного приказов, начальником Большой Казны, ведал политические процессы и т. д. Об его отставке и аресте Новый летописец: «Того жъ мѣсяца Октября въ 31 день, по Государеву указу, боярину князю Якову Куденетовичу Черкаскому Стрѣлецкого Приказу вѣдать не велѣно и съ двора въ городъ съѣзжать не велѣно жъ... Стрѣлецкой приказъ Государь указалъ вѣдать боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому». (Врем. О. И. и Д. Р. т. XVII ст. 195). То же в донесении Поммеренинга от 14 ноября. 17 декабря его заменяет у государева слова и дела Илья Данилович Мислославский, который становится ширмой самого Морозова.—З е р ц а л о в, О Моск. мятежах, прил. IV. По списку Олеария, который относится к 1648—52 гг., Илья Данилович Милославский управляет Иноземным, Рейтарским, Большой Казной, Казенным и Аптекарским приказами, а кн. Ю. А. Долгоруков—Сыскных дел и Пушкарским. Все свои должности И. Д. Милославский, вероятно, унаследовал от Черкасского 1 ноября, как последний явился в них преемником Б. И. Морозова в июне 1648 г.—Путешествие Адама Олеария в Москву стр. 288—294 (Чт. в О. И. и Д. Р. 1868, IV). По отзыву современника лотарингца, И. Д. Милославский исполнял «обязанности генералиссимуса» и затем «он был казначеем и кроме того занимал пять или шесть высших должностей, которые он правил с большой ловкостью и уменьем. Конечно все это делалось не без большого грабежа казны, чего император, больше боявшийся, чем любивший его, как бы не замечал»...—Путешествие в северные страны Де-Ламартиньера стр. 170, М. 1911. Князь Я. К. Черкасский исчезает из Дворцовых разрядов этого времени.

После своего столкновения с Морозовым, отставки и даже временного домашнего ареста, князь Я. К. Черкасский отказывался ездить во дворец, хотя его несколько раз приглашали туда, о чем сообщает Поммеренинг. Он не пожелал также уехать из Москвы воеводой в Астрахань, в почетную ссылку, куда его хотел сплавить Морозов, и требовал, чтобы ему сказали, в чем он виноват.

Уход Я. К. Черкасского от власти и его опала означали не только простую смену одного правителя другим, но также смену программ, с которыми выступали Морозов и Черкасский. При этом, если для Морозова сравнительно нетрудно оказалось отделаться от кн. Я. К. Черкасского и заменить его своей креатурой—Милославским, то отделаться от его программы, за которой стояли не только родословные люди из числа сторонников Черкасских—Шереметевых, но также и широкие слои поместного дворянства, было не только трудно, но и не безопасно. Программа эта по содержанию представляла запоздалый отголосок программы удельной титулованной и нетитулованной русской знати XVI ст., которая считала выходом из относительного малоземелья, созданного развитием поместного землевладения, секуляризацию церковных имуществ. В XVI ст. эта программа была развита в церковной публицистике т. н. «нестяжателями», которые требовали отказа церкви от вотчин, от владения крестьянами и землей. Представленные целым рядом блестящих писателей (Вассиан Косой, Максим Грек, кн. Курбский и др.) нестяжатели в конце концов были побеждены своими противниками иосифлянами, подверглись политическим гонениям, а земли взяты были не у церкви, а у боярства в опричную пору царем Иоанном IV. Церковный собор 1503 года, затем Стоглавый собор отвергли покушение светской власти на церковное достояние и даже поставили под церковную клятву тех, кто покусится на церковные имущества. Однако, все же церкви пришлось пойти на ограничение роста своих имуществ. На Стоглавом соборе запрещено было увеличивать старые слободки в городах, кроме того каждое новое приобретение должно было производиться с разрешения и утверждения государственной власти. Собор 1572 года запретил большим монастырям приобретать имущества по дарственным; собор 1580 года воспретил церковным учреждениям преобретение земельных имуществ по купчим, закладным и духовным грамотам. Наконец, собор 1584 года обобщил все эти запрещения одной общей формулой. [1]

Однако, все эти ограничения не могли удержать стихийного роста церковных имуществ, и в 1622 году 22 августа царь Михаил Федорович «советовав с отцем своим великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем Московским и всеа Русиі, и говоря з бояры», указал, чтобы купленные монастырями или пожертвованные в них после 1580 года вотчины, если о них до 1613 года не было челобитья прежних владельцев, оставались за монастырями навсегда, «потому что те вотчины застарели в монастырех многими леты». Таким образом, Филарет Никитич санкционировал нарушение закона 1580 и 84 годов. Мало того, тем же законом косвенно разрешен был и дальнейший рост монастырских вотчин, так как впредь с 1613 года был допущен выкуп из монастырей вотчин, данных им по душе, если только земли давались монастырю не по имянному указу государя и не по челобитью (о разрешении на пожертвование) их владельцев. Если же у жертвователей не оставалось родни, то решено было давать мона-

[1] А. Э. I № 308; Собр. г. г. и д. I № 202.

стырю деньгами, а вотчины брать на государя «по новому государеву указу и по уложенью». [1]

Князь Я. К. Черкасский и его великородное правительство приняли в качестве программы реформ, которые должны были утишить качание «всей земли», мысль отобрать у церкви и особенно у монастырей все те имущества, которые были приобретены ею после 1580 года, хотя эти приобретения и были санкционированы в 1622 г., и хотя такие конфискации должны были повлечь за собою ликвидацию многих монастырей. Что это была программа именно князя Черкасского, которую он выдвигал против Морозовского проекта конфискаций посадских слобод, видно из того, что назначенный вместо Черкасского И. Д. Милославский, как записал Поммеренинг, «следует однако же его (Черкасского) мнению и совету, вопреки патриарху, что иностранные офицеры должны оставаться и их следует жаловать, а здоровые молодые монахи и монахини должны работать, крестьяне же должны быть разделены между солдатами и детьми боярскими, которые ожидаются сюда с первым санным путем». Таким образом, пришлось, устранив Черкасского, удержать на некоторое время его рецепт оздоровления общественной жизни и умиротворения поместного класса путем принесения ему в жертву имуществ русской церкви, хотя и под предлогом нарушения ею законов «прежних государей» прошлого столетия. Характерно также замечание об ожидаемых в Москву из провинции детях боярских, которых и необходимо удовлетворить указанной реформой. Санный путь устанавливается приблизительно к Рождеству, и тогда в Москве происходил съезд помещиков по своим делам. От этого съезда, разумеется, можно было ожидать неприятностей. И поэтому его стремились предотвратить: «воспрещено всеводам и детям боярским приезжать в Москву (за жалованием) как было в обычае» (т. е. раньше), записывает Поммеренинг в донесении 7 декабря,—«а будут они получать свои деньги или жалование дома и, следовательно, сберегать свои путевые издержки». Широкая общественная заинтересованность в проекте кн. Черкасского дворян и детей боярских выявляется из того, что уже 9 ноября, через какую-нибудь неделю после опалы Черкасского, его программа воскресает в челобитных снова двух выборных курий Земского Собора.

9 ноября 1648 года от стольников, стряпчих, дворян Московских, дворян и детей боярских из городов, а также от гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен, черных сотен и слобод, посадских и всех выборных людей, «ото всея земли», на верх к государю поступило новое челобитье. В нем выборные предлагали отобрать у патриарха, властей, монастырей, протопопов и попов все их вотчинные земли, приобретенные с 1580 года, после запрещения законом приобретать земли церковным учреждениям «ради оскудения воинскому чину». Земли эти, по мнению челобитчиков, следовало «взять изъ монастырей, раздать по разбору служивымъ людемъ, безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянам и дѣтямъ боярскимъ».

В поддержке этого дворянского челобитья со стороны посадского представительства видим опять-таки «одиначество» и компенсацию за такую же поддержку челобитной 30 октября со стороны служилых людей. Это выступление вполне также объясняет, почему И. Д. Милославский не решился отказаться от «мысли и совета» кн. Черкасского даже после его падения. Приходилсь считаться не с павшим, хотя бы и популярным гене-

[1] Акты Федотова-Чеховского т. I № 94, стр. 278.

ВАГЕ -лида

ралом, а с программой поместной армии, которую он только возглавлял, и вожделения которой были душой его «мысли и совета». Поэтому и Морозовскому правительству пришлось удовлетворить хотя бы с виду требование Земского Собора: по челобитью чинов всего государства государь указал Поместному приказу составить список землям, которые были приобретены церковью с 1580 по 1648 год, и «тое выписку взнести къ себѣ государю вскорѣ». 15 ноября Поместный приказ закупал для такого списка бумагу. [1]

И тем не менее закон о секуляризации, хотя бы частичной, не нашел себе места в Уложении, и отписка церковных земель не была осуществлена, потому что это было совсем невыгодно и для патриарха, и для государевой казны. Церковные имущества при царе Алексее Михайловиче (а вероятно и в период соправительства Михаила Федоровича и «великого государя» Филарета Никитича) служили экстренным и притом важным источником государственного дохода. Довольно хорошо осведомленный источник Де-Ламартиньера сообщает о царе: «Хотя он покровительствует вере, насколько это ему возможно, однако,всякий раз противится, когда умирающие оставляют церквам слишком большие вклады. Иногда, во время войны, он берет деньги из церковной казны, под видом займа, но никогда их не возвращает. Без этого государственные доходы были бы незначительны, так как церковь владеет двумя третями всего имущества страны». [2]

При таких условиях секуляризация, когда нечего было и думать об удержании церковных земель за государством, да об этом и не думали ни князь Черкасский, ни Земский Собор, была равносильна отказу от возможности в трудную минуту делать беспроцентные и безвозвратные заимствования из церковных сундуков. Пожертвовать церковными землями в пользу малопоместного и беспоместного дворянства не значило ли зарезать курицу, несущую золотые яйца? На такой шаг не мог решиться Морозов. Поэтому программа князя Черкасского и челобитья земских представителей не встретили сочувствия «на верху», и Черкасский должен был уйти-

Дворянское нетерпение было смягчено выдачей «без Московские волокиты» жалования на 10.410 человек в размере 124.529 рублей, о чем в ноябре—декабре того же 1648 года били челом дворяне и дети боярские. [3]

А затем, сейчас же после Рождества, 2 января 1649 года, по челобитью дворян Московских, жильцов и городовых дворян и детей боярских, по докладу князя Н. И. Одоевского с товарищами, т. е. от Земского Собора, утвержден был закон об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, которого дворянство добивалось около полустолетия, который должен был вознаградить его за церковные земли, и который был предрешен правительством Б. И. Морозова еще 19 октября 1645 года. [4]

В ноябре—декабре месяцах, после перехода власти в руки Морозова—Милославского, начинается с одной стороны постепенное устранение из учреждений сторонников князя Черкасского, которые попали на важные места вместе с ним после июньского мятежа, а с другой—энергично продвигается посадская реформа, намеченная 30 октября. Царь Алексей Михайлович теперь усиленно уезжает из Москвы, и в его отсутствие управляет

---

[1] А. Э. IV № 33; Зерцалов, наз. соч. стр. 18.

[2] Путешествие в северные страны Де-Ламартиньера стр. 145, М. 1911.

[3] Рус. Ист. Библ. X, 428—432; Акты Моск. государства II №№ 369, 370; Зерцалов, наз. соч. стр. 8—9.

[4] А. И. IV № 30.

Москвой или князь Алексей Никитич Трубецкой или же чаще боярин Иван Васильевич Морозов. [1]

17 ноября Илья Данилович Милославский был по его челобитью, поверстан в боярском чине окладом в 500 рублей, чего не было сделано при его назначении. [2]

А затем, в день отмены урочных лет для беглых крестьян, были посланы в Сибирь на воеводства судья Владимирского Судного Приказа, стольник Василий Борисович Шереметев, который в июне сменил здесь боярина Ив. Вас. Морозова, а теперь отправился в Тобольск с Тим. Дмитр. Лодыгиным; преемник Плещеева в Земском приказе Мих. Петр. Волынский попал в Томск. [3]

В то же время, через две недели после падения Черкасского, и через четыре дня после челобитной о конфискации церковных имуществ, 13 ноября 1648 года, редакционная комиссия в лице боярина князя Никиты Ивановича Одоевского, боярина князя Семена Васильевича Прозоровского, окольничего князя Федора Федоровича Волконского и дьяков Гаврила Леонтьева и Федора Грибоедова, докладывала царю Алексею Михайловичу в Боярской Думе особую выписку о слободах, вероятно заготовленную по челобитью 30 октября, как это обычно делалось. Слушав челобитья стольников, стряпчих, дворян Московских и городовых дворян и детей боярских, гостей и гостиной и суконной и иных сотен торговых и городовых посадских людей, царь «указалъ и бояре приговорили»: «Которыя слободы патриарши и митрополичи и владычни и монастырскіе и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ людей заведены на Москвѣ и въ городѣхъ на посадѣхъ на тяглыхъ и не на тяглыхъ мѣстѣхъ и на загородныхъ дворѣхъ и на огородѣхъ, и на животинныхъ выпускахъ, и на церковныхъ земляхъ, и на властелинскихъ и на монастырскихъ подворьяхъ со 121 году, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками и анбары и соляными варницами владѣютъ, а его государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и тѣ всѣ слободы, со всѣми людми, которые въ тѣхъ слободахъ и на иныхъ на тяглыхъ и не на тяглыхъ на дворовыхъ мѣстѣхъ живутъ и торговыми вскими промыслы промышляютъ, всѣхъ взять за себя Великого Государя. И быти тѣмъ всѣмъ людемъ за нимъ, Великимъ Государемъ, въ тяглѣ и всякіе его, Великого Государя, подати платить, издѣлья дѣлать и службы служить съ торговыми и съ посадскими людми вмѣстѣ, безо всякого ослушанія».

«А которые Московскіе и городовые посадскіе тяглые люди въ прошлыхъ годѣхъ со 121 году въ писцовыхъ книгахъ написаны на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ, а иные въ писцовыхъ книгахъ въ тягле и не написаны, а въ тяглѣ они были и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ же и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣльцах и въ наймитахъ, а ныне они живут въ закладчикахъ за Патриархомъ, и за Митрополиты, и за Архіепископы и Епископы, и за монастыри, въ ихъ вотчинахъ, и за бояры, и за окольничими, и за думными и за ближними и за всякихъ чиновъ людми въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ, розныхъ городовъ въ уѣздѣхъ, во крестьянѣхъ и въ бобыляхъ и въ холопствѣ; и которые посадскіе жъ люди съ тягла вышли въ басманники и въ Кадашево, и во псари, и въ станошники, и въ сѣдельники, и въ поковщики, и въ мелники, и въ зелейные и въ печатные и въ денежные мастеры, и въ салдаты, и въ воротники, и въ кузнецы, и въ

[1] Рус. Ист. Биб. X, 416—426.
[2] Акты Моск. государства II № 372.
[3] Рус. Ист. Биб. X, 424.

сторожи по Приказомъ, и въ иные въ какіе чины,—и тѣхъ всѣхъ потому жъ указал Великій Государь свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напередъ сего.

И впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за него, Великого Государя, ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людми не называться; а будутъ они впредь учнутъ за кого закладываться и называться чьими крестьяны или людми,—и имъ за то чинить жестокое наказанье: бити ихъ кнутомъ по торгомъ и ссылати ихъ въ Сибирь на житье, на Лену, да и тѣмъ людемъ, которые ихъ учнутъ впредь за себя пріимать въ закладчики». [1]

Если сравнить текстуальные выдержки из челобитных 30 октября и решения по ним 13 ноября, то разница между их содержанием окажется весьма заметной. Затягивая и в конце концов аннулируя вопрос об отобрании церковных имуществ в пользу поместного класса, правительство или, точнее, комиссия кн. Одоевского и Боярская Дума шли навстречу отобранию у церкви и боярства их посадских слободок, торговых и промышленных людей и подгородных дач такими шагами, что советные люди Земского Собора могли легко и здесь почувствовать желание топтаться на месте. Выборные люди Земского Собора 30 октября требовали, чтобы «везде было все его государево», и чтобы «никакимъ торговымъ и промышленнымъ людемъ за патріархомъ и за властьми и за монастыри и за бояры и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людми быти не велѣлъ». А Боярская Дума 13 ноября приговаривает: 1) возникшие с 1613 года на тяглых и вотчинных землях въ Москве и в других городах слободы, если в них живут торговые и промышленные люди, взять на государя; 2) заложившихся с 1613 года тяглецов вернуть в тягло; 3) впредь налагать уголовное взыскание как на закладывающихся тяглецов, так и на принимающих их к себе. Следовательно, подгородние и городские торгово-промышленные слободы, хотя бы они размером превышали самый посад, и слободы пашенные, если они возникли до 1613 года, должны были остаться, согласно приговору 13 ноября, в неприкосновенности. Оставались в неприкосновенности также вотчинные земли, заселенные пашенными крестьянами и бобылями, т. е. села и деревни вотчинников, хотя бы они вплотную примыкали к посадским огородам, занимая посадские выгоны и «в лесы выезды». Наконец, даже закладчики, если они перешли в частную зависимость раньше 1613 года, также могли быть спокойны: боярский приговор их не касался. Очень характерно затем, что Боярская Дума сузила круг подлежащих экспроприации владельцев белых слобод, опустивши в перечне Московских дворян и дьяков, вероятно, следуя не посадской, а дворянской редакции челобитной 30 октября. Но зато Боярская Дума весьма заботливо перечислила все разряды дворцовых ремесленников и приборных служилых людей, куда также могли уйти с тягла тяглые люди: она указала на государевых басманников, ткачей из Кадашева, псарей, станошников, седельников, поковщиков, мельников, зелейных, печатных и денежных мастеров, кузнецов, а также салдат, воротников, приказных сторожей и «иные какіе чины».

В таком виде боярский приговор, который должен был играть роль инструкции для осуществления реформы, значительно видоизменял ее содержание, намеченное челобитными 30 октября. Он шел не намеченными советными людьми путями, а старой привычной дорожкой Московского за-

[1] А. Э. IV № 32 стр. 46—7.

конодательства о слободах и закладчиках, которое комиссия Одоевского и бояре теперь перетряхивали перед глазами челобитчиков.

Еще с 1621 года было запрещено: «тяглыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ бѣломѣстцомъ не продать и не заложить и по душѣ и въ приданое никому не отдать». [1] С 1624 года это правило было распространено на посады, причем закон получил и обратную силу: в Ярославле отбирали у беломестцев, напр., дворы, которые были записаны тяглыми по дозору 1614 года. [2]

Таким образом, с 1613 года слободы законно возникать на тяглых местах не могли. Не должны они были возникать и на нетяглых местах, так как заводить новые слободы без государева указа вообще было запрещено еще в XVI веке при Иване III, Василье III и царе Иване IV. Правда, указы эти нарушались, и боярский приговор 13 ноября, очевидно следуя докладной выписке князя Одоевского с товарищи, стремился восстановить действие этого ветхого законодательства, доказавшего свою недостаточность, а не пойти тем принципиальным и революционным путем, на который толкали правительство челобитчики 30 октября. То же самое должно сказать относительно второй части боярского приговора о закладчиках. Его содержание взято из старых указов для сыска закладчиков князю И. А. Голицыну, который сыскивал закладчиков в Москве в 1637 году, [3] и Репниным в 1640 году. [4]

Таким образом, можно сказать, что боярский приговор 13 ноября по существу вопроса о слободах и закладчиках не давал ничего нового: комиссия князя Н. И. Одоевского отряхнула прах с забытых наказов Сыскным приказам, а царь и Боярская Дума обещали снова пустить в ход заржавевший механизм посадского сыска: учинить пересмотр законности владения людьми в Москве и по городам на тех же основаниях, как это было в 1637—42 годах, и взять на государево имя вновь возникшие с 1613 года владельческие слободки. Челобитной 30 октября грозила участь такой же челобитной от 9 ноября: боярская среда хорошо умела отвечать «гладостью» и чужеземцам и своим, отделываясь в тяжелые минуты уступками по второстепенным вопросам. [5]

Однако выборные Земского Собора быстро заметили и поняли, как далек боярский приговор от их желания и требований челобитных 30 октября. Указ об отобрании слобод для осуществления был передан в Приказ Сыскных Дел князю Юрью Алексеевичу Долгорукову 19 ноября. Ю. А. Долгоруков, близкий родственник Б. И. Морозова, как увидим, должен

---

[1] Христ. Владимирского—Буданова III стр. 124.

[2] Приказные дела ст. лет 1646 № 154 л. 278—280.

[3] Доклад его от 5 июня 145 г. Дворц. Архив Столб. II разряда № 41. 505 л. 87. Государев указ—б. А. М. И. Д. Прик. дела ст. лет 1646 № 154 л. 272—3. Издан. С. Б. Веселовским в Актах пис. дела т. II №№ 177—182.

[4] Акты писц. дела II №№ 177—182.

[5] Напр., в тот же день 13 ноября 1648 г. «розных городов дворяне и дети боярские» били челом государю о суде на дьяков и подьячих.—«Прежде сего дьяки и подьячие судимы былі в Челобитном приказе, а ныне де дьяки и подьячие судимы по подписным челобитным в тѣх приказех, гдѣ хто сидит. И им де от тѣх дьяков и от подьячихъ чинятца налоги многие и убытки большие, а правого суда они на тѣх дьяков и на подьячих в тѣх приказех добитца не могут, потому что у нихъ в тѣх приказех сидят с нимі братья и племянники и их дѣти. И государь бы их пожаловал, велѣл тѣх дьяков и подьячих попрежнему судить в одном приказе, гдѣ государь укажет.

А на челобитной ихъ помѣта думного дьяка Михаила Волошенинова: 157-го ноября въ 13 де государь пожаловал—велѣлъ дьяков и подьячих всѣх приказов и безместных судом вѣдать в Челобитном приказе». 15 ноября память о том, чтобы не судить своих подьячих, за приписью дьяка Степана Чюбарова, справа подьячего Ивашка Григорьева, послана в Разряд дьякам думному Ивану Гавреневу и Григорью Ларионову. б. А. М. Ю. Столбцы Разряда, Московский стол № 223, л. 528—530.

был работать с помощью или под присмотром двух членов от Земского Собора, И. В. Толстого и Семена Заборовского. Это обеспечивало советным людям возможность контроля над осуществлением реформы, результаты чего быстро сказались. Уже 25 ноября «всякихъ чиновъ выборные люди», очевидно ознакомившись с наказом Приказу Долгорукова, т. е. приговором бояр 13 ноября, принесли к Долгорукову в Приказ Сыскных Дел новую подписную челобитную. В ней они указывали, что просили (30 октября) «учинить въ Московскомъ государствѣ попрежнему, какъ было при прежнихъ Государѣхъ», в том смысле, чтобы «на Москвѣ и около Москвы и въ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей и закладчиковъ, и откупщиковъ, опричь его Государевых торговыхъ людей, нигдѣ ничьихъ не было». Между тем в государеве указе Долгорукову «съ товарыщи» велено сыскать и отписывать не всех торговых людей, а только бывших тяглецов, ушедших с тягла с 1613 года.

Ввиду этого выборные люди Земского Собора просят государя исправить ошибку и придать решению ту принципиальность, с которой к вопросу подходил Земский Собор.—«И чтобъ Великій Государь пожаловалъ, велѣлъ слободы около Москвы и на Москвѣ и въ городѣхъ съ торговыми и ремесленными людми, со крестьяны и съ бобыли и со всѣми ремесленными людми взять и отписать на себя, Великого Государя, безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ, чтобъ впредь слободамъ со крестьяны и съ бобыли и съ закладчики, съ торговыми и ремесленными людми, на Москвѣ и въ городѣхъ, всѣмъ быть его государевымъ, а ничьимъ инымъ, опричь его государевыхъ людей, не быть». При этом советные люди снова настаивают, что именно «отъ той розни» в Московском государстве были «ссоры и розни», которые может уничтожить только предлагаемая Собором реформа.

Согласно резолютивной части челобитья, 25 ноября 1648 года последовало решение государя о том, чтобы слободы около Москвы, в Москве и в городах, с торговыми и ремесленными людьми, с крестьянами, бобылями и закладчиками и со всякими ремесленными людьми, были взяты и отписаны на государя «безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ». [1]

Таким образом, «всяких чинов выборные люди», наконец, сломили бояр или по крайней мере ту часть боярского класса, которая открыто или втайне была солидарна с князем Я. К. Черкасским, Н. И. Романовым и др., и не желала конфискации городских вотчин. Как показывает приговор Боярской Думы 13 ноября, таких бояр в Думе было во всяком случае большинство, чего и нужно было ожидать. Б. И. Морозов со своими сторонниками не были выразителями интересов боярского класса, а отражали стремления подымавшихся после Смуты средних слоев русского общества: дворян и детей боярских и особенно выраставшей городской буржуазии, посадских людей. Давление этих групп, представленных выборными на Земском Соборе, вместе с поддержкой «собинного друга» Б. И. Морозова 25 ноября 1648 года обратили тишайшего царя Алексея в идейного преемника прадеда его, царя Ивана Васильевича Грозного, времени которого недаром принадлежали все симпатии земских челобитчиков. Царской резолюцией 25 ноября была предписана конфискация доходнейшей части частновладельческих и церковных вотчин, которая воскрешала традиции опричного строительства XVI века.

[1] А. Э. IV № 32, III.

Такое решение, строение посадов без лет и без сыску, впрочем, подсказывалось и общим развитием вопроса. С 1619 года сыск черных тяглецов, на практике гл. обр. посадских людей, ушедших в частную зависимость, продолжался в течение 10 лет, в то время как владельческих крестьян и бобылей можно было искать в течение только 5 лет. Таким образом, государева вотчина или, для XVII столетия правильнее, «государев круг», т. е. группа зависимых от государя лиц, имел преимущество в охране своих членов в сравнении с частновладельческими «кругами» или вотчинами. В 1638 году срок для сыска черных тяглецов был удлинен до 25 лет, и закладчиков сыскивали с 1613 года; естественно, что и для сыска частновладельческих крестьян и бобылей в 1641 году срок был увеличен по челобитью дворян и детей боярских всех городов с 5 до 10 и 15 лет. Преимущественная охрана государевой вотчины при этом, таким образом, была сохранена. Наконец, после движения поместной армии в 1645 году была обещена отмена урочных лет, т. е. полное закрепление крестьян владельческих; следовательно, неизбежно вставал вопрос о вечном закреплении и государевых тяглецов, которых теперь стали искать, придавая закону обратную силу, «без лет и без сыску, где кто ныне живет». Разумеется, значение закона о слободах 25 ноября гораздо глубже и шире, нежели этот вопрос о сроках для сыска тяглецов-закладчиков: реформа касалась земли и права на торг и промысел, которые должны были сделаться монопольным правом тяглых посадских людей. Однако,и вопрос о сыске закладчиков в деятельности приказа Сыскных Дел 1648—1652 года играл не последнюю роль.

8. Победа партии Б. И. Морозова и отголоски борьбы.

После челобитья и решения о слободах 25 ноября вопрос был в принципе окончен. К исполнению его торопились перейти, и два члена Земского Собора были приставлены к боярину Ю. А. Долгорукову, который должен был осуществить закон 25 ноября. Однако и побежденная боярская оппозиция, поддерживаемая всеми недовольными элементами, в особенности же стрельцами, которые должны были лишиться вместе с остальными служилыми и приборными людьми своих торгов и промыслов, не складывала оружия и готовилась к отпору. В своем донесении королеве Христине от 30 декабря 1648 года Поммеренинг записывает следующее:— «Когда его царск. в-ство пожелал взять крестьян на несколько верст под Москвою, так как они издавна подчинялись Москве, и слуги бояр ходят там и грабят по дорогам и тропинкам,—то другие переносят это охотно. А так как Романов, князь Яков Мамстрюкович (Sic! чит.: Куденетович, П.С.) (который не ходит в Думу) желают иметь больше всего и лушее, то они и теряют многое, что имеют там; его царск. в-ство хочет также взять их купцов под свое тягло и простолюдинов, которые свободно под их защитою жили и торговали. Поэтому много дурного слышно от них и от стрельцов, хотя последние вместо прежнего своего годового жалования в 4 или 5 руб. теперь недавно получили от его царск. в-ства 25 руб., а некоторые полагают, и более». [1]

Таким образом, в декабре 1648 года в Москве живо обсуждалась предстоящая реформа. Одни, вероятно сторонники Морозова, как мы знаем,

[1] Якубов, Россия и Швеция в пер. пол. XVII в.—Чт. в О. И. и Д. Р. 1898, I стр. 432—3. Так как в данном месте приведен шведский текст, а перевод места г-на Якубова непонятен, предлагаем свой перевод несколько в ином виде, нежели у г.Якубова.

не затрагиваемые предстоявшими отчуждениями, ее оправдывали и, вероятно, злорадствовали чужой беде; другие, и главным образом боярин Никита Иванович Романов и князь Яков Куденетович Черкасский, которые были первыми после государя городовладельцами и дворовладельцами в городах, теряли очень много и потому роптали и вероятно грозили. С ними заодно были мелкие служилые люди, стрельцы, жившие от торга и промысла, для которых никакое увеличение государева жалования не могло заменить привычных исконных торжишек и промыслишек по Москве и городам, подлежащих теперь запрещению. Несколько раньше, в донесении от 7 декабря, тот же наблюдатель сообщает: «Романов со своими (т.е. приверженцами) очень недоволен». [1] Русские источники подтверждают опасное настроение боярско-стрелецкой оппозиции решениям Земского Собора и царя в декабре месяце 1648 года.

В Земском Соборе в декабре месяце очередным вопросом был уже вопрос об изгнании из России торговых иноземцев, на чем настаивали гости и другие носители русского торгового капитала, окрыленные первым успехом.

Не позже 20 декабря 1648 года обе выборные курии Земского Собора, сохраняя свое «единачество», обращаются с соответствующей петицией, и, по обсуждении деталей, «сословия», т. е. Земский Собор, решает вопрос в положительном смысле. Исполнение этого решения, которое естественно не вошло в Соборное Уложение, было поручено тому же Приказу Сыскных Дел князя Юрья Алексеевича Долгорукова, который должен был провести городскую реформу. Но ни этот, ни другие важные вопросы, возникавшие в процессе составления важнейшего законодательного памятника Московской эпохи, не могли отвлечь внимания от вопроса о посадской реформе, от слобод и закладчиков, и это тем более, что работы по новому обмежеванию г. Москвы Приказ Ю. А. Долгорукого начал немедленно же в конце 1648 года, угрожая существованию дач, огородов, подмосковных московской знати и даже подмосковных монастырей, и отбирая у их торговых людей-закладчиков.

Поэтому Рождество и Новый год проходили в Москве напряженно и неспокойно. Не прекращались выпады против «незаконного» царя Алексея, за что в начале января 1649 года чуть было не сожгли живьем князя Шаховского, о чем Поммеренинг доносил своей королеве 13 января, не вполне, правда, разобравшись в деле. [2]

В низах, среди стрельцов, закладчиков и прочего люда, интересы которого затрагивала так или иначе реформа, шли те же толки с прибавкой угроз. 4 января стрелец Андрюшка Калитин слышал от товарища своего Андрюшки Ларионова, который был у князей Черкасских, что князь Яков Куденетович и его племянник князь Петр говорили, будто к ним приходило четверо стрельцов и назначили срок восстания: «быть замятне в Крещенье, как государь пойдет на воду». Причины и ближайшие цели замятни открываются из дела о речах закладчика боярина Никиты Ивановича Романова, Савинки Корепина, донос на которого подан был 17 января. Корепин жаловался на новые порядки, причем прямо винил в них, вероятно по толкам своего боярского двора, Б. И. Морозова. «Какъ де я былъ за бояриномъ за Микитою Ивановичем, и мнѣ было добро, а ныне де меня взяли за государя, и мнѣ недобро. А сдѣлали то бояре—Борис Ивановичъ да Илья

[1] Якубов, наз. труд стр. 431.
[2] Якубов, Россия и Швеция стр. 437. О процессе см. выше.

Даниловичъ» (Морозов и Милославский). Государь всего не ведает или же «и знаетъ, да молчитъ,—чертъ де у него умъ отнялъ». [1]

Морозов делает умыслом, будто он теперь ничем не владеет, а дал владеть Милославскому. И выходит так, что «государь теперь ничемъ не владѣетъ, а владѣетъ Илья Даниловичъ».—«И отъ того ихъ промыслу ходить намъ по колѣни в крови, грозился Савинка,—а бояромъ Морозову, Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями». Далее начертывается программа для готовящегося гиля.

— «Есть у насъ много ярыжекъ, которые у насъ живутъ, отъ нихъ и починъ будетъ; въ этомъ заводѣ всѣ съ нами, да и стрѣльцы, которые рукъ не прикладывали, съ нами же. [2] Выѣдутъ на Лобное мѣсто бояре Никита Ивановичъ Романовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасский, князь Дмитрій Мастрюковичъ Черкасскій, князь Иванъ Андреевичъ Голицинъ, пристанутъ къ намъ стрѣльцы и всякіе люди и станутъ побивать и грабить Морозова, Милославского и другихъ».

Слухи о готовящемся избиении сторонников Б. И. Морозова не были пустыми речами, и в Кремле опасались возможности повторения июньских дней. Как признание возможной связи этих слухов с боярским двором князей Черкасских можно рассматривать факт устранения кн. Я. К. Черкасского от розысков по «государеву слову», последовавшего 17 декабря 1648 года. [3] Когда наступило Крещение (6 января), и Морозов вел государя на Иордань, то, как записал Поммеренинг,—«все стрельцы, как слышно, говорили, что они тогда хотели убить Морозова». Морозов был очень расстроен. Для него была очевидна опасность; ясны были и истинные источники ее.—«Однако он не хотел возводить никаких обвинений на князя Якова», продолжает тот же современник, быть может, добавим,—из опасения ускорить таким обвинением взрыв. Еще 9 марта 1649 года Поммеренинг продолжал сообщать своему правительству, что «Морозову все еще угрожают ежедневно». Сообщая о массовых казнях и пытках, произведенных в январе месяце, он говорит: «В эти дни много народу подверглось жестоким пыткам,—умирают у Морозова, Ильи Даниловича (Милославского), Пушкина; (кроме них) присутствовали еще только до 14 и 17 больших бояр; они желали расследовать, какая была причина смятения (волнения). Но на Романова и князя Якова они не хотели возводить обвинений». Хотя неясно, кто не хотел возводить обвинений: бояре или подвергавшиеся пыткам, но по связи с предыдущим скорее первое. [4]

Тронуть популярных в Москве и среди поместной армии бояр было небезопасно, да этого едвали хотел и царь Алексей. Савинка Корепин, вероятно передавал слухи с двора Н. И. Романова, рассказывал, будто князя Я. К. Черкасского «хотели сослать, и подводы под него были готовы, но не сослали его, боясь нас, для того что міръ весь качается: какъ его станутъ посылать, и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ хочетъ выѣхать на Лобное мѣсто и станетъ міру говорить, и мы за него всѣмъ міромъ станемъ»... [5]

[1] Быв. А. М. и Д. Прик. дела ст. лет 1649 № 19. Пересказ см. у В. О. Ключевского, Курс III, стр. 170; у С. М. Соловьева Ист. России II, 1524.

[2] Как предположил еще С. М. Соловьев, речь идет о подписании челобитной о возвращении Б. И. Морозова в Москву.

[3] Зерцалов, О мятежах в г. Москве стр. 29—Чт. в О. И. и Д. Р. 1890, III.

[4] Якубов, наз. труд стр. 439.

[5] Соловьев Ист. России II, 1524.

Дядя царя Алексея, боярин Никита Иванович Романов, повидимому, также изо всех сил сопротивлялся Морозову и его реформам. В январе—феврале месяцах он несколько раз был у царя, но не пожелал подписать Соборного Уложения, скорее всего из-за XIX главы его, которая формулировала закон об отобрании слобод и закладчиков. [1]

Князь Яков Куденетович Черкасский появился у царя только на Пасху, «но не хотел письменно просить прощения», чего очевидно от него добивались. [2]

Ни тот ни другой не приложили своих рук к списку Уложения. Не дали своих подписей и такие видные их сторонники, как князь Иван Андреевич Голицын, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский; на подлинном списке Соборного Уложения среди рукоприкладств нет ни одного Шереметева, Куракина и др., что, конечно, не могло произойти случайно. [3]

Щадя царскую родню, сторонники Морозова, однако, не останавливались перед карами, которые сыпались на оппозиционеров помельче. Князь Юсупов с женой княгиней Марьей, сыном и дворовыми людьми сосланы были на Белоозеро якобы за то, что они свыше 3 месяцев не доносили на своих дворовых людей. [4] Есть известие, что какой-то князь Львов и с ним 120 человек, выражавшие недовольство Соборным Уложением, были сосланы в Соловки. [5] В мае 1649 года Василий Борисович Шереметев получил назначение воеводой в г. Тобольск, что по всей обстановке момента едва ли можно считать «знаком милости и доверия», как это казалось Барсукову. [6]

Еще беспощаднее расправлялись с низами, замешанными в движении. Савинку Корепина за его речи казнили. Стрельцу Ларионову вырезали язык и сослали. [7] Трое слуг Никиты Ивановича Романова были биты кнутом за то, что спустили собак на государевых стрельцов, вероятно встревоженные слухами о предстоящей отписке по Уложению подмосковного села своего «государя»—Пушкина. [8] Дворовый человек стольника князя Ивана Юсупова, сосланного на Белоозеро, был наказан 90 ударами и сожжен огнем; подьячий Протопопов—97 ударами и огнем сжен; в конце декабря они были сосланы.

Вообще в связи с подготовлявшимся переворотом, который не удался, теперь сыпались разжалования, шли пытки и казни. Мы уже отмечали, что Поммеренинг от 25 января сообщает, что много народу подверглось пыткам у Морозова, Милославского, Пушкина; кроме них, присутствовали на пытках еще только до 14 и 17 больших бояр, которые расследовали,

[1] Донесение Поммеренинга от 9 февраля—Якубов, Россия и Швеция стр. 442.
[2] Там же стр. 447, от 5 апреля.
[3] Забелин, Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича—Архив историко-юридических сведений, относ. до России, кн. I.
[4] Зерцалов, О мятежах в г. Москве, стр. 29.
[5] Щапов, Земский собор 1648—49 г. и собрание депутатов 1767 г.—Отечествен. Записки 1862 г. № 11.
[6] Барсуков, Род Шереметевых т. III, стр. 389, СПБ 1883.
[7] Соловьев, Ист. России II, 1524—5.
[8] Донесение Поммеренинга от 26 января 1649 г. (Якубов, Россия и Швеция в пер. пол. XVII в. стр. 439): «Трое слуг Романова недавно были биты кнутом за то, что они, как говорят, спустили собак на стрельцов великого князя, когда те охотились в имении Романова Пушкине (Pyttkin), и великий князь берет его (т. е. имение) на себя, так как в новом Уложении будто бы постановлено, что на расстоянии двух верст от Москвы никто не должен жить (т. е. владеть поместьем), но по старому обычаю должны (т. е. все эти местности) принадлежать Москве».

какая была причина смятения. Эти 14—17 человек больших бояр и составляли, вероятно, всю партию сторонников Морозова и тех, кто спешил себя зарекомендовать перед новым правительством. Как совпадение, отметим, что и на подлинном списке Соборного Уложения мы находим только 15 боярских подписей; среди них 3 Морозовых, Милославский, Ю. А. Долгоруков, Пушкин, Львов, Салтыков, Н. И. Одоевский, Прозоровский и др.

29 января двоим отрубили головы и еще у двоих вырвали язык за их утверждение, что скоро будет еще более сильный бунт, нежели в июне.[1] 3 марта было высечено 35 человек, которые говорили о мятеже.[2] 18 апреля Поммеренинг сообщает о ссылке в Сибирь нескольких сот стрельцов, «по незначительным причинам или без всяких причин».[3] Б. И. Морозов назначил несколько офицеров, которые должны были заключать под стражу всех, кто будет грозить правителю или дурно о нем говорить.[4]

Вместе с тем проектировалось под начальством И. Д. Милославского образовать особую гвардию в 5.000 человек, под командой голландца Буксгафена, которые и должны были заменить, очевидно, опасно настроенных стрельцов.—«На такое хорошее распоряжение, добавляет Поммеренинг, бояре смотрят с неудовольствием».[5] Рассказывая о всех этих мерах правительственного устрашения, тот же свидетель добавляет в донесении от 18 апреля 1649 года:—«Тем не менее, волнение не утихает, и многие убегают прочь от страху».

17 марта 1649 года «для своего государева ангела», государь жаловал многих чинами, причем получили повышения и награды многие из стрелецких голов и сотников.[6] Это указывает на то, что правительство имело поддержку среди преимущественно верхушек стрелецкого войска.

Так закончилось Московское движение 1648 года, которое было одним из крупных эпизодов в развитии Московской общественности XVII века и имело важные последствия.

Le gouvernement de Boris Morosoff et la révolte à Moscou 1648.

Resumé.

La révolte de 1648 qui commença à Moscou et se répandit dans la série des autres villes russes, est une étape d'une grande importance du développement de la société russe de XVII siècle. Ce mouvement surgit lorsque à la tête de l'état se trouvait le boyard B. Morosoff. Celuici aspirait à la reconstitution des finances et au développement de villes russes, en coordinant ainsi les intérêts des classes diverses de la population. Pendant la révolte de 1648 une certaine partie des adhérents de Morosoff périrent, Morosoff et les autres furent déportés. Mais Morosoff revint ensuite et par le Zemsky Sobor (Etats Généraux) de 1648—49 fit passer ses projets de développement des villes au grand détriment de la classe des anciens boyards russes.

---

[1] Поммеренинг от 9 февраля. (Корепин и Ларионов?).
[2] Там же от 5 апреля.
[3] Там же, от 18 апреля.
[4] Там же, от 18 апреля, стр. 447.
[5] Поммеренинг от 26 января, стр. 440.
[6] Акты Моск. государства II № 389. Кроме напечатанного г. Поповым отрывка из столбца Московского стола Разряда № 223 л. 410, см. лл. 497, 510—531 и др.

БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

1. Обстоятельства воцарения Алексея Михайловича и образование правительства Б. И. Морозова 4
2. Смена администрации и состав правительства Б. И. Морозова . 12
3. Внешняя политика. Основные цели внутренней политики правительства Б. И. Морозова. Сокращение расходов. Соляной налог. Борьба с тарханщиками. Недоимки . . 18
4. Городская политика Б. И. Морозова. Строение посадов . . 25
5. Июньское восстание в Москве 1648 г. и падение правительства Б. И. Морозова 49
6. Земский Собор 1648—49 и борьба за власть боярских партий 62
7. Дворянская и посадская программы на Земском Соборе 1648—49 г.г. и борьба боярских партий 66
8. Победа партии Б. И. Морозова и отголоски борьбы 80